

ТОМ 8
2023
№2

Городские исследования и практики

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

URBAN STUDIES AND
PRACTICES, VOLUME 8
2023, NO 2
ISSUE TOPIC
URBANISM OF HOPE

Урбанизм надежды

Городские исследования и практики

ТОМ 8, № 2, 2023

Урбанизм надежды

Urban Studies and Practices
Volume 8, issue 2, 2023
Urbanism of Hope

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

**Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
East View

Формат 60×90/8. 10,5 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в филиале «Чеховский
печатный Двор» ОАО «Первая образцовая
типография», 142300, Московская обл.,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Городские исследования и практики

ТОМ 8, №2, 2023

Урбанизм надежды

Главный редактор

В. В. Анашвили (РАНХиГС, Российская Федерация)

Научные редакторы

В. Н. Данилов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

В. Н. Данилов (МГУ имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
Р. А. Дохов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара)

Ответственный секретарь

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

К. Э. Аксенов (СПбГУ, Институт наук о Земле, Российская Федерация)
Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
А. А. Белых (РАНХиГС, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания))
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Я. Брюкнер (Калифорнийский университет, США)
А. Г. Вайтенс (СПбГАСУ, Российская Федерация)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. И. Левин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Калифорнийский университет в Беркли, США)
Е. К. Михайленко (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Ю. М. Моисеев (МАрХИ, Российская Федерация)
Т. Г. Нефедова (Институт географии РАН, Российская Федерация)
А. Н. Пилясов (Русское географическое общество, Российская Федерация)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)
Е. С. Фидря (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заведующая редакцией А. А. Лаврик

Корректор Т. В. Редькина

Дизайн С. Д. Зиновьев

Обложка, верстка А. В. Меерсон

Фотография на обложке Евгений Гришунов

Содержание

- 6 **Дарья Мальцева, Юлия Данелюк-Кобылянская, Елизавета Синяева, Семён Скотников, Полина Широкова**
Сравнение стратегий политического вмешательства в неформальные поселения городов Глобального Юга
- 41 **Анна Скриган, Антон Шкарубо**
Субурбанизация в эпоху COVID-19: выживут ли традиционные дачи в России?
- 57 **Екатерина Леттиева, Олег Штинов**
Разнообразие в условиях депопуляции: территориальное и стратегическое планирование в сжимающихся городах Республики Коми
- 69 **Дарья Шубина, Кирилл Пузанов**
Риски и потенциал городских пустот
- 80 **Александра Колесник**
Музыкальная география и понятие «музыкальный ландшафт»: подходы к исследованию музыки в пространстве города
- 92 **Александра Бочавер, Виктория Ерофеева, Екатерина Цыганова**
Родительское лицензирование детских независимых перемещений в современных российских семьях

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT

Urban Studies and Practices

VOLUME 8, ISSUE 2, 2023

Urbanism of Hope

Publisher: HSE University

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77-66568

Address: National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
East View

Editor-in-Chief

Valery Anashvili (RANEPA, Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)

Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Editorial Board

Vyacheslav Danilov (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

Ruslan Dokhov (HSE University, Russian Federation)

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Executive Secretary

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Konstantin Aksenov (Institute of Earth Sciences, St.-Petersburg State University, Russian Federation)

Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)

EugeneASSE (March, Russian Federation)

Andrei Belykh (RANEPA, Russian Federation)

Peter Bishop (UCL, UK)

Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)

Jan Brueckner (University of California, USA)

Yefim Fidrya (HSE University, Russian Federation)

Konstantin Grigorichev (ISU, Russian Federation)

Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)

Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)

Oksana Zaporozhets (HSE University, Russian Federation)

Natalya Zubarevich (HSE University, Russian Federation)

Mark Levin (HSE University, Russian Federation)

Setha Low (University of California Berkley, USA)

Evgeny Mikhaylenko (HSE University, Russian Federation)

Yuriy Moiseev (MARKHI, Russian Federation)

Tatyana Nefedova (IGRAS, Russian Federation)

Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)

Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)

Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)

Paul Timms (University of Leeds, UK)

Andrey Vaitens (SPbGASU, Russian Federation)

Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Editorial management Anna Lavrik

Proofreader Tatyana Red'kina

Design Sergey Zinoviev

Cover, Layout Anastasia Meyerson

Cover photo Eugene Grishunov

© HSE University, 2023

Table of Contents

- 6 **Daria Maltseva, Yuliia Daneliuk-Kobylianskaia, Elizaveta Siniaeva, Semyon Skotnikov, Polina Shirokova**
Comparison of Political Intervention Strategies in Informal Settlements in Cities of the Global South
- 41 **Anna Skryhan, Anton Shkaruba**
Suburbanization in the COVID-19 Era: Will Traditional Dachas Survive in Russia?
- 57 **Ekaterina Lettieva, Oleg Shtinov**
Heterogeneity Under Population Loss: Spatial and Strategic Planning in Shrinking Cities in the Komi Republic
- 69 **Daria Shubina, Kirill Puzanov**
Risks and Potentials of Urban Voids
- 80 **Alexandra Kolesnik**
Musical Geography and the Concept of “Musical Landscape”: Features of the Disciplinary Field
- 92 **Alexandra Bochaver, Victoria Yerofeeva, Ekaterina Tsyganova**
Parental Approval of Children’s Independent Mobility in Contemporary Russian Families

Сравнение стратегий политического вмешательства в неформальные поселения городов Глобального Юга

Дарья Мальцева
Юлия Данелюк-Кобылянская
Елизавета Синяева
Семен Скотников
Полина Широкова

Благодарность

Данная работа была проведена в рамках научно-исследовательского семинара «Актуальная повестка городских исследований» на 1 курсе магистерской программы «Управление пространственным развитием городов» Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского ФГРП НИУ ВШЭ. Авторы выражают особую благодарность Антону Валерьевичу Городничеву за курирование процесса исследования и поддержку в последующем его развитии.

Введение

В новостях и научных статьях можно встретить мысли о том, что неформальные поселения, трущобы, фавелы – это то, против чего стоит бороться, что нужно реконструировать, у чего стоит изменять внешний

Мальцева Дарья Михайловна, преподаватель, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРП), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. E-mail: dm.maltseva@gmail.com

Данелюк-Кобылянская Юлия Кирилловна, магистр программы «Управление пространственным развитием городов», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРП), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. E-mail: jukidanko@gmail.com

Синяева Елизавета Михайловна, магистр программы «Управление пространственным развитием городов», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРП), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. E-mail: emsinyaeva@gmail.com

Скотников Семен Александрович, магистр программы «Управление пространственным развитием городов», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРП), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. E-mail: kangukangu10@gmail.com

Широкова Полина Андреевна, магистр программы «Управление пространственным развитием городов», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРП), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. E-mail: polina.a.shirokova@gmail.com

Неформальную урбанизацию, особенно характерную для быстро растущих городов Глобального Юга, нередко считают некой «болезнью» на теле городов, с которой нужно бороться. Однако стратегии вмешательства в неформальные поселения редко приводят к улучшению жизни в них. В данном исследовании рассмотрены последствия политического вмешательства в устройство неформальных поселений в городах Глобального Юга (Мехико, Сан-Паулу,

вид. Однако необходимо понимать, что физическое вмешательство в неформальные поселения не всегда приводит к улучшению жизни в них. Лишь в сочетании с институциональными и социальными преобразованиями вмешательство может качественно изменить уровень жизни в неформальных поселениях.

Особенно характерна неформальная урбанизация для городов Глобального Юга, расширяющихся быстрыми темпами, что создает в них широкое поле для внедрения разнообразных мировых практик взаимодействия. Однако зачастую инструменты политического вмешательства в неформальную застройку заимствуются между странами, регионами и городами без учета локального контекста, что приводит к их неэффективности (неуспешности) с точки зрения возникающих последствий. Но насколько (не) успешны различные инструменты вмешательства в неформальную застройку в городах Глобального Юга?

В данном исследовании мы рассмотрим последствия и оценим успешность инструментов политического вмешательства в устройство неформальных поселений в 7 городах Глобального Юга, соотнеся их с выдвинутыми далее гипотезами.

В названии темы заложены 3 основных концепта, связь между которыми мы в данной работе будем рассматривать: *неформальные поселения городов Глобального Юга, стратегии политического вмешательства в их структуру и оценка эффективности этих действий.*

Неформальная урбанизация: типы и характеристики

Неформальной урбанизацией называют форму урбанизации, которая не подчиняется формальным правилам и регуляции, это квази-урбанизация, созданная локальным экономическим развитием и рыночными условиями [Perlman, 1979; Mohanty, 2019]. Она связана с отсутствием правоотношений созданных построек с землей, на которой они находятся, и отсутствием связи с формальным городским регулированием, планированием и дизайном [Roy, AlSayyad, 2003]. Чаще всего она возникает в развивающихся странах по причине сельско-городской миграции, «спонтанной» урбанизации, недостатков городского планирования, нехватки муниципального контроля и ресурсов для обеспечения нуждающейся части населения в жилье [Там же].

Одной из основных причин устойчивости неформальной урбанизации является экономическая выгода для различных социально-экономических слоев населения: индивидуальное нелегальное строительство малоэтажного жилья позволяет сэкономить от 30% [Harris, 2001] до 50% [Burgess, 1977] его обычной стоимости. Если легальный рынок не предлагает людям жилье по доступным им ценам и если есть возможность «обойти» легальные рыночные механизмы нелегальным и более выгодным путем, то в условиях слабой работы городского планирования и регулирования неизбежно будут развиваться неформальные практики строительства и жизни [Roy, 2005]. И здесь важно подчеркнуть, что такая реакция характерна не только для бедных слоев населения, но и для всех, кто стремится извлечь максимальную выгоду из своих вложений [Devlin, 2018], так же как и для элит, напрямую влияющих на рынок жилья и труда и предлагающих наиболее выгодные цены и ставки [Banks et al., 2020].

Не менее важным фактором распространения такого вида урбанизации является острое противоречие интересов местных жителей-застройщиков и властей, сопротивление любым внешним способам интервенции, недоверие действиям администрации [Ndukupi, 2013]. В таких условиях обычно либо жители не способны или не желают подчиняться формальным правилам, либо государство не способно или не желает принуждать жителей к соблюдению своих норм [Наг-

Богота, Бангкок, Мумбаи, Каир, Найроби) и оценена их стратегическая успешность.

Первостепенное значение имеют не столько институциональные возможности городов (наличие полномочий у муниципалитета, закрепление в Конституции обязательств), сколько экономические ресурсы (наличие местных бюджетов). При работе с неформальными поселениями наиболее эффективен местный уровень решения проблемы, на котором физические изменения следуют после социально-экономических. Без предварительного диалога с местными жителями изменения в физическом пространстве трущоб и неформальных поселений часто воспринимаются населением враждебно. Опыт городов Глобального Юга показывает, что политика, направленная на развитие социального капитала (библиотеки, школы, университеты в трущобах), оказывается более успешной. Институциональные политики – легализация, переписи, зонирование – сами по себе не результативны. Залогом успеха решения проблемы неформальных поселений являются комплексность стратегий интервенции, их одновременность и связанность между собой. Фрагментарные политики любого уровня не будут эффективно работать, а, наоборот, могут лишь увеличить недоверие жителей неформальных поселений. Партисипаторное проектирование, вовлечение людей в процессы благоустройства являются перспективными практиками, но это, прежде всего, точечные инструменты, которые также не могут быть в полной мере эффективными без сопутствующих изменений на институциональном уровне.

Ключевые слова: неформальная урбанизация; неформальные поселения; трущобы; стратегии политического вмешательства; Глобальный Юг

Цитирование: Мальцева Д. М., Дanelюк-Кобылянская Ю. К., Синяева Е. М., Скотников С. А., Широкова П. А. (2023) Сравнение стратегий политического вмешательства в неформальные поселения городов Глобального Юга // Городские исследования и практики. Т. 8. № 2. С. 6–40. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp8220236-40>

gis, 2018]. Как следствие – низкая вовлеченность жителей в программы модернизации неформально застроенных территорий, неосведомленность о желаниях и мотивах властей [Ndukai, 2013]. К основным причинам затрудненности введения этих программ также относят недостаток бюджетных ассигнований, политизацию всего процесса, отсутствие необходимого количества свободных земельных участков для переселения жителей неформальных застроек и благоустройства территорий, сложности в легализации прав собственности [Там же].

Политики со стороны государства по отношению к различным типам неформальной урбанизации можно разделить на: 1) намеренное или ненамеренное игнорирование проблемы, 2) противодействие (например, снос обнаруженных построек), 3) адаптацию (например, пособия жителям самостроев, действия по легализации уже существующих построек, закрепление на законодательном уровне в качестве обязанности муниципалитетов контролировать неформальную урбанизацию) и 4) интеграцию (ведение скоординированных программ по развитию неформальных территорий).

Терминологически неформальные поселения часто употребляют в качестве синонима трущобам, фавелам и сквотам, но эти понятия изначально были созданы как обозначающие несколько разные явления [Dovey, Kamalipour, 2017]. *Трущобы* отличаются от неформальных поселений тем, что условия жизни в них существенно ниже минимально допустимых: антисанитария, перенаселенность, размер единицы жилья, отсутствие прав собственности на недвижимость, опасные условия как в физическом, так и в криминальном плане. Постройки в них чаще выполнены из ненадежных строительных материалов, в них нет доступа к коммунальным услугам (электричеству, водопроводу, канализации, теплоснабжению) [UN-Habitat, 2003]. *Фавелы* часто употребляются как синоним трущобам, а также являются синонимом слову *shanty-towns* – проявлению больших масштабов хаотичной застройки, созданной из подручных и найденных материалов. *Главным отличием фавел от трущоб является конструкция зданий: в первом случае они временные, во втором – прочно связанные с землей, капитальные. Сквоты* – здания, заселенные без разрешения их собственников. Их можно различать

по характеристикам жителей и их мотиваций, а также по тому, решили они жить нелегально из-за экономических (бедность, предпринимательское желание организовать свой бизнес с наименьшими экономическими издержками) или идеологических причин (политическая протестная форма проживания вопреки формальному регулированию рынка, выражение протеста против сноса и обновления старых зданий при городском планировании, направленном на максимизацию эффективности) [Pruijt, 2013].

В данной работе мы *сфокусируемся именно на неформальных поселениях, трущобах и фавелах*, потому что эта форма урбанизации наиболее комплексная, самозамкнутая, ее формы являются ответом на существующее экономико-социальное положение города и состояние его городского планирования, в ней наиболее трудно менять что-то политическими силами извне. Такие поселения, построенные их будущими жителями методом «самостроя», «жилья своими руками» на незаконно захваченной земле из случайных строительных материалов [Patel et al., 2011], чаще находятся на маргинальных или менее ценных и экологически уязвимых городских землях, например вдоль долин рек, крутых склонов, свалок, заброшенных или неиспользуемых участках, в низменных районах и водно-болотных угодьях [Mohanty, 2019], а также на примыкающих к городу территориях [Бурцев, 2014]. Международная организация UN-Habitat [2003] различает два вида неформальных поселений, которые можно перевести как «самозахваченные» территории и «незапланированные районы», где жилье не соответствует действующим нормам планирования и строительства. Жильцы неформальных поселений часто обладают статусом «исключенных из рамок “контролируемого”», которым они впоследствии стратегически пользуются [Roy, 2005]. Однако у жизни в трущобах минусов больше: недостаточный доступ к санитарии и другой базовой инфраструктуре и услугам, низкое качество жилья, незаконность и ненадежность строительных конструкций, перенаселенность, небезопасные и опасные для здоровья условия жизни, незащищенность владения имуществом, отсутствие прав, минимальный размер жилья, нищета и социальная изоляция [UN-Habitat, 2003]. Все это вкуче влияет на «жизненные шансы» жителей трущоб, не позволяет им вырваться из «ловушки бедности».

Рис. 1. Уровни стратегий политического вмешательства в жизнь неформальных поселений
Источник: Mipnery et al. [2013] со ссылкой на Van Horen [2004].

Стратегии политического вмешательства в жизнь неформальных поселений

Существующие стратегии вмешательства в жизнь неформальных поселений можно различать по трем уровням: политическому, социоэкономическому и физическому (рис. 1).

При этом необходимо учитывать, что отношения категорий нелегальности и неформальности построек динамичны: они могут пересекаться между собой, в зависимости от контекста правоотношений постройки с земельным участком. Также они могут изменять свой статус во времени, в зависимости от политических интервенций. Постройки можно также различать по степени формальности/легальности регулирования [Chiodelli et al., 2021]: 1) обнаружены, но не поданы в реестры; 2) обнаружены, поданы в реестры, но не санкционированы; 3) обнаружены, поданы в реестры, осуждены, но поданы на апелляцию; 4) обнаружены, поданы в реестры, осуждены, но согласованы; 5) в стадии регуляции; 6) законны и урегулированы.

Публичная власть [Hospers, 2014] может игнорировать существование неформальной/нелегальной урбанизации, постепенно адаптировать ее под легальный вид и ста-

тус (например, через амнистии), активно интегрировать отдельные типы построек в городской каркас (через инвестирование в развитие этих территорий, соучаствующее проектирование) и пассивно или активно противодействовать (например, через снос, стигматизацию).

Когда исследователи начали применять понятия неформальной урбанизации на Глобальном Севере, то столкнулись с трудностью: похожие по морфологическим и функциональным признакам постройки появляются и распространяются там по иным причинам, а характер этой застройки носит чаще не широкий социальный и территориальный охват, а индивидуальный и точечный. Исследования последних 3–5 лет объясняют эту разницу с помощью различия неформальности и нелегальности. Если на Юге два этих понятия смешаны и являются синонимами друг друга как в правовом, так и в систематически проговариваемом терминологических смыслах, то на Севере они означают совершенно разные явления [Alterman, Calor, 2020]. На Юге процесс неформальной урбанизации в основном видимый, широко распространенный, коллективно воспроизводимый и начинающийся из-за фактического «самозахвата» маргинальных территорий [Harris, 2018].

Таблица 1. Сравнение неформальной и нелегальной урбанизации
Источник: составлено авторами на основе [Roy, Al Sayyad, 2003; Shmueli, Khamaisi, 2011; Alterman, Calor, 2020; Chiodelli et al., 2021].

Критерий для сравнения / вид урбанизации	Неформальная урбанизация (на Глобальном Юге)	Нелегальная урбанизация (на Глобальном Севере)
Слова-синонимы	Noncompliant (несоответствующая требованиям), spontaneous (спонтанная)	Unauthorised (незарегистрированная), illegal (нелегальная)
Примеры проявления	Фавелы, трущобы, «неформальные поселения»	Сквоты, wildcat development (неформальные поселения), нелегальная выдача лицензий
Условия городского планирования	Отсутствие скоординированной политики по управлению и развитию территорий (зонирования, уставных документов, контроля за строительством и использованием недвижимости)	Скоординированная работа одновременно: <ul style="list-style-type: none"> • городского зонирования; • уставных документов; • контроля за строительством и использованием недвижимости, а также выдача лицензий
Характер урбанизации	«Правило, а не исключение»: массовый, общественно приемлемый характер	«Исключение из правила»: точечный и индивидуальный характер
Причина возникновения	<ul style="list-style-type: none"> • Неконтролируемые потоки сельско-городской миграции. • Отсутствие городского планирования, контроля за недвижимостью, жилищного права. • Land-related informality, отсутствие правового закрепления единства судьбы постройки и земли, на которой она находится. • Недостаток доступной недвижимости и земли под застройку 	<ul style="list-style-type: none"> • Наличие «дыр» в жилищном законодательстве, которые можно легально и полулегально «обходить» в своих интересах. • Правовая неграмотность. • Идеологическая, политическая позиция. • Law-related informality, наличие плохо контролируемых городских территорий. • Коррупция. • Недостаток доступной арендной недвижимости

На Глобальном Севере вопрос неформального использования недвижимости – всегда вопрос о нарушении закона [Alterman, Calor, 2020], потому что каждое построенное здание уже находится на отмежеванной под него территории, судьба постройки напрямую связана с судьбой этого участка, а его использование, не соответствующее установленным нормам, – нелегальный процесс. Проявления такой урбанизации чаще скрыты, незаметны в городском ландшафте и воспроизводимы индивидуально [Там же]. В таблице 1 описаны основные критерии для сравнения неформальной и нелегальной урбанизации.

Различать «неформальное» и «нелегальное» важно, потому что они означают различные по форме и причинам распространения явления. Но когда два этих понятия смешиваются, начинают означать друг друга и грань между двумя видами урбанизации стирается, это является прямым признаком того, что право и правоприменение не работают в должной мере. Они создали условия для существования оправданного несоблюдения установленных ими же норм и законов, *justifiable noncompliance* [Alterman, Calor, 2020]. Из-за этого публичная власть и органы контроля за недвижимостью, таким образом, не выполняют своих обязательств, связанных с контролем за соблюдением закона и принимают меры по решению жилищных и градостроитель-

ных проблем лишь после их возникновения. Но любые подобные действия – борьба с последствиями, а не причинами распространения таких неконтролируемых городских явлений, как неформальная урбанизация.

Это различие поможет в дальнейшем разделять стратегии политического вмешательства: те стратегии, которые направлены на причины распространения неформальной урбанизации (трущоб), а не на их следствия, будут нацелены на легализацию построек, а также на создание и улучшение координации между инструментами городского планирования: городского зонирования, уставных документов, контроля за строительством и использованием недвижимости, а также выдачи лицензий.

В основе нашего исследования лежит несколько гипотез: 1) политическое вмешательство в функционирование неформальных поселений может не только улучшить, но и *ухудшить условия жизни* в них; 2) достижение стратегических целей будет связано с (а) *долгосрочностью программ* (чем дольше идут точечные политики со следствиями проблемы, тем больше вероятность того, что они будут становиться все более комплексными) и (b) *уровнем экономического неравенства* в городе: чем он больше, тем более эффективны политики; 3) высокие темпы прироста населения и низкий уровень душевых доходов пре-

Данные карто-
графической
основы: © Участ-
ники проекта
OpenStreetMap.
Рис. 2. Расположе-
ние кейсов
Источник: состав-
лено авторами.

пятствуют эффективному решению проблем неформальной урбанизации (например, политики вмешательства в неформальные поселения будут наименее успешны в африканских городах, наиболее успешны в латиноамериканских городах); 4) со временем на смену политикам нивелирования последствий будут приходить политики предупреждения причин неформальной урбанизации – они будут более направлены на легализацию построек, а также на создание и улучшение координации между инструментами городского планирования.

В качестве методов исследования были применены: 1) кейс-стади – анализ политик властей различных уровней, направленных на борьбу с неформальной урбанизацией по (а) предпосылкам развития неформальной урбанизации, (b) специализированным институтам для легитимизации действий власти (внедрения программ, договорный институт), (с) программам развития неформальных поселений, их масштабам, охвату, конкретным мероприятиям, заложенным в программы, и (2) сравнительный анализ – сравнение политического вмешательства в неформальные поселения в городах по набору используемых мер и оценка их успешности.

Основными источниками данных послужили тематические исследовательские материалы международных и локальных организаций, профессионально

занимающихся темой неформальной урбанизации, сайты городских администраций и публичные отчеты о планах и результатах политических интервенций. Результатом стала оценка масштаба неформальной урбанизации и успешности проводимых политик вмешательства в выбранных городах.

Выбор городов был основан на уровне глобальности в мировых рейтингах глобальных городов. Они были отобраны на основе анализа [UN-Habitat, 2003] и The Globalization and World Cities (GaWC), в их состав вошли 7 городов: Мехико (alpha), Сан-Паулу (alpha), Мумбаи (alpha), Бангкок (alpha-), Богота (beta+), Каир (beta+), Найроби (beta).

Особенности неформальных поселений в исследуемых городах и описание основных интервенций по отношению к ним

Мехико, Мексика

Мехико – столица Мексики, крупнейший по численности населения испаноязычный город мира. Вместе с южными предгорьями город образует штат, который делится на 16 районов. В южной части городской агломерации сосредоточена основная часть неформальных поселений. Мехико был основан в 1325 году, изначально был столицей

Данные картографической основы:

© Марбох.

Рис. 3. Неформальные поселения в Мехико

Источник: адаптировано авторами с [Tellman et al., 2021].

ацтекского государства, затем стал столицей колониальной территории Испании в Северной Америке, в 1821 году – столицей независимой Мексики. Это крупнейший политический, экономический и культурный центр страны. Численность населения в агломерации постоянно растет и на 2022 год составляет около 22 млн человек [MacroTrends, 2023]. Площадь города – 1485 км², плотность – 6200 чел./км². ВВП по ППС на душу населения составляет 28028,8 долл. [Euromonitor International, 2021]. Мехико производит около 17% ВВП всей страны [Statista, 2023]. Индекс Джини в 2021 году составлял 34,1 балла. Город расположен в центре страны и окружен горами со всех сторон; иногда происходят землетрясения. Климат – субтропический, зимой относительно тепло, но летом температура в среднем не превышает +20 °С.

Ниже представлены карта с расположением неформальных поселений в агломерации Мехико (рис. 3) и пример морфологической структуры (рис. 4). Поселения в основном расположены в южной части города, в зоне особо охраняемой природной территории, в районе Тлальпан. Жилье представлено двух-, трехэтажными строениями. Этажи могут быть возведены из разных материалов, так как появлялись в разное время с ростом числа людей в домохозяйстве. Наиболее часто встречающийся материал – камень, кирпич, бетон (жилье должно быть максимально устойчи-

вым, так как землетрясения не редки). Дизайн-код как таковой отсутствует, фасады могут быть уникальными в плане цвета и оформления. Улично-дорожная сеть представлена в виде сетки с прямоугольными кварталами. На улице часто встречаются припаркованные автомобили, деревья и кустарники, тротуары (зачастую настолько узкие, что не используются пешеходами). Большинство улиц имеют две полосы движения, разметка отсутствует. Из-за нахождения в зоне охраняемой природной территории, в районе существует проблема с оснащенностью коммунальными услугами (отсутствует газо- и водоснабжение, канализация, вывоз мусора). На улицах процветает малый бизнес, здесь возможно арендовать жилье.

Со второй половины XX века в городском пространстве Мехико появилось множество неформальных поселений. С тех пор политика властей в городе не смогла эффективно решить проблему неформального жилья. Сегодня около 25% горожан проживают в таких поселениях [Del Rio, Sovacool, 2023].

Начало решения проблемы неформальных поселений в Мехико можно отследить с аграрной реформы 1917 года. Ее суть заключалась в том, что власти выкупили незаконно организованные земельные участки и отдавали не отдельным лицам, а крестьянской общине, которая не имела права перепродать участок до 1992 года.

Рис. 4. Пример морфологии неформального поселения в Мехико
Источник: Google Maps, Google Earth.

Результатом реформы стало образование нового незаконного жилья на окраине города [Aguilar, Santos, 2011].

В 1974 году полномочию по регулированию жилья перешли от муниципальной власти к федеральной. В 1980–1990-х годах была запущена Генеральная программа экологического менеджмента в федеральном округе Мехико. Задачей программы было: 1) определить 6 типов землепользования в охраняемой зоне на юге города, где и располагается неформальное жилье: 2 типа охраняемых лесов, территория под агролесомелиорацию, территория под агроэкологию, охраняемые природные территории, а также сельские города и деревни; 2) провести межевание территории.

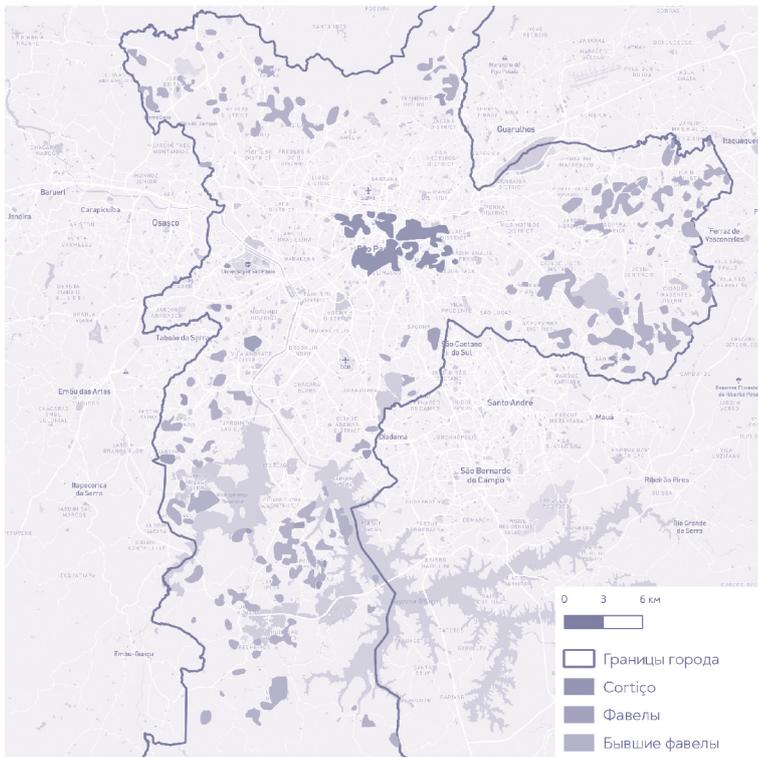
Район, в котором проводилась программа, был застроен во второй половине XX века, до 1980-х годов. Это природная охранная зона – 88 442 га, 59% территории района, но поселения занимают в нем малую часть. Основные проблемы территории – отсутствие канализации, водопровода, вывоза отходов. На 2002 год насчитывалось 804 поселения в районах Тлальпан (Tlalpan) и Хочимилко (Xochimilco). Ежегодно проходила вырубка лесов для неформальной застройки вплоть до 500 га в год. Население Тлальпана на 2005 год – 607 тыс., 85% территории – охранная зона; на 2009 год – 191 неформальное поселение.

В 2003 году в районе Тлальпан проводилась программа встраивания территории: жильцов неформальных поселений переселили в другие дома, а в районе стали проводить водопровод, канализацию, электричество, а также занялись дизайном улиц. Бюджет программы составил 100 млн песо (в ценах 2022 года это примерно 5 млн долл.), в программу попали все дома

района старше 5 лет. Поселения тем не менее продолжали расплзаться.

Одна из основных проблем в поселениях – отсутствие водопровода. Власти выбрали стратегию игнорирования, основываясь на том, что водоснабжение якобы способствует формализации жилья, чего не хотят допустить чиновники. Более того, неформальное жилье находится на охраняемой природной территории, в пределах которой нельзя проводить водопровод. Жители этих поселений возражают, что жилье в этих районах появилось раньше, чем районы получили статус ООПТ, поэтому власти обязаны провести водопровод. В то же время власти не хотят сносить жилье, в результате чего ситуация не может разрешиться. В отсутствие государственной поддержки некоторые жители самовольных поселений пытаются решать проблемы самостоятельно: покупка воды даже оптом стоит слишком дорого, поэтому не все могут позволить организацию водопровода в каком-либо виде. Жители тратят 15–30% зарплаты на поставку воды, а некоторые воруют чужую воду из других районов, подсоединяя трубы к своим домам [Chico, 2018].

В последние десятилетия власти города игнорируют проблему неформальных поселений. Можно сказать, что политики относятся к таким поселениям толерантно – отчасти потому, что не могут предложить жителям новое жилье по доступным ценам. Такая реакция властей указывает на то, что жилищный вопрос – это прежде всего политическая проблема: быстрые решения, зачастую неэффективные (но приносящие политические очки в краткосрочной перспективе) и борющиеся с последствиями, а не причинами образования поселений, преобладают в жилищной политике.

Данные картографической основы:

© Mapbox.

Рис. 5. Расположение неформального жилья в Сан-Паулу

Источник: адаптировано авторами с [Gonçalves, Gama, 2020].

Сан-Паулу, Бразилия

Сан-Паулу был основан в 1554 году. Численность населения на 2022 год составляет 22,6 млн человек, площадь агломерации – 7,9 тыс. км², плотность населения – 8 тыс. чел./км² [Macrotrends, 2023]. Индекс Джини составляет 48,2 балла [Euromonitor International, 2021]. Не является столицей Бразилии, однако по численности населения агломерации занимает первое место не только среди городов Бразилии, но и среди всего Южного полушария. ВВП по ППС на душу населения составляет 27204,3 долл. [Euromonitor International, 2021]. Сан-Паулу – важнейший экономический город Бразилии, он производит около 10,6% ВВП всей страны [Agência de Notícias, 2019]. С географической точки зрения город расположен на плато, территория тектонически устойчива. Климат субэкваториальный/тропический: в зимние месяцы тут сезон дождей, в остальное время осадков нет. В среднем в течение года температура не падает ниже +17 °С. Делится на 31 городской район. Неформальное жилье расположено как в центре города, так и на его окраинах.

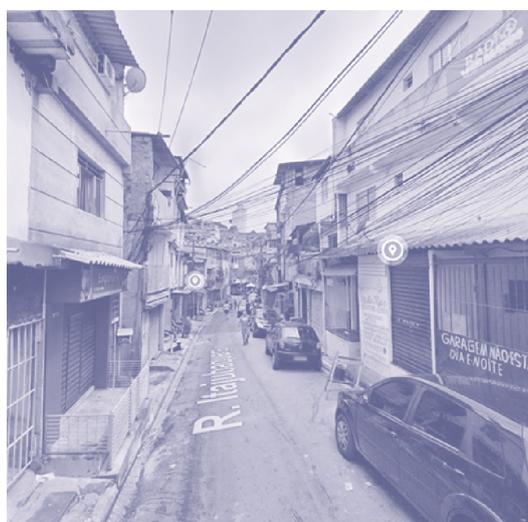
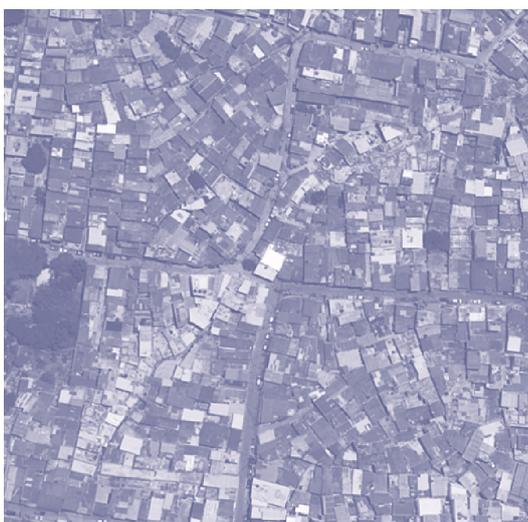
На 2012 год в неформальных поселениях проживало около трети всего населения города. Муниципальный жилищный план Сан-Паулу классифицирует неформальное жилье следующим образом (рис. 5): 1) фавелы – поселения без учета городских

и строительных норм на общественных или частных территориях, преимущественно неорганизованные, со слаборазвитой инфраструктурой, со зданиями, построенными преимущественно самостоятельно и из материалов низкого качества, в которых проживают семьи с низким доходом и социально уязвимых; 2) бывшие фавелы – жилье, полностью охваченное сетями городской инфраструктуры, построенное в рамках различных жилищных программ, но все еще ожидающее правового регулирования; 3) cortiço (порт. улей; иногда переводится как «гетто») – многоквартирное жилье, состоящее из одного или нескольких зданий на одном участке, разделенных на несколько квартир, которые сдаются в аренду или субаренду; одна и та же квартира в этом жилье может выполнять несколько функций; 4) предоставленное государством – тем не менее также не регулируется из-за высокой плотности населения; 5) земля девелопера или агента – тип и морфология застройки определяются индивидуально для каждого домохозяйства, участки были заняты без согласования с властями или на данный момент проходят этап легализации [Few, 2004].

Cortiço (рис. 6) представляет собой коммунальное жилье, состоящее из множества маленьких комнат, в которых живут арендаторы. Это жилье расположено в самом центре города. Застройка в таких поселениях плотная – дома могут достигать высоты в 5 и более этажей, однако чаще всего это трехэтажные постройки. Кварталы могут быть разной формы: квадратной, прямоугольной или произвольной. Основным строительным материалом – бетон. Улично-дорожная сеть также плотная, встречается разметка, относительно широкие тротуары. Из-за нахождения в центре города в таких поселениях есть доступ к коммунальным услугам и другому городскому сервису. Малый бизнес в самих поселениях также развит.

Фавелы (рис. 6) – менее организованный вид жилья. Основным строительным материалом также бетон, но часто встречаются и другие (например, сайдинг). Застройка в фавелах еще более плотная, чем в cortiço. Улично-дорожная сеть характеризуется очень низкой плотностью, кварталы большие и прямоугольные, из-за чего не все домохозяйства имеют свободный выход к уличному пространству. В огромном количестве низко протянуты провода. Доступ к коммунальным услугам на сегодняшний день есть, но площадь покрытия

Рис. 6. Пример морфологии неформального поселения в Сан-Паулу (вверху – cortiço, внизу – фавелы)
Источник: Google Maps, Google Earth.

намного меньше, чем в cortiço: около половины домохозяйств имеет легальный водопровод (другая половина получает воду нелегально), около четверти жилищ подключено к канализации. На улицах также процветает малый бизнес.

Неформальное жилье стало появляться в центре города в конце XIX – начале XX века, когда рабочие возводили cortiço (гетто). На 2004 год в таких поселениях проживало около 600 тыс. человек. В фавелах проживает 1,5 млн человек – 14,2% населения города (2007). Чтобы воспользоваться жильем, которое предоставляет государство в рамках жилищной политики, жителям фавел нужно около 3 месячных зарплат [Few, 2004].

За последние 40 лет власти запустили более 30 разнообразных программ, которые включали в себя улучшение условий в существующем жилье (апгрейд) и строительство новых домов [Gonçalves, 2020].

В 1970-х годах Национальный жилищный банк и компания СОНАВ реализовали несколько больших проектов по строи-

тельству жилья на окраине города, однако себестоимость проекта оказалась слишком высокой, людей переселили из центра на окраины города, и им по-прежнему приходилось ехать в центр на работу.

В 1999 году власти города решили предпринять первые шаги по решению проблем неформального жилья. В этом году Департамент жилищной политики провел исследование этих поселений и собрал социально-экономические данные о местных жителях. В результате исследования департамент также актуализировал информацию о самом жилье.

Департамент отметил низкое качество жилья, слишком высокую плотность населения; наличие водопровода, канализации и вывоза мусора, но это было далеко не во всех домовладениях; многие жители обмениваются гигиеническими средствами. Исследователи выявили проблемы с вентиляцией и инсоляцией, стены и потолки были сделаны из картона или дерева, около половины комнат было без окон. Во всех домах стояли газовые плиты, зача-

стую с плохой проводкой, — учитывая материал, из которого сделано жилье, это сопровождалось огромными рисками возникновения пожара и взрыва газа. 64% домохозяйств имели электричество, но не санкционированное. Уличные провода висели слишком низко, что также создавало риски.

Основное население этих поселений — мигранты с севера Бразилии (самого бедного региона), без стабильной работы. Респонденты отвечали, что аренда в таком жилье намного дешевле, чем в формальном секторе, и, разумеется, не сопровождается договором, что говорит об отсутствии правовой культуры. Местные жители хотели бы изменить условия жизни, но у них не налажена горизонтальная самоорганизация.

В результате исследования была проведена институциональная реформа: департамент основал организацию CDHU, которая разработала жилищную программу для формализации поселений¹. CDHU провела опрос жителей, чтобы понять, какое жилье они могут себе позволить.

Главным актором, проводящим жилищную политику в городе, является Муниципальный жилищный департамент (SEHAB), который создал организацию HABISP для поддержки политики. Наиболее значимые программы — Programa de Requalificação de Cortiços, Programa de Urbanização e Regularização Fundiária de Assentamentos и Programa Mananciais.

Программа редевелопмента cortiço применяется в районах Се и Моока в центре Сан-Паулу с 2005 года. Эта программа направлена на ремонт многоквартирных домов, обеспечение минимальных санитарных условий, вентиляции, освещения, а также физической и юридической определенности в соответствии с нормативными параметрами. Согласно нормативам, любые владельцы квартир, которые не улучшают их в соответствии с минимальными условиями охраны здоровья и безопасности, подвергаются штрафам, и жилье может быть опечатано местными властями. Помимо законодательного закрепления статуса такого жилья, власти предпринимаяют и другие меры: упорядочение договоров аренды; разработку жилищных программ, направленных на снижение плотности населения; программы занятости населения. SEHAB координирует

свои действия с местными властями и CDHU, которые предоставляют жилье семьям, подлежащим переселению.

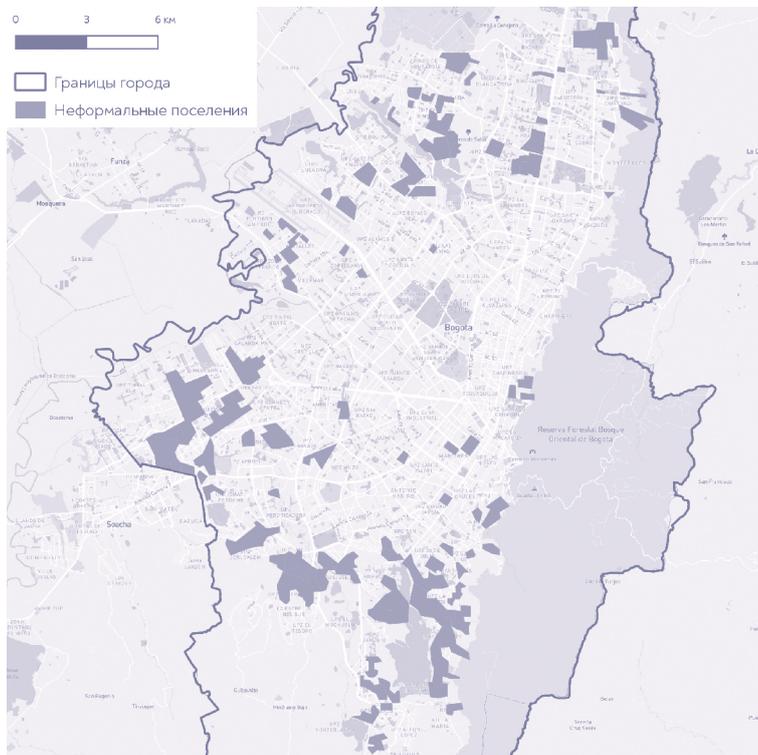
Программа урбанизации и регулирования фавел (PURFA) стала результатом слияния программ благоустройства фавел, упорядочения поселений и упорядочения муниципальных общественных зон, которые осуществлялись до 2009 года. PURFA в основном занимается инфраструктурой в неформальных поселениях, строительством новых жилых домов для переселения жителей и упорядочением в земельном кадастре ранее существовавших поселений. Программа, по всей видимости, предполагает сохранение места проживания для жителей. Программа Manancias (*порт.* родник, источник) занимается благоустройством охраняемой природной территории в районах — источниках питьевой воды для всего города.

Программы в Сан-Паулу пытаются балансировать между редевелопментом или модернизацией (апгрейдом) поселений, с одной стороны, и переселением на то же место, с другой стороны. Эти программы основаны на сохранении жителей там, где они находятся, с акцентом на реконструкцию городского пространства (инфраструктура, входные группы и т. д.), а также на регулирование землепользования. Однако почти во всех случаях существует необходимость выселения некоторых жителей для проведения инфраструктурных работ. В этих случаях жителей переселяют в жилье, построенное в границах неформальных поселений.

Богота, Колумбия

Богота — главный политический, экономический и культурный центр Колумбии. Город расположен на западных склонах Восточной Кордильеры, на высоте 2610 м над уровнем моря, в сейсмически активной зоне. Основан в 1538 году испанскими завоевателями на территории древней цивилизации индейцев чибча, с 1598 года — столица испанского генерал-губернаторства, с 1739-го — королевства Новая Гранада, с 1886-го — Колумбии. Численность населения Боготы составляет 10,4 млн человек, в последнее десятилетие темпы роста достигают в среднем 2% в год, естественный прирост превалирует над миграционным [City Population, 2022]. Площадь города —

1. В Сан-Паулу есть два уровня власти, которые решают жилищные проблемы, но каждый самостоятельно. Местный уровень ориентирован в основном на бездомных и фавелы, в то время как федеральный уровень (через CDHU) ориентирован в основном на «ульи».

Данные картографической основы:
© Mapbox.
Рис. 7. Расположение неформального жилья в Боготе
Источник: адаптировано авторами с [Rueda-García, 2000, p. 9].

3,6 тыс. км², плотность населения – 2,9 тыс. человек на 1 км². По уровню экономического развития Богота уступает другим мегаполисам Глобального Юга, ВВП по ППС на душу населения составляет 23,4 тыс. долл., в городе наблюдается высокая степень социального неравенства, индекс Джини доходит до 52 [Euromonitor International, 2021]. Несмотря на то что Богота находится на экваторе, среднегодовая температура не превышает +15 °С из-за положения города на большой высоте и в межгорной котловине.

Население Боготы начало быстро расти во второй половине XX века. Неформальные поселения в Боготе (рис. 7) стали возникать на непригодных для стабильного жилья землях, обычно на крутых склонах горных хребтов. Крупнейшими районами размещения бедного населения являются Боса, Усме и Сьюдад-Боливар, все они находятся к югу и востоку от Боготы и именно им уделяется наибольшее внимание в рамках программ модернизации трущоб [Rueda-García, 2000]. В социально-экономическом отношении Богота разделена на 6 различных зон, жители первой и второй зон получают субсидии на коммунальные услуги, в то время как жители более престижных районов платят повышенные налоги, часть которых идет на поддержку бедного населения [Aashi, 2017].

Застройка неформальных поселений представлена двух- и трехэтажными зданиями, возведенными из красного кирпича

(рис. 8). Фасады нередко имеют яркую цветную отделку. Планировка поселений прямоугольная, плотность улично-дорожной сети крайне высокая, средний размер кварталов составляет всего 80 x 20 м. Дома расположены сплошным фронтом вдоль улиц, один квартал образуют два ряда домов. Во многих поселениях появилось асфальтовое покрытие, сделаны тротуары. Плотная застройка не предполагает наличия дворовых пространств, на улицах отсутствует озеленение, поэтому одним из направлений программ благоустройства трущоб является создание общественных пространств, прежде всего детских и спортивных площадок. Другое направление модернизации – проведение коммуникаций, поэтому во многих трущобах присутствует электроснабжение, реже – водоснабжение и канализация. Первые этажи строений активно используются для ведения бизнеса, широко представлены продуктовые магазины, бытовые услуги и точки общественного питания. Из-за горного рельефа связность неформальных поселений между собой и с остальными территориями города затруднена.

С целью искоренения бедности в Боготе ведут свою деятельность несколько учреждений социальной помощи. В 1960-х годах был создан Административный департамент социального обеспечения, целью которого является удовлетворение потребностей жителей бедных районов города. Окружной институт защиты детей занимается социальной интеграцией детей и молодежи, проживающих в крайне неблагоприятных условиях. Колумбийский институт благосостояния семьи реализует многочисленные программы по предотвращению факторов высокого социального риска. Существуют также неправительственные организации, например корпорация RAICES, которая работает исключительно в бедных районах Боготы, занимаясь налаживанием связей между местными сообществами и государством [Rueda-García, 2000].

В конце 1990-х годов городские власти озаботились вопросом преобразования неформальных поселений. Стараясь изменить способ обсуждения проблемы, правительственные чиновники стремились избегать употребления слов, вызывающих негативную коннотацию, и использовали словосочетание «программы благоустройства трущоб», а не «ликвидацию трущоб» [Rueda-García, 2000].

Одним из первых комплексных инструментов городской политики по повышению

Рис. 8. Пример морфологии неформального поселения в Боготе
 Источник: Google Maps, Google Earth.

качества жизни в поселениях незаконного происхождения стала программа «Демаргинализация», разработанная в 1998 году. Для ее реализации было выделено более 162 млрд песо сроком на 4 года, программой воспользовались около 620 тыс. человек в 12 районах Боготы. К основным мероприятиям относились предоставление неформальным общинам прав собственности на землю, строительство общественных служб и инфраструктурных сетей. В том же 1998 году был начат еще один проект – SUR con Bogota, который также предполагал строительство инфраструктуры и предоставление социальных услуг, однако был основан на вовлечении гражданского населения и координации действий между различными государственными и негосударственными учреждениями [Hataya, Gilbert, 2007]. Продолжением городской политики в отношении трущоб стала программа «Комплексное улучшение микрорайонов», стартовавшая в 2001 году. Ее подход заключался в скоординированном решении физических, социальных, экономических, экологических и институциональных проблем неформальных поселений при участии местных сообществ [Rueda-Garcia, 2000].

В 2000-е годы финансирование развития города составило 272,7 млн долл. США. Из общей суммы почти 30% ушло на благоустройство города, включая улучшение жилищных условий, водоснабжения и канализации, экологии, территориальной связности. Одной из целей модернизации являлось увеличение внутригородской мобильности. Неотъемлемой частью инициативы по обеспечению доступности стало создание лестниц и пешеходных дорожек в трущобах Боготы. Философия этого и других проектов благоустройства тру-

щоб и города в целом заключается в том, что улучшения должны проводиться в соответствии со способностью жителей управлять и поддерживать созданные активы [Montgomery, 2008].

Чтобы преодолеть дефицит социального жилья в городе и попытаться остановить неформальную урбанизацию, городской совет Боготы инициировал в 1998 году проект «Метровивиденда». «Метровивиденда» представляет собой публичную компанию, которая приобретает земельные участки на окраинах города, находящиеся в частной собственности, разрабатывает для них регламенты строительства, заключает контракты на строительство инфраструктуры и продает их частным застройщикам или общественным организациям [Olivera, Narciso, Guadarrama, 2015].

Бангкок, Таиланд

Бангкок – столица Таиланда, один из наиболее быстро растущих городов Юго-Восточной Азии. Бангкок расположен вблизи впадения р. Чаупхраи в Сиамский залив. Город возник в XVII веке как порт, обслуживавший столицу Таиланда на тот момент – город Аюттию. После ее разрушения в 1767 году столица была перенесена на правый берег Чаупхраи, а в 1782-м – на левый. В городе проживает 18,1 млн человек, численность населения растет, однако темпы роста замедляются (в 2000-е в среднем 4% в год, в 2010-е – 2%). Основной вклад в прирост вносит миграция, показатели естественного прироста в Бангкоке и в Таиланде в целом приблизились к значениям развитых стран мира [City Population, 2022]. Площадь города – 7,7 тыс. км², плотность населения – 2,3 тыс. человек на 1 км². Бангкок – экономический

центр Таиланда, специализирующийся на производстве электронных компонентов, автомобилестроении, нефтепереработке и туризме. ВВП по ППС на душу населения достигает почти 37 тыс. долл., индекс Джини – 41,2 [Euromonitor International, 2021]. Климат в Бангкоке субэкваториальный, с незначительными колебаниями температуры в течение года и влажным сезоном с мая по октябрь. Среднегодовая температура составляет +28,7 °С, за год выпадает около 1500 мм осадков.

Особенностью тайской культуры является гармония с окружением и избегание открытых общественных конфликтов, поэтому бедное население в поисках места для жизни не вторгается организованно на пустующие земли, а стремится получить устное или письменное согласие землевладельцев, чтобы занять свободный участок. Многие собственники распоряжаются своей землей в пользу бедняков, поскольку в тайском обществе не принято оставлять людей без крова. При этом существует условие, что заселение носит временный характер и землевладелец может расторгнуть соглашение в короткие сроки. Наличие договоренности с собственником не позволяет называть большинство поселений скваттерскими в юридическом смысле [Yap, De Wandeler, 2010].

Из-за перечисленных особенностей неформальная урбанизация в Бангкоке несколько отличается от остальных городов Глобального Юга. Поселения разбросаны по всему городу на небольших участках между другими городскими территориями, в том числе престижными районами, поэтому их достаточно трудно дешифровать на космоснимках. Средний размер поселений – не более 200 домов. Поскольку не разрешается возводить капитальные строения, большинство домов сделаны из гофрированного железа, дерева и подручных материалов (рис. 9). Зачастую поселения возникают на низменных землях, которые затапливаются в сезон дождей, поэтому дома строятся на сваях и с деревянными мостиками. В самих поселениях базовая инфраструктура, за исключением электроснабжения, отсутствует, однако она редко располагается далеко, потому что населенные пункты относительно небольшие и расположены между городской застройкой. Обитатели трущоб заключают неформальные договоренности с жителями соседних территорий и землевладельцами о водоснабжении и доступе к дорогам общего пользования [Yap, De Wandeler, 2010].

Трущобы возникли в Бангкоке после Второй мировой войны как следствие национального экономического роста и индустриализации тайской столицы. Согласно принятому в 1954 году закону, жители могли получить право собственности на землю. Но установленный в то время налог на имущество считался относительно дорогим, из-за чего люди с низкими доходами не стремились оформлять документы о праве собственности на землю. В результате большое количество участков оставалось государственными, а их жители рассматривались как захватчики земель [Rabibhadana, 1999].

Одним из главных мест размещения трущоб в Бангкоке стали каналы. В 1957 году были предложены меры по расселению трущоб, расположенных вдоль них. Часть жителей, не желавшая уезжать далеко от рабочих мест, поселились во внутренних районах Бангкока. Другая часть населения была вынуждена переехать на окраину города и занять там пустые земли, без каких-либо общественных услуг. Действия властей были признаны тогда неэффективными, поскольку они не смогли решить проблемы бедного населения в Бангкоке [Rabibhadana, 1997].

В 1960-е годы обширные по площади земельные участки отошли в собственность застройщикам. Жители, чьи дома оказались на этих участках, были вынуждены их арендовать. Однако многие, кто не мог себе этого позволить, продолжали оставаться в жилищах, игнорируя свой правовой статус [Rabibhadana, 1997]. Чтобы открыть путь для растущей индустрии жилищного строительства, правительство Таиланда включило политику расчистки трущоб в План национального экономического развития на 1967–1977 годы. В 1973 году было создано Национальное жилищное управление Таиланда (НЖУ), в задачи которого входило в том числе строительство многоквартирных домов для размещения обитателей неформальных поселений.

Во второй половине 1980-х годов в Таиланде началась постепенная институционализация жителей трущоб. Прежде всего продвигался новый подход к решению социальных проблем в неформальных поселениях, основанный на широком участии местных жителей [Boonyabancha, 1983]. Подход предполагал создание внутри общин органа для связи с внешними государственными и частными учреждениями, а также кассы взаимопомощи и системы микрокредитования для преодоления финансовых

Рис. 9. Пример морфологии неформального поселения в Бангкоке
 Источник: Google Maps, Google Earth.

трудностей при покупке новой земли или аренде уже занятой [Askew, 2002]. Новая политика была нацелена на то, чтобы жители трущоб смогли воспользоваться большей самостоятельностью, а не быть пассивными получателями помощи.

В 1990-е годы на фоне продолжающихся выселений из трущоб активность местных жителей, в том числе политическая, существенно возросла. Этому способствовало и создание в 1992 году при НЖУ Организации развития городских сообществ, в задачи которой входила помощь неформальным поселениям в открытии общественных организаций и касс взаимопомощи, а также создание сети сообществ людей с низкими доходами для совместного решения проблем бедности. Вместе с тем из-за неадекватного предоставления государством недорогого жилья, которое охватывало бы все бедное население, некоторые сообщества объединялись на городском и национальном уровне и занимались политической деятельностью,

сражаясь за свои жилищные права и протестуя против новых проектов развития [Natakun B., 2013].

Меры, направленные на благоустройство трущоб, за более чем полувековой опыт работы с неформальными поселениями в Бангкоке реализовывались в незначительном масштабе. Первая подобная программа была запущена еще в 1964 году, основное внимание уделялось улучшению как физического облика и состояния построек, так и качества здравоохранения. Начиная с 1977 года благоустройство трущоб было переориентировано на улучшение инфраструктуры (в частности, улиц) и услуг (водоснабжение, электроснабжение). С 1990 года государственное финансирование благоустройства трущоб практически прекратилось.

Необходимо отметить, что создание общественных организаций в трущобах Бангкока представляло собой значительный поворот от традиционной политики (сверху вниз) к более широкому участию

населения (снизу вверх) в решении жилищных и социальных проблем неформальных поселений. В 2003 году в Таиланде на национальном уровне были запущены две программы по обеспечению малоимущих жильем, а именно программы Baan Uaarthorn («Жилье, о котором мы заботимся») и Baan Mankong («Безопасное жилье») [Boonyu Bancha, 2005]. Baan Uaarthorn, ориентированная на государственных служащих и средний класс, представляет собой обычную жилищную программу, которая использует нисходящий подход и не требует участия граждан [Natakun, O'Brien, 2009]. В то же время Baan Mankong направлена на граждан с низкими доходами и предполагает их непосредственное участие в планировании и строительстве собственных домов.

Мумбаи, Индия

Мумбаи (бывш. Бомбей) – крупнейший город и финансовая столица Индии, административный центр штата Махараштра. Город расположен на западном побережье Индии на острове Сальсетт на высоте 14 м над уровнем моря, который находится между Аравийским морем на западе, ручьем Тан-Крик на востоке и ручьем Васаи на севере. Основан в конце XIII века как небольшое королевство Бхимы, с 1534 года находился во владении Португалии, с 1661-г – во владении Великобритании, с 1947-го входит в состав Индии. Численность населения Мумбаи составляет 19,7 млн человек, в последнее десятилетие темпы роста достигают в среднем 1% в год, естественный прирост превалирует над миграционным [City Population, 2022]. Площадь города составляет 603 км², плотность населения – 18,5 тыс. человек на 1 км² (самый высокий показатель среди выбранных городов). По уровню экономического развития Богота уступает другим мегаполисам Глобального Юга, ВВП по ППС на душу населения составляет 20,2 тыс. долл., индекс Джини – 24,6 [Euromonitor International, 2021]. Климат Мумбаи тропический, что обуславливает высокую среднегодовую температуру – +27,2 °С.

Около половины населения Мумбаи живет в условиях крайней нищеты. Эти люди живут в перенаселенных трущобах и бараках, на тротуарах, вдоль железнодорожных путей, рядом с трубопроводами, под мостами, на плохо осушенных болотах и в других доступных им свободных местах. Трущобы – крайне загрязненная среда за счет близости к промышленным сто-

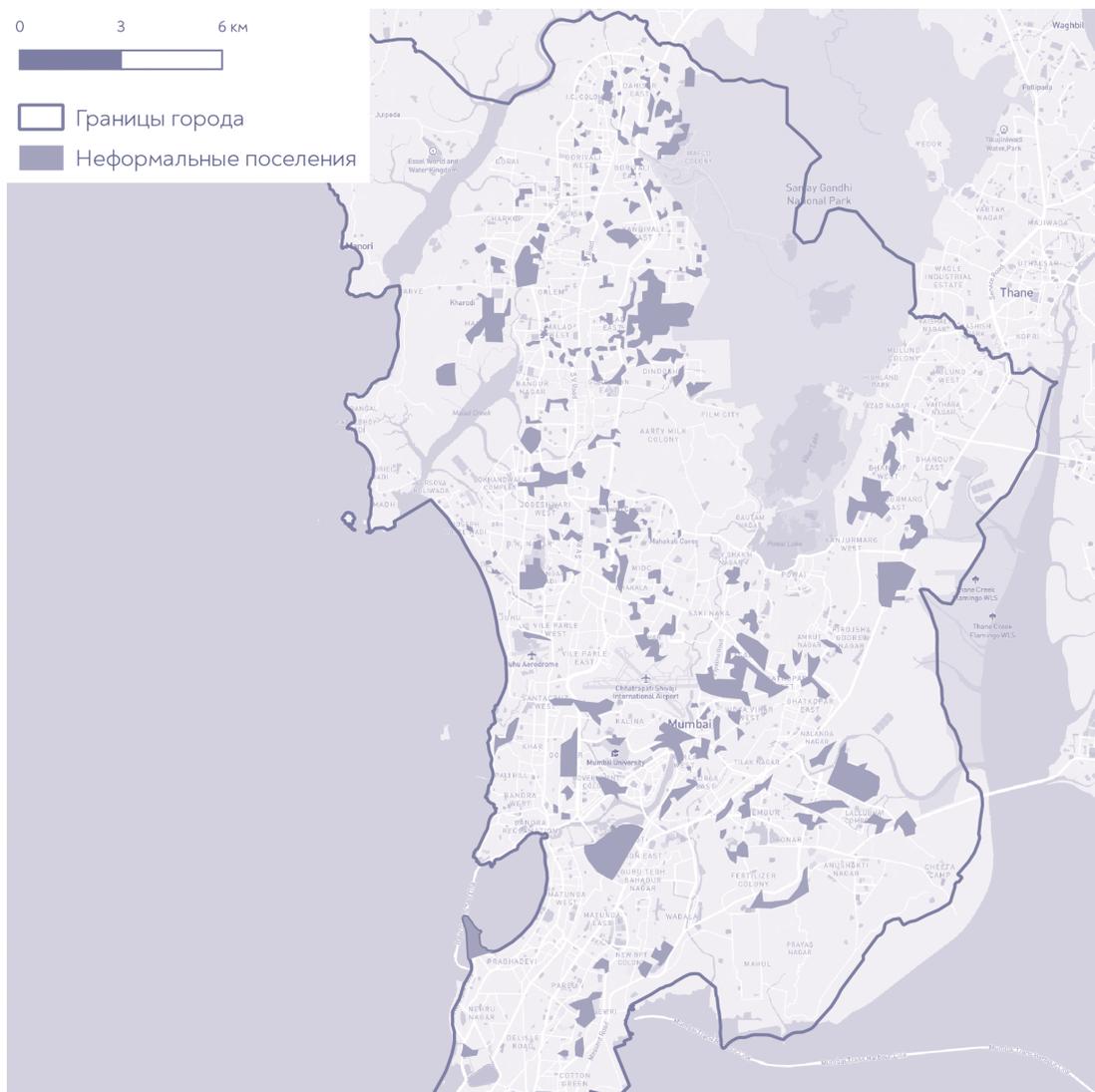
кам и/или вследствие отсутствия канализации, водоснабжения, электричества и нерегулярной уборки мусора. Происхождение и характер нелегальных трущоб являются отражением неадекватного городского планирования и ограниченных рынков земли и арендуемого жилья, а также как функция быстрого роста населения [Nijman, 2006].

Жилищное строительство и городское развитие в Индии регулируются на уровне штатов, но не Конституцией. По сути, каждый штат разрабатывает собственные законы, политику и программы по благоустройству трущоб, за исключением земель, принадлежащих центральным правительственным учреждениям. Данные учреждения имеют в собственности крупные земельные участки во многих городах, что является отражением колониальной истории Индии. После обретения независимости структура землевладения не изменилась, и центральное правительство, вероятно, является крупнейшим и единственным владельцем городской земли в Индии.

Большая часть трущоб возникла после обретения страной независимости в 1947 году (рис. 10). В 1950-х и 1960-х годах правительство Махараштры и муниципалитет Большого Мумбаи поставили цель снести трущобы. Однако скоро стало очевидным, что проводимая политика нерезультативна, поскольку обитатели трущоб возводили заново свои хижины на том же месте или же переезжали на другой незанятый участок земли поблизости. Отсутствовала общественная организация по переселению из трущоб, само переселение носило хаотичный характер, во многом вследствие равнодушия муниципальных чиновников. Неудивительно, что, когда людей насильственно переселяли, не заботясь об их социальных связях, большинство возвращалось на свои первоначальные места или поблизости с целью экономического «выживания» и потребности в общине и родственных связях.

В Мумбаи правительство штата в соответствии с Законом о трущобах Махараштры 1971 года определило трущобы как районы, где здания непригодны для проживания людей по таким причинам, как ветхость, перенаселенность, неправильное расположение улиц и отсутствие вентиляции, освещения или санитарных удобств [Правительство Махараштры, 1971]. В 1970-х годах на законодательном уровне была разработана политика по обеспечению трущоб базовыми санитарными удоб-

Данные картографической основы: © Марбох.
 Рис. 10. Неформальные поселения в г. Мумбаи в 2008 году
 Источник: адаптировано авторами с [Nijman, 2010, p. 7].

ствами и стало признаваться, что при сносе трущоб необходимо регулируемое переселение жителей. В 1976 году была проведена перепись хижин на общественных землях, в ходе которой были выданы photopasses (официальное подтверждение права обитателя трущоб на переселение, если земля, на которой расположена его хижина, необходима правительству для общественных целей). Программа по обеспечению жителей трущоб водой, электричеством, канализацией и другими удобствами была запущена. Однако трущобы на землях, принадлежащих центральным правительственным учреждениям, не участвовали в данной программе вследствие отсутствия разрешения [O'Hare, 1998].

В середине 1980-х годов были запущены 2 программы Проекта городского развития Мумбаи (бывш. Бомбей), финансируемого Всемирным банком. Первая, программа благоустройства трущоб, заключалась в предоставлении 30-летней возобновляемой аренды земли коопера-

тивным обществам обитателей трущоб общественных удобств на основе возмещения затрат и займов для поддержки модернизации домов. Данная программа обеспечивала гарантии владения жильем, но условия на местах существенно не изменились. Второй была Программа предоставления жилья группам населения с низким уровнем дохода, где правительство выступило посредником, а не исполнителем. Целью программы стало предоставление доступного жилья бедным за счет субсидий из прибыли, полученной от продажи участков группам со средним или высоким уровнем дохода. Правительство штата бесплатно предоставило землю учреждениям-исполнителям, и программа была самофинансируемой. Этой программой воспользовались около 85 тыс. малообеспеченных семей. Первоначально они должны были оплатить небольшую часть стоимости участка под домом, и им были предоставлены кредиты сроком на 20 лет для строительства своих домов.

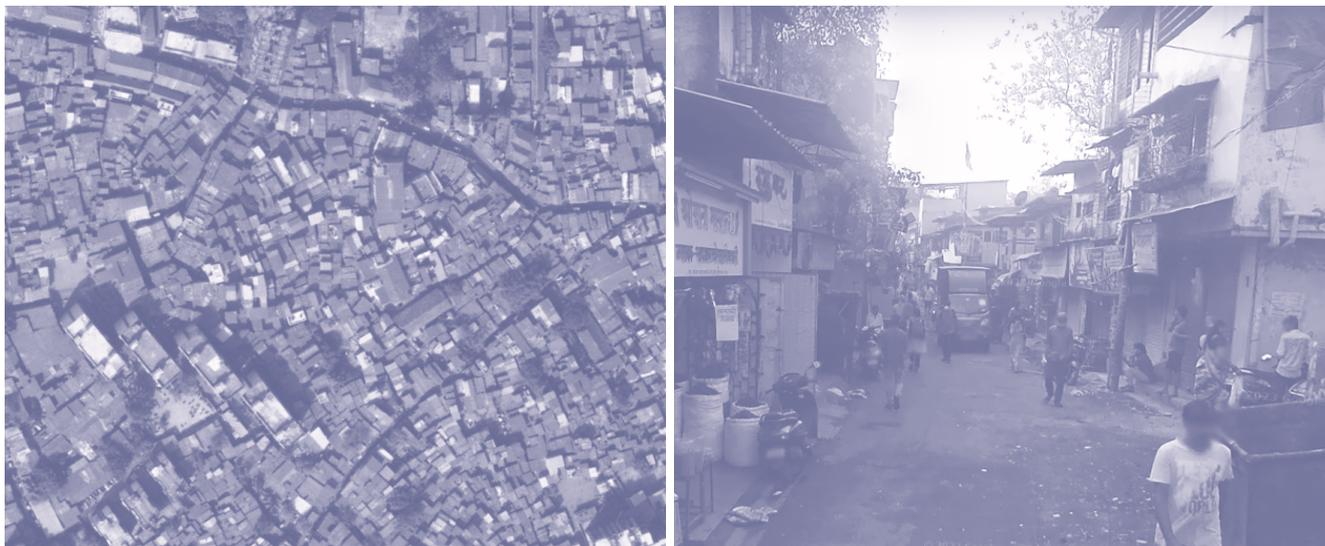

Рис. 11. Пример морфологии неформального поселения в Мумбаи
 Источник: Google Maps, Google Earth.

В начале 1990-х годов правительство штата разработало новую схему реконструкции трущоб. Их можно было бы перестроить, и в качестве стимула для тех, кто занялся бы перепланировкой, можно было выдать разрешение на дополнительные площади под застройку. Предоставляя застройщику дополнительные строительные площади, которые можно было бы продать на открытом рынке, жилье для обитателей трущоб получило бы перекрестное субсидирование. Ожидалось, что частный жилищно-строительный сектор внесет большой вклад в эту программу, однако она не имела значительного успеха.

В 1995 году к власти в Махараштре пришло новое правительство, одним из его главных предвыборных обещаний было предоставить 800 тыс. бесплатных домов 4 млн обитателей трущоб в Мумбаи. Согласно оценке комитета, более половины обитателей трущоб проживают на землях, принадлежащих центральному и государственному учреждениям. Учитывая, что так много трущоб расположено на землях, принадлежащих центральному учреждению, комитет призвал железные дороги, управление аэропортов и портовый трест сотрудничать с ними и разрешить реконструкцию трущоб на землях, которые не используются для оперативных целей. В качестве единого координирующего органа было создано управление по восстановлению трущоб. Оно стало органом планирования районов трущоб под руководством министра, а в муниципальное законодательство и законодательство штата были внесены поправки, наделяющие его полномочиями вносить изменения в план развития города и выдавать разрешения на строительство [Nijman, 2010].

Каир, Египет

Каир – столица Египта, крупнейший по численности населения город Ближнего Востока и третий по величине в Африке, основан в X веке н. э. В настоящий момент является одним из важнейших экономических и деловых центров Ближнего Востока; в 2021 году городской ВВП по ППС на душу населения составил 11 238,2 межд. долл., индекс Джини – 42,4 [Euromonitor International, 2021]. Климат в Каире – субтропический с теплой зимой (от +20 °С) и жарким летом (от +35 °С), со среднегодовым количеством осадков около 24 мм, что делает его одним из наиболее сухих городов мира. Однако при выпадении осадки часто имеют интенсивный характер, что периодически приводит к крупным наводнениям [IFRC, 2022], затрагивающим многие районы. Город стоит по обоим берегам Нила: восточный Старый Каир, беспорядочно застраивавшийся на протяжении веков, и западный Новый Каир, в котором расположены преимущественно правительственные здания и современные архитектурные постройки [Raymond, 2000].

Население Каира начало расти еще с 1880-х годов, с 1940-х численность населения выросла в 5 раз и в настоящий момент составляет около 10,0 млн человек [City Population, 2022]. Главной причиной бурного разрастания является традиционно высокий уровень рождаемости (общий коэффициент рождаемости (ОКР) ≈ 25,1%; суммарный коэффициент рождаемости (СКР) ≈ 3,3 ребенка на женщину [Всемирный банк, 2022]) и приток внешних иммигрантов в послевоенные годы и внутренних – вследствие эмиграции из сельских территорий. Из-за быстрого разрастания Каира вокруг него возникло несколько го-

родов-спутников, входящих в состав Большого Каира – крупнейшей в Африке 20-миллионной агломерации [Effat, Elshobaky, 2015].

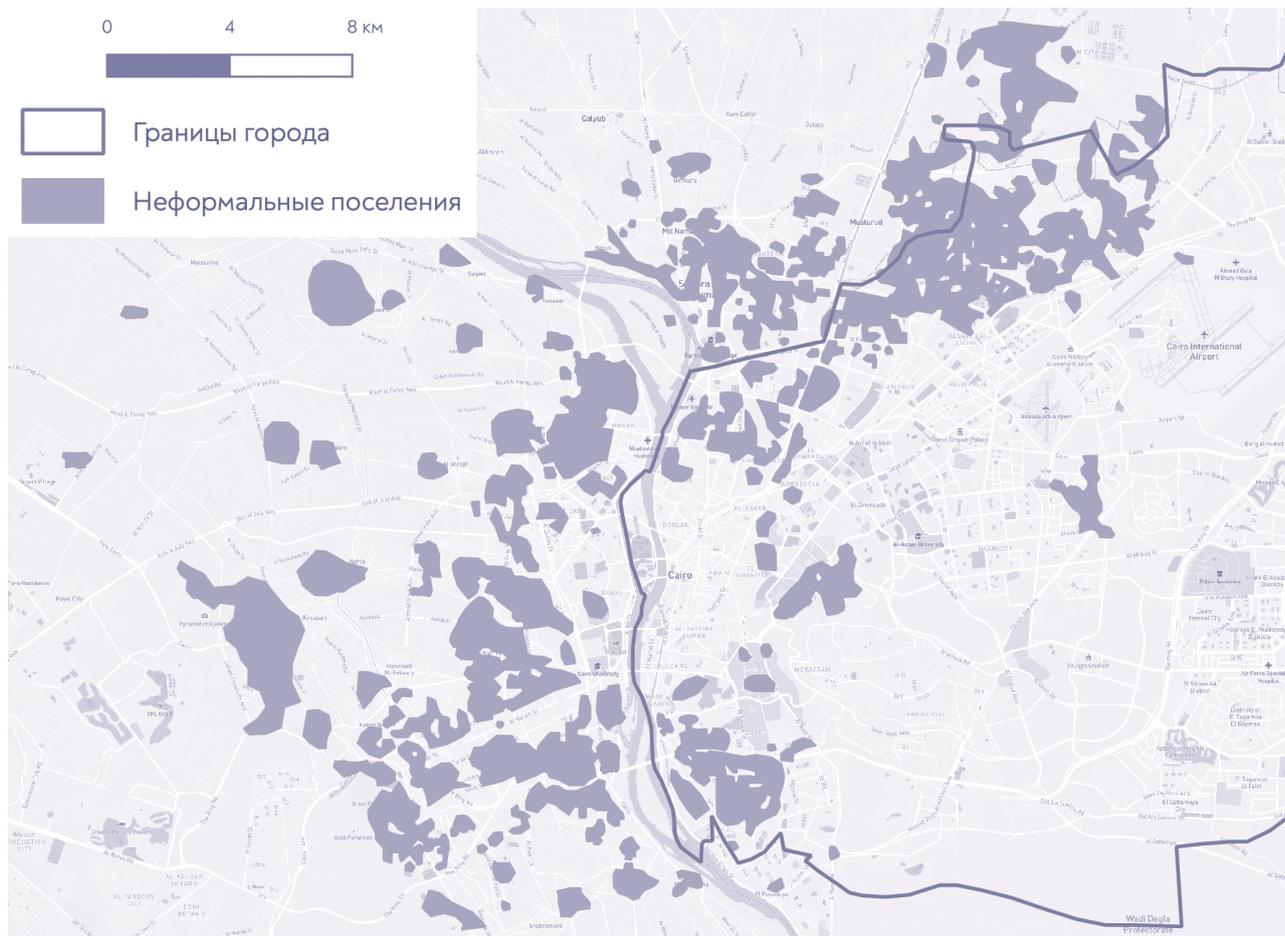
Неформальные поселения характерны для всех египетских городов, но больше всего – именно для Каира: в 2014 году около 65 % населения города проживало в неформальном жилье, поскольку жилье в неформальных районах стоит примерно в 2 раза дешевле; основную долю неформального жилья составляют многоквартирные дома на землях сельскохозяйственного назначения [Howeidy et al., 2009]. В настоящее время неформальные поселения концентрируются на сельскохозяйственных землях вдоль северной и юго-западной границ города; поселения в центральной и восточной частях города расположены на землях пустынь (рис. 12).

В существующих типологиях морфологической структуры неформальных поселений Каира выделяют 14 типов [Howeidy et al., 2009]. Наиболее распространенный включает в себя жилые кирпичные и железобетонные среднеэтажные (6–8 этажей) здания с крайне высокой плотностью застройки (рис. 13), что связано с сейсмической активностью и с ограничениями, наложенными на неформальные поселения на государственном уровне (поселения разрастаются «вверх»). Как правило, постройки визуально не сильно отличаются друг от друга ввиду использования однотипных строительных материалов, за исключением некоторых самодельных декоративных элементов. Улично-дорожную сеть в целом можно назвать свободной, на большинстве таких территорий она формировалась хаотично, в связи с чем улицы зачастую оказываются недостаточно широкими для двустороннего автомобильного движения; большинство улиц, отходящих от главных, являются исключительно пешеходными. Дорожное полотно на главных улицах асфальтировано, однако дорожная разметка, дорожные знаки и какие-либо регулирующие движение средства отсутствуют, а покрытие зачастую находится в неудовлетворительном состоянии. Движение на основных улицах двустороннее, в качестве тротуаров для пешеходов выступает обочина. Неформальные поселения в Каире формировались как самостоятельные города внутри города с полным самообеспечением, в связи с чем схожи с «легитимными» частями столицы. Именно поэтому в них отмечается организованная коммерческая структура с до-

ступными товарами первой необходимости, сосредоточенная на наиболее доступных улицах. Помимо продуктовых магазинов и рынков встречаются и узкоспециализированные мастерские по ремонту и изготовлению товаров, необходимых в быту. Арендуемые помещения, отведенные под коммерцию, располагаются на первом-втором этажах; жилые помещения также арендуются, как правило, у знакомых. Еще одна характерная особенность каирских неформальных поселений – близость жилья и работы: жители находят места приложения труда в своем неформальном поселении, в связи с чем практически не пользуются транспортными средствами. Большой проблемой из-за «изоляции» таких территорий остаются коммунальные услуги, организацией которых занимаются сами жители: вывоз мусора, уличное освещение, электро-, газо- и водоснабжение, водоотведение, уборка улиц и благоустройство территории самоорганизованы на максимально возможном уровне, однако ограничены лишь главными улицами, выступающими в роли основных общественных пространств.

Неформальные районы стали результатом недостаточной эффективности жилищной политики в Египте начиная с 1960-х годов: из-за сельских иммигрантов правительство запустило программы доступного жилья, но так и не смогло удовлетворить растущий спрос [Magdi, 2018].

Политика открытых дверей (инфитах) 1970-х годов – переориентация внешнеполитического курса на социально-экономическое сотрудничество со странами Запада и привлечение иностранных инвестиций – ускорила неформальное разрастание, несмотря на принятые правительством жесткие меры против незаконной урбанизации, запрещавшей строительство на сельскохозяйственных землях [Hegazy, 2016]. Стратегической целью правительства являлось ограничение разрастания города и «вынос» его роста за пределы пригородов посредством предоставления альтернативного жилья в новых поселениях. Однако, даже несмотря на государственное субсидирование, новые поселения характеризовались низким уровнем заполняемости, поскольку горожане не могли позволить себе жилье с более высокой квартплатой (относительно их предыдущих условий); кроме того, проекты возведения социального жилья даже в случае полной заполняемости не могли вместить в себя всех нуждающихся [Yousry, 1998].

Данные картографической основы:
© Марбох.
Рис. 12. Разрастание неформальных поселений Каира и его пригородов с 1950 по 2000 год.
Источник: адаптировано авторами с [Howeidy et al., 2009, p. 16].

В связи с быстрым и неконтролируемым разрастанием неформальных поселений египетское правительство обратилось за помощью к международным агентствам для внедрения инновационных подходов к решению проблемы. В 1979 году Всемирный банк поддержал пилотный проект в области модернизации существующего неформального поселения в Каире – квартала Маншият-Насир, известного также как Город Мусорщиков. Целью проекта стало приобретение опыта в области модернизации для его последующего включения в национальную жилищную политику [Khalifa, 2011].

В 1993 году правительством была принята первая попытка разработки комплексной программы модернизации и благоустройства неформальных поселений, продвигаемой НКО CDA (Community Development Associations), предоставлявшей услуги по удовлетворению базовых потребностей жителям неформальных поселений. Именно деятельность CDA оказала наибольшее влияние на жилищную политику [Hamza, Zetter, 1998]. Благоустройство неформальных поселений стало одной из ведущих целей национальной жилищной стратегии. Основными задачами программы стали повышение уровня жизни,

интеграция неформальных поселений в «формальную» городскую среду, обеспечение базовой инфраструктурой и развитие сферы услуг, обеспечение государственного контроля неформальных поселений и одновременно противодействие их разрастанию [El-Hakim, Osman, 2000].

С 1993 по 1996 год приоритет отдавался проведению водопровода и канализации, электрических сетей и твердого дорожного покрытия. Ответственность за определение приоритетов развития и планирование этапов модернизации была возложена на местные власти, исходя из принципа subsidiarity [El-Sheikh, 1999].

С 1996 по 2000 год список приоритетов местных властей расширился, включив в себя обеспечение социальной инфраструктурой – медпунктами, школами [Hegazy, 2016]. В 2000 году египетское правительство определило модернизацию неформальных поселений как повышение уровня жизни за счет обеспечения базовой инфраструктурой, услугами и безопасностью наряду с легализацией права собственности на землю и жилье. Ключевыми задачами стало улучшение социально-экономических, экологических и санитарных условий, обеспечение населения выгодами

Рис. 13. Пример морфологии неформального поселения в Каире
 Источник: Город Мусорщиков [2018]; Google Maps.

от модернизации, предоставление возможности улучшения уровня жизни, что предполагает активное вовлечение местного сообщества [Halim et al., 2000]. Однако для последнего египетские политики так и не создали институциональной основы ни на национальном, ни на местном уровнях; большинство программ модернизации были основаны на стратегии «сверху вниз» [Negazy, 2016].

С 2005 по 2011 год правительство учредило национальную программу социального жилья, в которой предусматривалось использование земель в новых поселениях и субсидирование. Из-за спешки было реализовано много проектов, лишенных инфраструктуры, что привело лишь к разрастанию неформальных поселений [Hassan, 2011].

До 2008 года было создано три национальных административных органа власти, отвечающих за общий вектор городского развития в Египте, – CAD (Central Authority for Development), NUCA (New Urban Communities Authority) и GOPP (General Organization for Physical Planning); у каждого есть региональные подразделения. Все они находились под юрисдикцией Министерства жилищного строительства, коммунальных услуг и городских сообществ (Ministry of Housing, Utilities and Urban Communities) и имели пересекающиеся полномочия [Negazy, 2016]. В 2008 году после крупного землетрясения был создан государственный фонд развития неформальных поселений ISDF (Informal Settlements Development Facilities), координирующий и финансирующий их развитие. ISDF классифицировала неформальные поселения Египта на 4 типа: нестабильные, небезопасные для здоровья, с непригодными жилищными условиями, небезопасные для

жизни. К первым двум типам применяется управленческая стратегия оформления, сноса и переселения, к третьему – модернизации на местах, легализации и регулирования, к четвертому – легализации, формализации (интеграции) и благоустройства. В основном вмешательство осуществляется в поселениях первого и второго типов [Gouda, 2012].

В 2014 году все неформальные поселения Египта были фактически легализованы в 78-й статье Конституции; на высшем законодательном уровне были зафиксированы обязательства правительства по принятию мер по улучшению качества жизни в них. В том же году было создано Министерство городского развития и неформальных поселений (Ministry of Urban Development and Informal Settlements), ответственное за исполнение данной конституционной статьи [Magdi, 2018].

Несмотря на делегирование полномочий по развитию неформальных поселений местной власти, на муниципальном уровне нет единого органа пространственного и стратегического развития [Azzazi, 2001]. В административной системе укоренилась тенденция сильной централизации, жесткой иерархической подчиненности и отсутствия координации между различными государственными организациями. Приоритеты в стратегиях городского развития отдаются национальным целям, центральное правительство контролирует все аспекты городского управления, МСУ де-факто выполняет лишь исполнительную роль, но не несет ответственности за принятые решения [Hassan, Zetter, 2002]. Более того, МСУ полностью финансируется из центральных источников, что приводит к их неспособности мобилизовать местные ресурсы для благоустройства неформаль-

ных поселений – средства выделяются в основном на административные нужды [Magdi, 2018].

Современная стратегия развития Каира до 2050 года предполагает радикальное вмешательство в неформальные поселения, включая «прорезание» широких улиц, возведение нового жилищного фонда [Negazy, 2016]. Большинство проблем, с которыми сталкиваются местные власти, вызваны отсутствием институциональной базы для взаимодействия с горожанами (включая их вовлечение в процесс проектирования), с продолжающимся непредоставлением гарантии владения землей и жильем (в том числе в новостройках), недостаточным уровнем развития и финансирования сферы услуг, подходом к неформальным поселениям как к «проблемным» территориям, требующим вмешательства на национальном уровне, а также несогласованности действий между различными департаментами на всех уровнях управления. Все это главным образом вызвано недостаточной квалификацией местных управленцев, и для повышения эффективности реализуемых проектов египетским властям необходимо обеспечить подготовку квалифицированных кадров, трансформировать роль центрального правительства в посредническую, координаторскую и регуляторную, обеспечивающую надежную правовую и фискальную базу, расширить возможности трудоустройства жителей неформальных поселений [Negazy, 2016].

Найроби, Кения

Найроби – столица Кении, крупнейший по численности населения город в Восточной Африке. Город был основан в 1899 году, когда британские колонизаторы возвели железнодорожную станцию снабжения Угандийской железной дороги между крупными городами Момбаса и Кампала. Место было выбрано исходя из достаточно высокогорного расположения: на высоте 1661 м над уровнем моря из-за высотной поясности температура воздуха становится прохладной и комфортной, а также слишком низкой для выживания малярийных комаров [Kenyaspace, 2022]. В 1905 году Найроби стал крупным центром торговли, и ему был присвоен статус столицы Британской Восточной Африки вместо Момбасы. В настоящий момент город является крупнейшим экономическим центром страны; на 2021 год городской ВВП по ППС на душу населения

составляет 4374,8 межд. долл., индекс Джини – 34,8 [Euromonitor International, 2021]. Климат города характеризуется как умеренный; близость к экватору обеспечивает сохранение примерно равномерной температуры в течение всего года (+25 °C), а также наличие двух влажных сезонов дождей, которые приводят к сильным ежегодным наводнениям (последнее крупное – в 2021 году [Gismeteo, 2021]). Как и Каир, Найроби условно разделяется на две части – «коренную» восточную и «европейскую» западную. К западной части тяготеют богатые пригороды, где в колониальный период селились европейские поселенцы [Nairobi City Council, 2007]; к восточной части – наиболее бедные районы города, включающие в себя кварталы сомалийских беженцев (например, район Истлей получил народное название «Маленький Могадишо») [Monsters and Critics, 2007]. Наиболее известный район трущоб Кибера расположен именно в восточной части города.

Население Найроби постоянно растет. Начало быстрых темпов роста характерно для 1960-х годов в связи с обретением независимости Кении от Великобритании. Численность населения с 1969 года выросла в 9 раз и составляет около 4,4 млн человек [City Population, 2022]. Причины роста населения те же, что и в Каире, – традиционно высокий уровень рождаемости (ОКР ≈ 27,9‰; СКР ≈ 3,4 рождений на женщину [Всемирный банк, 2022]) и внутренний приток иммигрантов в поисках заработка из сельской местности. Для большинства горожан недоступны ни государственное жилье, ни частное жилье из-за высокой арендной платы; люди вынуждены селиться в небезопасных районах вдоль железнодорожных путей, на поймах, на заповедных землях и промышленных территориях [Mubea et al., 2014]. Причина возникновения неформальных поселений в Найроби заключается еще и в неграмотном городском планировании, приводящем к истощению природных ресурсов, экологическому загрязнению, слабому развитию транспортной инфраструктуры [Kidokoro, Ono, 2020]. В настоящий момент неформальные поселения в городе в основном сосредоточены у железнодорожных путей (рис. 14). В них проживает до 60 % городского населения [Tarrosy, 2021].

Среди трех основных типов морфологической структуры неформальных поселений Найроби [Kidokoro, Ono, 2020] самый распространенный представлен

Данные картографической основы:

© Марбох.

Рис. 14. Неформальные поселения в Найроби в 2013 году

Источник: адаптировано авторами с [Kidokoro, Оно, 2020, р. 385].

одноэтажными жилыми зданиями-самостроями, основным строительным материалом для которых служит листовое железо. Территории так же, как и в Каире, отличаются крайне высокой плотностью застройки (рис. 15). Каждая из построек визуально индивидуальна, однако при застройке негласно сохраняется общая тенденция прямоугольных рядных домов. Улично-дорожная сеть свободного типа, однако в ней явно отслеживаются асфальтированные основные транспортные артерии без дорожной разметки с двусторонним автомобильным движением и тротуарами, вдоль которых встречается озеленение. Улицы, отходящие от главных, не асфальтированы, на них отсутствует транспортное движение. Ввиду климатических особенностей (сезон дождей) грунт ежегодно размывается, в связи с чем на некоторых улицах усилиями местных жителей проложены деревянные настилы. В неформальных поселениях Найроби местные власти добились размещения медицинских и образовательных учреждений, общественных центров, культовых сооружений, легальных точек общепита. Однако чаще в них встречаются локальные торговые точки и мастерские, под которые отведены отдельные постройки, тяготеющие, как и в Каире, к основным улицам; главной функцией неформальных поселений остается жилая. Жилье, как правило, не выкупается:

арендная плата регулируется «собственником» (создателем) самовольной постройки и зависит главным образом от ее площади. Поскольку большинство неформальных поселений Найроби формировалось вдоль железной дороги, пересекающей столицу с запада на северо-восток, можно назвать их частично связанными с «легитимными» частями города. Однако коммунальные услуги в них фактически остаются неразвитыми, несмотря на некоторые усилия местных властей: отсутствуют организованные вывоз мусора, электро-, газо- и водоснабжение, водоотведение (за исключением одного общественного туалета и душа на целое поселение), уличное освещение (за исключением главных улиц), уборка и благоустройство общественных территорий.

Поскольку проблема неформальных поселений носит общеафриканский характер в африканских странах, борьба с ними осуществляется на национальном уровне. С 1970-х годов правительство Кении опробовало различные стратегии взаимодействия с неформальными поселениями. Доминирующей стратегией вплоть до 2000-х было принудительное выселение (без нового строительства) [Anderson, Mwelu, 2013]. Из-за отсутствия юридического статуса проблемы неформальных поселений, включая вопросы создания специальной правовой базы и разработки политики по формализации и улучшению

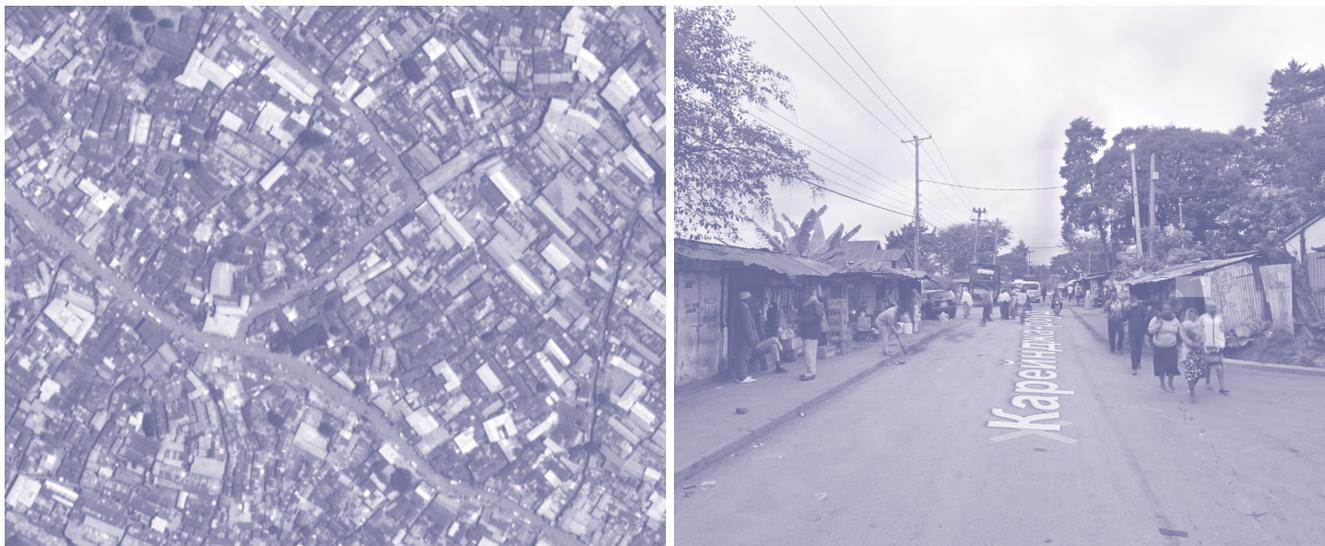

Рис. 15. Пример морфологии неформального поселения в Найроби
 Источник: Google Maps, Google Earth.

жилищных условий, практически не решались [Kidokoro, Ono, 2020].

После принятия Целей развития тысячелетия ООН кенийское правительство изменило подход к взаимодействию с ними, приняв во внимание возможность модернизации и благоустройства: в 2003 году ООН-Хабитат и правительство подписали Меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым организация обязывалась выступать надзорным органом по проектам благоустройства крупнейших трущоб Кении и Найроби – Киберы [Anderson, Mwelu, 2013].

В 2010 году в Кении была принята новая Конституция: в статье 43 на законодательном уровне были закреплены обязательства правительства по улучшению жизни и развитию неформальных поселений (включая снос и переселение при необходимости, развитие базовой инфраструктуры и сферы услуг). Статья также закрепила право собственности на имущество и землю, приобретенные законным путем, и денежную компенсацию в случае лишения государством собственности [Government of Kenya, 2010].

В 2012 году правительством была разработана и принята национальная политика благоустройства и предотвращения их образования, призванная вовлечь местные сообщества [Anderson, Mwelu, 2013]. Такая политика позволяет обеспечивать соблюдение законов и создавать подотчетные и прозрачные институты для координации программ благоустройства и ограничения разрастания неформальных поселений [Tarrosy, 2021].

В 2016 году была принята поправка в законе о земельном законодательстве в попытке жесткого ограничения разрастания неформальных поселений, запрещаю-

щая незаконный захват частной, общественной или государственной земли и предусматривающая в таких случаях обязательную процедуру выселения без гарантий последующего обеспечения жильем [Government of Kenya, 2016].

Наиболее современными являются две крупные национальные программы, возглавляемые Министерством транспорта, инфраструктуры, жилищного строительства и городского развития (Ministry of Transport, Infrastructure, Housing and Urban Development), за координацию которых отвечает Государственный департамент жилищного строительства и городского развития (State Department of Housing and Urban Development) – действующий до 2025 года KENSUP (Kenya Slum Upgrading Programme) и завершённый в 2019 году KISIP (Kenya Informal Settlements Improvement Project) [Tarrosy, 2021].

Программы отличаются между собой по срокам: KENSUP – это общенациональная долгосрочная стратегия развития неформальных поселений (2005–2025), сосредоточенная на жилищных вопросах, а KISIP изначально имела краткосрочный характер (2011–2016) и была ориентирована на инфраструктуру и вопросы землеустройства. В ходе реализации KISIP были запрошены дополнительные финансовые средства у Всемирного банка, и проект был продлен до 2019 года [Kamunyori, 2019].

KENSUP сотрудничает с различными международными партнерами, основными являются правительство Кении и ООН-Хабитат [UN-HABITAT, 2016]. Программа имеет три уровня координации и реализации: национальный, муниципальный/районный и общинный. Основ-

ные цели программы – повышение качества жизни горожан, живущих и работающих в неформальных поселениях, за счет улучшения жилищных условий, обеспечения гарантией владения недвижимостью и развития транспортной и социальной инфраструктуры с помощью поощрения широкомасштабного партнерства и консультирования заинтересованных сторон, создания институционального и кадрового потенциала, содействия внедрению инновационных проектов благоустройства в интересах бедных слоев населения, оказания помощи правительству Кении в разработке финансовых стратегий и мобилизации средств, осуществления сбора и распространения информации о неформальных поселениях [Tarrosy, 2021].

Программа KISIP финансировалась Всемирным банком, Международной ассоциацией развития IDA (International Development Association), Французским агентством развития FAD (French Agency for development), Шведским агентством по международному сотрудничеству в целях развития SIDA (Swedish International Development Cooperation Agency) и правительством Кении [Anderson, Mwelu, 2013]. Ее основными задачами стали институциональное развитие, повышение гарантий владения недвижимостью для формализации и демаркации поселений, инвестирование в реструктуризацию и инфраструктуру и поддержка предоставления доступного жилья [Tarrosy, 2021]. Особое внимание уделялось информированию населения для повышения уровня доверия путем публикаций в СМИ, включая самые продаваемые газеты и доски объявлений, и обеспечению непрерывного процесса участия общественности, национальной и местной групп, Всемирного банка и консультанта проекта. В программе была также предусмотрена компенсация и предоставление финансовой поддержки на время переселения горожан, чтобы позволить сохранить им прежний уровень жизни [ICT, 2019].

Обе программы пользовались значительной государственной поддержкой в плане финансирования и рабочих кадров: они были институционализированы путем создания департамента развития неформальных поселений и фонда их благоустройства KENSUF (Kenya Slum Upgrading Low-Cost Housing and Infrastructure Fund), финансируемого из национального бюджета, а также путем получения возвратных грантов Всемирного банка [Tar-

rosy, 2021]. По оценкам экспертов [Muraguri, 2011; Muchira, 2017], программы в целом достигли поставленных конечных и/или промежуточных целей: более 1,3 млн человек воспользовались гарантиями владения жильем и расширенной сферой услуг, около 260 тыс. человек получили доступ к улучшенному водоснабжению, около 3,5 тыс. семей были переселены в 600 новостроек. Однако во многих постройках в неформальных поселениях Найроби до сих пор отсутствует доступ к чистой питьевой воде, большинству жителей приходится приобретать ее у спекулирующих продавцов [Kamunyori, 2019]; многие все еще не обеспечены достаточным уровнем социальных услуг – школами, поликлиниками, аптеками, домами престарелых [Luiz, 2012]; была выявлена проблема обеспечения общественной безопасности – Найроби в целом остается одним из самых криминализированных городов Африки [Xinhua News Agency, 2011], – а также проблема конфликтов между арендаторами и домовладельцами: немногие арендодатели проживают в собственных постройках, неформальные поселения превратились из места проживания в инструмент извлечения выгоды девелоперами [Kidokoro, Ono, 2020]. Кроме того, обе программы не были нацелены на интеграцию поселений в «формальную» городскую среду и не были скоординированы между собой, несмотря на их параллельную реализацию.

Таким образом, политика в отношении неформальных поселений в Кении более успешна, чем в Египте, поскольку благодаря координации международных организаций изначально была выстроена от ситуационного анализа и составления карт целевых сообществ с учетом прошлых вмешательств, заложивших основу современной ситуации. Это повлекло за собой развитие систематического сбора информации, включая подсчет населения и построек в неформальных поселениях, оценку существующей сферы услуг, земли и занятости [Anderson, Mwelu, 2013]. Основным принципом программ развития стало широкоформатное сотрудничество всевозможных заинтересованных сторон, что способствовало в том числе созданию жилищных кооперативов – лучшему инструменту для участия и передачи прав собственности на местный уровень [Muraguri, 2011]. Привлечение дополнительных субъектов (международных организаций, НПО, СМИ, местных жителей, частных инвесторов и пр.) в проекты имеет решаю-

щее значение для эффективности проводимой политики.

Основные результаты

Гипотеза о том, что политическое вмешательство в функционирование неформальных поселений может не только улучшить, но и ухудшить жизнь в них, в ходе исследования подтвердилась. Пример Мехико показал, что стратегии умышленного игнорирования и противодействия приводят к ухудшению условий проживания бедного населения.

Вопреки изначальной гипотезе, долгосрочность программ не влияет на достижение стратегических целей. Например, в Бангкоке работа с неформальными поселениями началась еще в 1950-е годы, однако значительного прогресса в применяемых политиках за это время не было сделано, за исключением вовлечения населения в процесс обсуждения. В то же время в Боготе активная политика развернулась в конце 1990-х годов и сразу привела к заметным изменениям. Большое значение при решении проблемы имела роль личности: тогда в Боготе к власти пришел амбициозный мэр Пеньялоса, предложивший прогрессивные идеи во многих сферах городского развития. Еще одним стимулом к усовершенствованию программ в отношении неформальных поселений могут служить природные катаклизмы, которые приводят к масштабным разрушениям и вынуждают политиков принимать быстрые решения по устранению последствий.

Гипотеза о том, что высокие темпы прироста населения и низкий уровень душевых доходов препятствуют эффективно-му решению проблем неформальной урбанизации, подтвердилась. Политики вмешательства в неформальные поселения наименее успешны в африканских городах, наиболее успешны в латиноамериканских.

Частично подтвердилась гипотеза, согласно которой постепенно на смену политикам нивелирования последствий будут приходиться политики предупреждения причин неформальной урбанизации. Подобные процессы наблюдаются в Боготе и Найроби, в то время как в других городах заметных изменений в стратегиях не происходит.

Таблицы 2 и 3 подытоживают проведенный анализ. В таблице 2 перечислены все основные политические интервенции, связанные с неформальными поселениями рассмотренных городов. В таблице 3

представлено сравнение стратегий политического вмешательства по критериям, выделенным в ходе теоретического обзора. Из нее следует, что наиболее успешно сложился диалог между населением трущоб и властью в Боготе, наименее – в Мехико, Мумбаи и Каире.

Заключение

Сравнение городов позволило предположить, с чем связана успешность политического вмешательства в неформальные поселения городов Глобального Юга. Прежде всего, важны не столько институциональные возможности городов (наличие полномочий у муниципалитета, закрепление в Конституции обязательств), сколько экономические ресурсы (наличие местных бюджетов). Кроме того, нужны общественные органы и комитеты, модернизирующие коммуникацию с другими уровнями власти по поводу проводимых мероприятий. В рассмотренных городах неправительственные органы часто представляют правительственные интересы, и это отражается на их выборе стратегий политических интервенций в неформальные поселения, уменьшает разнообразие проводимых программ.

При работе с неформальными поселениями наиболее эффективен местный уровень решения проблемы, на котором физические изменения следуют после социально-экономических. Без предварительного диалога с местными жителями изменения в физическом пространстве трущоб и неформальных поселений часто воспринимаются населением враждебно. Опыт городов Глобального Юга показал, что, если политика направлена на развитие социального капитала (библиотеки, школы, университеты в трущобах), она будет более успешна. Таким образом, политики не должны быть однозначно направлены на институциональные факторы и физические условия проживания. Сначала необходимо выстраивать диалог с местными жителями, в котором они могли бы сами обозначить наиболее проблемные для них аспекты жизни в трущобах.

Исследование позволило сделать вывод, что институциональные политики – легализация, переписи, зонирование – не будут результативны сами по себе. Залогом успеха решения проблемы неформальных поселений являются комплексность стратегий интервенции, их одновременность и связанность между собой. Фрагментарные политики любого уровня не будут эф-

Таблица 2. Основные интервенции в неформальные поселения в рассмотренных городах
Источник: составлено авторами.

Мехико	Сан-Паулу	Богота	Бангкок	Мумбаи	Каир	Найроби
1917	1970-е	1960-е	1957	1950–1960-е	1979	1960–2000-е
Выкуп земли неформальных поселений и передача крестьянским общинам	Строительство жилья на окраине города для переселения жителей неформальных поселений	Социальные услуги населению бедных районов	Первые меры по переселению из трущоб	Насильственное выселение и снос	Пилотный проект «модернизации» квартала Маншият-Насир	Насильственное выселение и снос
1974	1999	1998	1964	1971	1993	2003
Регулирование неформального жилья перешло от местного уровня к федеральной власти	Исследование поселений, институциональная реформа и шаг в сторону формализации поселений	«Демаргинализация» (легализация поселений, создание общественных служб, инженерных сетей), «Метровивьенда» (земельный банк), SURCON Bogota (строительство инфраструктуры с вовлечением населения)	1973	1976	Комплексная программа благоустройства	Принятие ЦРТ ООН и обязательств по использованию других стратегий
1980–1990-е	2005	2001	1977	1980-е	1993–1996	2005–2025
Реформа землепользования: неформальные поселения попали в ООПТ	Активное встраивание жилых домов на месте прежних поселений	Комплексное улучшение микрорайонов	Улучшение пешеходной и коммунальной инфраструктуры	Программа благоустройства неформальных поселений, программа предоставления жилья населению с низким уровнем дохода	Развитие физической инфраструктуры (национальный и местный приоритет)	Национальная долгосрочная стратегия развития физической инфраструктуры KENSUP
2003	2009	2004	1980-е	1990-е	1996–2000	2010
Частичное встраивание территории	Строительство новых жилых домов	Открытие парка Терсер Миленио на месте трущоб	Создание комитетов и касс взаимопомощи	Программа благоустройства неформальных поселений, программа предоставления жилья населению с низким уровнем дохода	Развитие физической (национальный приоритет) и социальной инфраструктуры (местный приоритет)	Закрепление обязательств в Конституции
		2008	2003	2005–2011	2005–2011	2011–2019
		«Право на крышу» закреплено в качестве стратегической цели	Запуск программы Ваан Манконг (участие граждан в планировании и строительстве домов)	Возведение социального жилья	Развитие физической (национальный приоритет) и социальной инфраструктуры (местный приоритет)	Программа развития социальной и институциональной инфраструктуры KISIP
				2008	2008	2016
				Создание фонда развития неформальных поселений (ISDF)	Создание фонда развития неформальных поселений (ISDF)	Запрет на строительство на государственных землях с выселением без гарантий последующего обеспечения жильем
				2014	2014	
				Закрепление обязательств в Конституции	Закрепление обязательств в Конституции	

эффективно работать, а, наоборот, могут лишь увеличить недоверие жителей неформальных поселений. Партисипаторное проектирование, вовлечение людей в процессы благоустройства являются перспективными практиками, но это, прежде всего, точечные инструменты, которые также не могут быть в полной мере эффективными без сопутствующих изменений на институциональном уровне. Часто применяемый механизм борьбы с неформальными поселениями – выселение из трущоб – не решает проблему, поскольку не направлен на ее причину.

На успешность политики также может влиять изменение способов обсуждения проблемы, в частности избегание употребления на правительственном уровне

и в общественных медиа слов, вызывающих негативную коннотацию трущоб и неформальных поселений, замена слова «трущобы» на более нейтральные определения, не несущие стигматизирующего смысла. Основными барьерами для успешной реализации интервенций в рассмотренных городах были высокий уровень экономического неравенства и недоверие местных жителей.

Научная новизна состоит в использовании нового различения в исследованиях – разница между неформальной и нелегальной урбанизацией и причинами, их вызвавшими, – что позволило комплексно подойти к оценке политических интервенций. Самые успешные стратегии направлены на перевод неформальной урбанизации

Таблица 3. Сравнение стратегий политического вмешательства в неформальные поселения
Источник: составлено авторами.

	Мехико	Сан-Паулу	Богота	Бангкок	Мумбаи	Каир	Найроби
Уровень решения проблемы	национальный	местный	местный	национальный	региональный, местный	национальный (де-юре и де-факто), местный (де-юре)	национальный, местный
Доминирующая стратегия	игнорирование; редко постепенное встраивание	постепенное встраивание	активное развитие	противодействие	противодействие, постепенное встраивание	противодействие	противодействие, реже – постепенное встраивание
Инструменты развития неформальных поселений	физические, институциональные	физическое, институциональное	все виды инструментов	ранее использовались все виды инструментов, сейчас только физическое улучшение	физическое, институциональное	физическое	физическое, социально-экономическое, институциональное
Формы вовлечения местного населения	отсутствуют	опросы и социологические исследования, создание комитетов и общ. орг.	создание комитетов и общ. орг., проектирование, трудовое участие, обслуживание	опросы и соц. исследования, создание комитетов и общ. орг., проектирование, финансирование	создание комитетов, проектирование	опросы и социологические исследования	опросы и социологические исследования, проектирование, создание комитетов и общ. орг.
Легализация поселений	нет	есть	есть	есть	есть	есть	есть
Наличие правительственного органа	нет	есть	есть	есть	есть	есть	есть

в нелегальную. При сравнении городов также прослеживается, как условия городского планирования обуславливают успешность интервенций и как недостаток административного контроля за территориями может выступать инструментом как для игнорирования, так и для улучшения состояния неформальных поселений.

Источники

Варламов И. (2018) Город мусорщиков. Режим доступа: <https://varlamov.ru/3235926.html> (дата обращения 17.03.2022).

Всемирный банк (2022) Режим доступа: <http://www.worldbank.org> (дата обращения 05.03.2022).

Карбаинов Н.И. (2014) Как владельцы (не) становятся частными собственниками: земельные конфликты в Улан-Удэ и Сочи // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 17. № 5. С. 85–108.

Кения переживает сильные наводнения: эвакуированы 25 тыс. человек (2021) Gismeteo. Режим доступа: <https://www.gismeteo.kz/news/klimat/25091-keniya-perezhivaet-silnye-navodneniya-yevakuirovany-25-tys-chelovek/> (дата обращения 07.03.2022).

Aashi S. (2011) Barrios of Bogota. Режим доступа: <https://www.urbz.net/articles/barrios-bogota> (дата обращения 11.03.2022).

Aguilar A.G., Santos C. (2011) Informal Settlements' Needs and Environmental Conservation in Mexico City: An Unsolved Challenge for Land-Use Policy // Land use policy. Vol. 28. No. 4. P. 649–662.

Al Sayyad N., Roy A. (Eds.) (2003) Urban Informality: Transnational Perspectives from the Middle East, Latin America, and South Asia. Lexington Books.

Alterman R., Calor I. (2020) Between Informal and Illegal in the Global North: Planning Law, Enforcement, and Justifiable Noncompliance // Comparative Approaches to Informal Housing around the Globe / Udo Grashoff (Eds.) University College London (UCL). P. 150–185.

Anderson M., Mwelu K. (2013) Kenyan Slum Upgrading Programs: KISIP, KENSUP. Режим доступа: https://static1.squarespace.com/static/58d4504db8a79b27eb388c91/t/58e686c23a0411e265af3783/1491502788579/2013_KENYAN_SLUM_UPGRADING_PROGRAMS_ANDERSON_MWELU.pdf (дата обращения 08.03.2022).

Askew M. (2004) Bangkok: Place, Practice and Representation. Routledge.

Azzazi M. (2000) Local Organizations Involved in Upgrading Informal Settlements: Laws and

- Regulation. Cairo: Ministry of Planning, GTZ.
- Banks N., Lombard M., Mitlin D. (2020) Urban Informality as a Site of Critical Analysis//The Journal of Development Studies. Vol. 56. No. 2. P. 223-238.
- Barlow J. (1992) Self-promoted Housing and Capitalist Suppliers: The Case of France//Housing Studies. Vol. 7. No. 4. P. 255-267.
- Barzel Y. (1989) Economic Analysis of Property Rights. Cambridge University Press.
- Bellegooijen J.V., Rocco R. (2013) The Ideologies of Informality: Informal Urbanization in the Architectural and Planning Discourses//Third World Q. Vol. 34. No. 10. P. 1794-1810.
- Berner E. (2001) Learning from Informal Markets: Innovative Approaches to Land and Housing Provision//Development in practice. Vol. 11. No. 2-3. P. 292-307.
- Boonyabanha S. (2005) Baan Mankong: Going to Scale with "Slum" and Squatter Upgrading in Thailand//Environment and Urbanization. Vol. 17. No. 1. P. 21-46.
- Boonyabanha S. (2009) Land for Housing the Poor—by the Poor: Experiences from the Baan Mankong Nationwide Slum Upgrading Programme in Thailand//Environment and Urbanization. Vol. 21. No. 2. P. 309-329.
- Burgess R. (1977) Self-help Housing: a New Imperialist Strategy? A Critique of the Turner//School. Antipode. Vol. 9. No. 2. P. 50-59.
- Calor I., Alterman R. (2017) When Enforcement Fails: Comparative Analysis of the Legal and Planning Responses to Non-Compliant Development in Two Advanced-Economy Countries/ International Journal of Law in the Built Environment. Vol. 9. No. 3. P. 207-239.
- Chico G.R. (2018) Repositioning the state's role through water politics in Mexico City's informal settlements//Metropolitica. Режим доступа: <https://metropolitica.org/Repositioning-the-state-s-role-through-water-politics-in-Mexico-City-s-informal.html> (дата обращения 07.03.2022).
- City Population (2022) Egypt. Режим доступа: <https://www.citypopulation.de/en/egypt/cities/> (дата обращения 06.03.2022).
- City Population (2022) Kenya. Режим доступа: <https://www.citypopulation.de/en/kenya/cities/> (дата обращения 06.03.2022).
- Davidson C.H., Johnson C., Lizarralde G., Dikmen N., Sliwinski A. (2007) Truths and Myths about Community Participation//Post-Disaster Housing Projects. Habitat international. Vol. 31. No. 1. P. 100-115.
- De Soto H. (1989) The Other Path. New York: Harper, Row.
- de Souza D.P. (2019) City of São Paulo has GDP of 4.3 thousand Brazilian municipalities together. Режим доступа: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/en/agencia-news/2184-news-agency/news/26407-pib-da-cidade-de-sao-paulo-equivale-ao-da-soma-de-4-3-mil-municipios-brasileiros-2> (дата обращения: 09.06.2023).
- Del Rio D.D. F., Sovacool B.K. (2023) Of Cooks, Crooks and Slum-Dwellers: Exploring the Lived Experience of Energy and Mobility Poverty in Mexico's Informal Settlements//World Development. Vol. 161. P. 1-22.
- Devlin R.T. (2018) Asking 'Third World questions' of First World informality: Using Southern theory to parse needs from desires in an analysis of informal urbanism of the global North//Planning Theory. Vol. 17. No. 4. P. 568-587.
- Dingle T. (1999) Self-help Housing and Cooperation in Post-war Australia//Housing Studies. Vol. 14. No. 3. P. 341-354.
- Dovey K., Kamalipour H. (2017) Informal/Formal Morphologies//Mapping urbanities/K. Dovey, E. Pafka, M. Ristic. Routledge. P. 223-248.
- Dunkerley H.B. (1983) Urban Land Policy: Issues and Opportunities. Oxford: Oxford University Press.
- Effat H.A., El Shobaky M.A. (2015) Modeling and Mapping of Urban Sprawl Pattern in Cairo Using Multi-temporal Landsat Images, and Shannon's Entropy//Advances in Remote Sensing. Vol. 4. No. 4. P. 303-318.
- Egypt-Cairo: Flash Floods 3/2020 (2022) IFRC. Режим доступа: <https://go.ifrc.org/emergencies/4046> (дата обращения 06.03.2022).
- El-Hakim O., Osman M. (2000) Methodology for Upgrading and Developing Informal Settlements, Case Studies: Cairo and Giza Governorates. Cairo: Ministry of Planning, GTZ.
- El-Sheikh T. (1999) Participatory Urban Upgrading in Egypt: Lessons from Experience. Cairo: Urban Training Institute.
- Euromonitor International (2021) Passport. Режим доступа: <https://www.portal.euromonitor.com> (дата обращения 02.03.2022).
- Few R., Gouveia N., Mathee A., Harpham T., Cohn A., Swart A., Coulson N. (2004) Informal subdivision of residential and commercial buildings in Sao Paulo and Johannesburg: living conditions and policy implications//Habitat International. Vol. 28. No. 3. P. 427-442.
- Ghoneem M. (2013) The Ugly Face of the City: The Visual Quality Appraisal between Luxury and Need//Conference: The International Conference on Urban Life, Contemporary Arts Conference. (CONTEMPART '13) At: Istanbul, Turkey, April 2013. P. 188-198.
- Gonçalves J.M., Gama J.M. R.F. (2020) A Systematisation of Policies and Programs Focused on Informal Urban Settlements: Reviewing the Cases of São Paulo, Luanda, and Istanbul//Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability. Vol. 13. No. 4. P. 466-488.
- Gouda E. (2013) Urban Form Rehabilitation of the Informal Settlements in Egypt//The Journal of Urbanism. Vol. 1. No. 26. P. 1-10.
- Guibrunet L., Broto V.C. (2015) The Sustainability of the Informal City: An Urban Metabolism Approach//Proceedings of the 11th International Conference of the European Society for Ecological Economics (ESEE). Vol. 30. P. 1-24.
- Halim A. et al. (2000) A New Paradigm of Planning. Cairo: Ministry of Planning, GTZ.

- Harris N. (2011) Discipline, Surveillance, Control: A Foucaultian Perspective on the Enforcement of Planning Regulations//Planning theory, practice. Vol. 12. No. 1. P. 57-76.
- Harris R. (2001) Irregular Settlement and Government Policy in North America and the Twentieth Century//Irregular Settlement and Self-Help Housing in the United States. Cambridge, Massachusetts: Lincoln Institute of Land Policy.
- Harris R. (2018) Modes of Informal Urban Development: A Global Phenomenon//Journal of Planning Literature. Vol. 33. No. 3. P. 267-286.
- Hassan G.F. (2011) Review and Re-evaluation of the Successive Housing Policy in Egypt//Al Azhar University Journal, EAJ. Vol. 5. No. 11. P. 54-77.
- Hataya N. (2007) The Illusion of Community Participation: Experience in the Irregular Settlements of Bogotá (Doctoral dissertation, University of London).
- Hegazy I.R. (2016) Informal Settlement Upgrading Policies in Egypt: Towards Improvement in the Upgrading Process//Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability. Vol. 9. No. 3. P. 254-275.
- Howeidy A. et al. (2009) Cairo's Informal Areas. Between Urban Challenges and Hidden Potentials. Cairo: GTZ Egypt.
- Huntoon L., Becker B. (2001) Colonias in Arizona: A Changing Definition with Changing Location//In Memoria of a Research Workshop "Irregular Settlement and Self-Help Housing in the United States".
- Kamunyori S. (2019) Disclosable Version of the ISR-Kenya Informal Settlements Improvement Projects (KISIP) World Bank Group. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/362381576796814362/%20Disclosable-Version-of-the-ISR-Kenya-Informal-Settlements-Improvement-Project-KISIP-P113542-Sequence-No-17> (дата обращения 09.03.2022).
- Kenya Informal Settlements Improvement Project: Abbreviated Resettlement Action Plan for Swahili Village Informal Settlement, Kericho County (2019) ICT. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/887941568290189206/Abbreviated-Resettlement-Action-Plan-for-Swahili-Village-Informal-Settlement-Kericho-County> (дата обращения 10.03.2022).
- Kenyaspace (2022) Nairobi, Kenya. Режим доступа: <http://www.kenyaspace.com/NairobiKenya.htm> (дата обращения 07.03.2022).
- Khalifa M.A. (2011) Redefining Slums in Egypt: Unplanned versus Unsafe Areas/Habitat International. Vol. 35. No. 1. P. 40-49.
- Klaufus C. (2000) Dwelling as Representation: Values of Architecture in an Ecuadorian Squatter Settlement//Journal of Housing and the Built Environment. Vol. 15. No. 4. P. 341-365.
- Living in Nairobi (2007) Nairobi Coty Council. Режим доступа: <https://www.webcitation.org/68gpNKxj8?url=http://www.nairobicity.go.ke/> (дата обращения 07.03.2022).
- Luiz G. (2012) Slum Upgrading in Kibera, Nairobi. Режим доступа: https://sites.tufts.edu/gis/files/2013/11/Vieira_Luiz.pdf (дата обращения 10.03.2022).
- Magdi S.A. (2018) Towards Sustainable Slum Development: A Performance Evaluation Approach for Slum Upgrading Plans in Egypt//Cities' Identity Through Architecture and Arts/Y. Mahgoub, N. Cavalagli, A. Versaci, H. Bougdah, M. Serra-Permanyer. Routledge. P. 317-331.
- Merrett S. (1984) The Assessment of Housing Consumption Requirements in Developing Countries//Third World Planning Review. Vol. 6. No. 4. P. 13-22.
- Mohanty M. (2019) Challenges of Informal Urbanization. Springer Nature.
- Montgomery B.N. (2008) Scaling Down to Lift Up: Financing Urban Walking Infrastructure//Sustainable Development Challenges of Transport in Cities of the Developing World: Doing What Works (CODATU Conference Proceedings)
- Mubea K., Goetzke R., Menz G. (2014) Applying Cellular Automata for Simulating and Assessing Urban Growth Scenario Based in Nairobi, Kenya//International Journal of Advanced Computer Science and Applications. Vol. 5. No. 2. P. 1-13.
- Muchira R. (2017) Water and Wastewater Infrastructure Improvement Projects in Informal Settlements: A Case Study of KISIP in KCC Village in Nairobi County. Nairobi: University of Nairobi. Режим доступа: http://repository.uonbi.ac.ke/bitstream/handle/11295/103345/Muchira_Water%20And%20Waste-water%20Infrastructure%20Improvement%20Projects%20In%20Informal%20Settlements.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 10.03.2022).
- Muraguri L. (2011) Kenyan Government Initiatives in Slum Upgrading//Les Cahiers d'Afrique de l'Est/The East African Review. No. 44. P. 119-127.
- Myers G.A. (2003) Designing Power: Forms and Purposes of Colonial Model Neighbourhoods in British Africa//Habitat International. Vol. 27. No. 2. P. 193-204.
- Natakun B. (2013) Dynamics of Upgrading Processes: A Case Study of a Participatory Slum Upgrading in Bangkok (Doctoral dissertation, University of Melbourne, Faculty of Architecture, Building and Planning).
- Natakun B., O'Brien D. (2009) Extending the House/Extending the Dream: Modifications to Government-built Housing in Bangkok Metropolitan Region//Journal of Architectural/Planning Research and Studies (JARS). Vol. 6. No. 3. P. 45-64.
- Ndukui C.E. (2013) Challenges of Slum Upgrading for Urban Informal Settlements: Case of Soweto East Village in Kibera Informal Settlements, City of Nairobi. Postgraduate thesis, The University of Nairobi.
- Nijman J. (2006) Mumbai's Mysterious Middle Class//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 30. No. 4. P. 758-775.
- Nijman J. (2010) A Study of Space in Mumbai's Slums//Tijdschrift voor economische en sociale geografie. Vol. 101. No. 1. P. 4-17.

- O'Hare G., Abbott D., Barke M. (1998) A review of slum housing policies in Mumbai//Cities. Vol. 15. No. 4. P. 269-283.
- Olivera G., Narciso C Guadarrama J. (2015) Housing Policies for the Urban Poor in Developing Countries//Journal of the American Planning Association. Vol. 53. No. 2. P. 176-185.
- Ono H., Kidokoro T. (2020) Understanding the Development Patterns of Informal Settlements in Nairobi//Japan Architectural Review. Vol. 3. No. 3. P. 384-393.
- Perlman J.E. (1979) Urban Poverty and Politics in Rio de Janeiro. University of California Press.
- Pruijt H. (2013) The Logic of Urban Squatting//International journal of urban and regional research. Vol. 37. No. 1. P. 19-45.
- Rabibhadana A. (1997) Housing the Poor: Alternative Approaches and Different Directions. Bangkok: Urban Community Research and Development Institute Foundation.
- Rabibhadana A. (1999) Slums: Knowledge and Reality. Bangkok: Thailand Research Fund.
- Rapoport A. (1988) Spontaneous Settlements as Vernacular Design//Spontaneous Shelter: International perspectives and prospects/ C.V. Patton. P. 51-77.
- Raymond A. (2000) Cairo. Cambridge: Harvard University Press.
- Roy A. (2005) Urban Informality: Toward an Epistemology of Planning//Journal of the American Planning Association. Vol. 71. No. 2. P. 147-158.
- Rueda-Garcia N. (2000) The Case of Bogota' D.C., Colombia.
- Shmueli D.F., Khamaisi R. (2011) Bedouin Communities in the Negev: Models for Planning the Unplanned//Journal of the American Planning Association. Vol. 77. No. 2. P. 109-125.
- Solyimari D., Mangera J., Czirjak R., Tarrósy I. (2021) Overview Of Kenyan Government Initiatives In Slum Upgrading: The Case Of Kensus And Kisip Projects//Hungarian Journal of African Studies. Vol. 15. No. 3. P. 37-59.
- Tellman B., Eakin H., Janssen M.A., de Alba F., Turner II B.L. (2021) The Role of Institutional Entrepreneurs and Informal Land Transactions in Mexico City's Urban Expansion//World development. Vol. 140. No. 3. P. 1-18.
- The Constitution of Kenya, 2010 (2010) Government of Kenya. National Council for Law Reporting Nairobi. Режим доступа: <https://ukcs.or.ke/wpcontent/uploads/2018/03/ken127322.pdf> (дата обращения 08.03.2022).
- The Kenya Gazette Supplement №28 (2016) Government of Kenya. Режим доступа: https://kenyalaw.org/kl/fileadmin/pdfdownloads/AmendmentActs/2016/LandLaws_%20Amendment_Act_28of2016.pdf(дата обращения 09.03.2022).
- Turner J.F.C. (1976) Housing by People. Towards Autonomy in Building Environments. London, Marion Byers.
- U.N. Starts Crime Study in Kenya's Capital (2001) Xinhua News Agency. Режим доступа: <https://english.news.cn/20010428/402881.htm> (дата обращения 09.03.2022).
- UN-Habitat. (2003) The Challenge of Slums. Global Report on Human Settlements. Earthscan, London.
- UN-HABITAT: Tracking Improvement in the Lives of Slum Dwellers (2016) Nairobi. Режим доступа: <https://unhabitat.org/slum-alm-nac-2015-2016> (дата обращения 11.03.2022).
- Urban Somali Refugees Call Nairobi's «Little Mogadishu» home: Monsters and Critics (2007) Режим доступа: http://news.monstersandcritics.com/africa/features/article_1233394.php/Urban_Somali_refugees_call_Nairobis_little_Mogadishu_home (дата обращения 07.03.2022).
- Van Horen B. (2004) Community Upgrading and Institutional Capacity Building to Benefit the Urban Poor in Asia. Paper presented to the Forum on Urban Infrastructure and Public Service Delivery to the Urban Poor, Regional Focus: Asia, New Delhi, India.
- Webster D.R. (1994) Pornchokchai, Sophon, Bangkok Slums: Review and Recommendations (Book Review)//Third World Planning Review. Vol. 16. No. 3.
- Yap K.S., De Wandeler K. (2010) Self-help Housing in Bangkok//Habitat International. Vol. 34. No. 3. P. 332-341.
- Yousry A. (1998) Participatory Planning between Theory and Practice: The Case of Nasriya Upgrading Project. Cairo: Cairo University.
- Zetter R., Hamza M.E. (1997) The Impact of Foreign Technical Assistance on Urban Development Projects in Egypt//Habitat International. Vol. 21. No. 2. P. 153-166.
- Zetter R., Hassan A.M. (2002) Urban Economy or Environmental Policy? The Case of Egypt//Journal of Environmental Policy and Planning. Vol. 4. No. 2. P. 169-184.

COMPARISON OF POLITICAL INTERVENTION STRATEGIES IN INFORMAL SETTLEMENTS IN CITIES OF THE GLOBAL SOUTH

Daria M. Maltseva, Lecturer, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University, 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: dm.maltseva@gmail.com

Yuliia K. Daneliuk-Kobylianskaia, Master's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University, 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: jukidanko@gmail.com

Elizaveta M. Siniaeva, Master's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University, 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: emsinyaeva@gmail.com

Semyon A. Skotnikov, Master's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University, 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: kangukangu10@gmail.com

Polina A. Shirokova, Master's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University, 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: polina.a.shirokova@gmail.com

Abstract

Informal urbanization is prevalent in rapidly growing Global South cities, often viewed as a "disease" necessitating intervention. However, such interventions seldom enhance living conditions, with borrowed political tools proving inefficient across diverse local contexts. This study assesses the aftermath of political interventions in informal settlements in Global South cities (Mexico City, São Paulo, Bogotá, Bangkok, Mumbai, Cairo, Nairobi) and gauges their strategic success. The study appraises the scale of informal urbanization and policy success. Primarily, economic resources (availability of local budgets) are more important than institutional opportunities of cities (powers granted to municipalities, constitutional obligations). When working with informal settlements, the local

level of problem-solving is most effective, where physical changes follow socio-economic ones. Without prior dialogue with local residents, changes in the physical space of slums and informal settlements are often perceived as hostile by the population. The experience of cities in the Global South shows that the policy which aims at developing social capital (libraries, schools, universities in slums) often is more successful and institutional policies—legalization, censuses, zoning—are not effective on their own. The key to successfully addressing informal settlements lies in the complexity of intervention strategies, their simultaneity, and inter-connection. Fragmented policies at any level are not work effectively and may increase the distrust of informal settlement residents. Participatory design and involving people in improvement processes are promising practices, but these are primarily point tools that cannot be fully effective without accompanying changes at the institutional level.

Key words: informal urbanization; informal settlements; slums; political intervention strategies; Global South

Citation: Maltseva D.M., Daneliuk-Kobylianskaia Yu.K., Siniaeva E.M., Skotnikov S.A., P.A. Shirokova P.A. (2023) Comparison of Political Intervention Strategies in Informal Settlements in Cities of the Global South, *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 2, pp. 6-40. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp8220236-40> (in Russian)

References

- Aashi S. (2011) Barrios of Bogota. Available at: <https://www.urbz.net/articles/barrios-bogota> (accessed 11 March 2022).
- Aguilar A.G., Santos C. (2011) Informal Settlements' Needs and Environmental Conservation in Mexico City: An Unsolved Challenge for Land-Use Policy. *Land use policy*, vol. 28, no 4, pp. 649-662.
- Al Sayyad N., Roy A. (eds.) (2003) Urban Informality: Transnational Perspectives from the Middle East, Latin America, and South Asia. Lexington Books.
- Alterman R., Calor I. (2020) Between Informal and Illegal in the Global North: Planning Law, Enforcement, and Justifiable Noncompliance. *Comparative Approaches to Informal Housing around the Globe/Grashoff U. (Ed.). University College London (UCL)*, pp. 150-185.

- Anderson M., Mwelu K. (2013) Kenyan Slum Upgrading Programs: KISIP, KENSUP. Available at: https://static1.squarespace.com/static/58d4504db8a79b27eb388c91/t/58e686c23a0411e265af3783/1491502788579/2013_KENYAN_SLUM_UPGRADING_PROGRAMS_ANDERSON_MWELU.pdf (accessed 08 March 2022).
- Askew M. (2004) Bangkok: Place, Practice and Representation. Routledge.
- Azzazi M. (2000) Local Organizations Involved in Upgrading Informal Settlements: Laws and Regulation. Cairo: Ministry of Planning, GTZ.
- Banks N., Lombard M., Mitlin D. (2020) Urban Informality as a Site of Critical Analysis. *The Journal of Development Studies*, vol. 56, no 2, pp. 223-238.
- Barlow J. (1992) Self-promoted Housing and Capitalist Suppliers: The Case of France. *Housing Studies*, vol. 7, no 4, pp. 255-267.
- Barzel Y. (1989) Economic Analysis of Property Rights. Cambridge University Press.
- Bellegooijen J.V., Rocco R. (2013) The Ideologies of Informality: Informal Urbanization in the Architectural and Planning Discourses. *Third World Q*, vol. 34, no 10, pp. 1794-1810.
- Berner E. (2001) Learning from Informal Markets: Innovative Approaches to Land and Housing Provision. *Development in practice*, vol. 11, no 2-3, pp. 292-307.
- Boonyabanha S. (2005) Baan Mankong: Going to Scale with "Slum" and Squatter Upgrading in Thailand. *Environment and Urbanization*, vol. 17, no 1, pp. 21-46.
- Boonyabanha S. (2009) Land for Housing the Poor—by the Poor: Experiences from the Baan Mankong Nationwide Slum Upgrading Programme in Thailand. *Environment and Urbanization*, vol. 21, no 2, pp. 309-329.
- Burgess R. (1977) Self-help Housing: A New Imperialist Strategy? A Critique of the Turner. *School. Antipode*, vol. 9, no 2, pp. 50-59.
- Calor I., Alterman R. (2017) When Enforcement Fails: Comparative Analysis of the Legal and Planning Responses to Non-Compliant Development in Two Advanced-Economy Countries. *International Journal of Law in the Built Environment*, vol. 9, no 3, pp. 207-239.
- Chico G.R. (2018) Repositioning the state's role through water politics in Mexico City's informal

- settlements//Metropolitics. Available at: <https://metropolitics.org/Repositioning-the-state-s-role-through-water-politics-in-Mexico-City-s-informal.html> (accessed 07 March 2022).
- City Population (2022) Egypt. Available at: <https://www.citypopulation.de/en/egypt/cities/> (accessed 06 March 2022).
- City Population (2022) Kenya. Available at: <https://www.citypopulation.de/en/kenya/cities/> (accessed 06 March 2022).
- Davidson C.H., Johnson C., Lizarralde G., Dikmen N., Sliwinski A. (2007) Truths and Myths about Community Participation. *Post-Disaster Housing Projects. Habitat international*, vol. 31, no 1, pp. 100–115.
- De Soto H. (1989) *The Other Path*. New York: Harper, Row.
- de Souza D.P. (2019) City of São Paulo has GDP of 4.3 thousand Brazilian municipalities together. Available at: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/en/agencia-novs/2184-news-agency/news/26407-pib-da-cidade-de-sao-paulo-equivalente-ao-da-soma-de-4-3-mil-municipios-brasileiros-2> (accessed: 09.06.2023).
- Del Rio D.D. F., Sovacool B.K. (2023) Of Cooks, Crooks and Slum-Dwellers: Exploring the Lived Experience of Energy and Mobility Poverty in Mexico's Informal Settlements. *World Development*, vol. 161, pp. 1–22.
- Devlin R.T. (2018) Asking 'Third World questions' of First World informality: Using Southern theory to parse needs from desires in an analysis of informal urbanism of the global North. *Planning Theory*, vol. 17, no 4, pp. 568–587.
- Dingle T. (1999) Self-help Housing and Co-operation in Post-war Australia. *Housing Studies*, vol. 14, no 3, pp. 341–354.
- Dovey K., Kamalipour H. (2017) Informal/Formal Morphologies. *Mapping urbanities/Dovey K., Pafka E., Ristic M. (Eds.)*. Routledge, pp. 223–248.
- Dunkerley H.B. (1983) *Urban Land Policy: Issues and Opportunities*. Oxford: Oxford University Press.
- Effat H.A., El Shobaky M.A. (2015) Modeling and Mapping of Urban Sprawl Pattern in Cairo Using Multi-temporal Landsat Images, and Shannon's Entropy. *Advances in Remote Sensing*, vol. 4, no 4, pp. 303–318.
- Egypt–Cairo: Flash Floods 3/2020 (2022) IFRC. Available at: <https://go.ifrc.org/emergencies/4046> (accessed 06 March 2022).
- El-Hakim O., Osman M. (2000) *Methodology for Upgrading and Developing Informal Settlements, Case Studies: Cairo and Giza Governorates*. Cairo: Ministry of Planning, GTZ.
- El-Sheikh T. (1999) *Participatory Urban Upgrading in Egypt: Lessons from Experience*. Cairo: Urban Training Institute.
- Euromonitor International (2021) *Passport*. Available at: <https://www.portal.euromonitor.com> (accessed 02 March 2022).
- Few R., Gouveia N., Mathee A., Harpham T., Cohn A., Swart A., Coulson N. (2004) Informal subdivision of residential and commercial buildings in Sao Paulo and Johannesburg: living conditions and policy implications. *Habitat International*, vol. 28, no 3, pp. 427–442.
- Ghoneem M. (2013) The Ugly Face of the City: The Visual Quality Appraisal between Luxury and Need. *Conference: The International Conference on Urban Life, Contemporary Arts Conference. (CONTEMPART '13)*. Istanbul, Turkey, April 2013, pp. 188–198.
- Gonçalves J.M., Gama J.M. R.F. (2020) A Systematisation of Policies and Programs Focused on Informal Urban Settlements: Reviewing the Cases of São Paulo, Luanda, and Istanbul. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, vol. 13, no 4, pp. 466–488.
- Gouda E. (2013) Urban Form Rehabilitation of the Informal Settlements in Egypt. *The Journal of Urbanism*, vol. 1, no 26, pp. 1–10.
- Guibrunet L., Broto V.C. (2015) The Sustainability of the Informal City: An Urban Metabolism Approach. *Proceedings of the 11th International Conference of the European Society for Ecological Economics (ESEE)*, vol. 30, pp. 1–24.
- Halim A. et al. (2000) *A New Paradigm of Planning*. Cairo: Ministry of Planning, GTZ.
- Harris N. (2011) Discipline, Surveillance, Control: A Foucaultian Perspective on the Enforcement of Planning Regulations. *Planning theory, practice*, vol. 12, no 1, pp. 57–76.
- Harris R. (2001) *Irregular Settlement and Government Policy in North America and the Twentieth Century. Irregular Settlement and Self-Help Housing in the United States*. Cambridge, Massachusetts: Lincoln Institute of Land Policy.
- Harris R. (2018) Modes of Informal Urban Development: A Global Phenomenon. *Journal of Planning Literature*, vol. 33, no 3, pp. 267–286.
- Hassan G.F. (2011) Review and Re-evaluation of the Successive Housing Policy in Egypt. *Al Azhar University Journal, EAJ*, vol. 5, no 11, pp. 54–77.
- Hataya N. (2007) *The Illusion of Community Participation: Experience in the Irregular Settlements of Bogotá* (Doctoral dissertation, University of London).
- Hegazy I.R. (2016) Informal Settlement Upgrading Policies in Egypt: Towards Improvement in the Upgrading Process. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, vol. 9, no 3, pp. 254–275.
- Howeidy A. et al. (2009) *Cairo's Informal Areas. Between Urban Challenges and Hidden Potentials*. Cairo: GTZ Egypt.
- Huntoon L., Becker B. (2001) *Colonias in Arizona: A Changing Definition with Changing Location. In Memoria of a Research Workshop "Irregular Settlement and Self-Help Housing in the United States"*.
- Kamunyoru S. (2019) *Disclosable Version of the ISR–Kenya Informal Settlements Improvement Projects (KISIP)* World Bank Group. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/362381576796814362/%20Disclosable-Version-of-the-ISR-Kenya-Infomral-Settlements-Improvement-Project-KISIP-P113542-Sequence-No-17> (accessed 09 March 2022).
- Karbainov N.I. (2014) Kak vladel'tsy (ne) stanovyatsya chasctnymi sobstvennikami: zemel'niye konflikty w Ulan-Ude i Sochi [How the Owners (Do Not) Become Private Proprietors: Conflicts Over Land in Ulan-Ude and Sochi]. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*, vol. 17(5), pp. 85–108. (in Russian)
- Keniya perezhivaet sil'nye navodneniya: evakuirovany 25 tys. chelovek (2021) [Kenya is Experiencing Severe Floods: 25 thousand People Evacuated]. Gismeteo. Available at: <https://www.gismeteo.kz/news/kli->

- mat/25091-keniya-perezhivaet-silnye-navodneniya-yevakuirovany-25-tys-chelovek/ (accessed 07 March 2022). (in Russian)
- Kenya Informal Settlements Improvement Project: Abbreviated Resettlement Action Plan for Swahili Village Informal Settlement, Kericho County (2019) ICT. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/887941568290189206/Abbreviated-Resettlement-Action-Plan-for-Swahili-Village-Informal-Settlement-Kericho-County> (accessed 10 March 2022).
- Kenyaspace (2022) Nairobi, Kenya. Available at: <http://www.kenyaspace.com/Nairobikenya.htm> (accessed 07 March 2022).
- Khalifa M.A. (2011) Redefining Slums in Egypt: Unplanned versus Unsafe Areas. *Habitat international*, vol. 35, no 1, pp. 40-49.
- Klaufus C. (2000) Dwelling as Representation: Values of Architecture in an Ecuadorian Squatter Settlement. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 15, no 4, pp. 341-365.
- Living in Nairobi (2007) Nairobi Coty Council. Available at: <https://www.webcitation.org/68gpNkxj8?url=http://www.nairobicity.go.ke/> (accessed 07 March 2022).
- Luiz G. (2012) Slum Upgrading in Kibera, Nairobi. Available at: https://sites.tufts.edu/gis/files/2013/11/Vieira_Luiz.pdf (accessed 10 March 2022).
- Magdi S.A. (2018) Towards Sustainable Slum Development: A Performance Evaluation Approach for Slum Upgrading Plans in Egypt. *Cities' Identity Through Architecture and Arts/Mahgoub Y., Cavalagli N., Versaci A., Bougdah H., Serra-Permanyer M. (Eds.)*. Routledge, pp. 317-331.
- Merrett S. (1984) The Assessment of Housing Consumption Requirements in Developing Countries. *Third World Planning Review*, vol. 6, no 4, pp. 13-22.
- Mohanty M. (2019) Challenges of Informal Urbanization. Springer Nature.
- Montgomery B.N. (2008) Scaling Down to Lift Up: Financing Urban Walking Infrastructure. *Sustainable Development Challenges of Transport in Cities of the Developing World: Doing What Works (CODATU Conference Proceedings)*.
- Mubea K., Goetzke R., Menz G. (2014) Applying Cellular Automata for Simulating and Assessing Urban Growth Scenario Based in Nairobi, Kenya. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, vol. 5, no 2, pp. 1-13.
- Muchira R. (2017) Water and Wastewater Infrastructure Improvement Projects in Informal Settlements: A Case Study of KISIP in KCC Village in Nairobi County. Nairobi: University of Nairobi. Available at: http://erepository.uonbi.ac.ke/bitstream/handle/11295/103345/Muchira_Water%20And%20Waste-water%20Infrastructure%20Improvement%20Projects%20In%20Informal%20Settlements.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 10 March 2022).
- Muraguri L. (2011) Kenyan Government Initiatives in Slum Upgrading. *Les Cahiers d'Afrique de l'Est [The East African Review]*, no 44, pp. 119-127.
- Myers G.A. (2003) Designing Power: Forms and Purposes of Colonial Model Neighbourhoods in British Africa. *Habitat International*, vol. 27, no 2, pp. 193-204.
- Natakun B. (2013) Dynamics of Upgrading Processes: A Case Study of a Participatory Slum Upgrading in Bangkok (Doctoral dissertation, University of Melbourne, Faculty of Architecture, Building and Planning).
- Natakun B., O'Brien D. (2009) Extending the House/Extending the Dream: Modifications to Government-built Housing in Bangkok Metropolitan Region. *Journal of Architectural/Planning Research and Studies (JARS)*, vol. 6, no 3, pp. 45-64.
- Ndukui C.E. (2013) Challenges of Slum Upgrading for Urban Informal Settlements: Case of Soweto East Village in Kibera Informal Settlements, City of Nairobi. Postgraduate thesis, The University of Nairobi.
- Nijman J. (2006) Mumbai's Mysterious Middle Class. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 30, no 4, pp. 758-775.
- Nijman J. (2010) A Study of Space in Mumbai's Slums. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, vol. 101, no 1, pp. 4-17.
- O'Hare G., Abbott D., Barke M. (1998) A review of slum housing policies in Mumbai. *Cities*, vol. 15, no 4, pp. 269-283.
- Olivera G., Narciso C Guadarrama J., (2015) Housing Policies for the Urban Poor in Developing Countries. *Journal of the American Planning Association*, vol. 53, no 2, pp. 176-185.
- Ono H., Kidokoro T. (2020) Understanding the Development Patterns of Informal Settlements in Nairobi. *Japan Architectural Review*, vol. 3, no 3, pp. 384-393.
- Perlman J.E. (1979) Urban Poverty and Politics in Rio de Janeiro. University of California Press.
- Pruijt H. (2013) The Logic of Urban Squatting. *International journal of urban and regional research*, vol. 37, no 1, pp. 19-45.
- Rabibhadana A. (1997) Housing the Poor: Alternative Approaches and Different Directions. Bangkok: Urban Community Research and Development Institute Foundation.
- Rabibhadana A. (1999) Slums: Knowledge and Reality. Bangkok: Thailand Research Fund.
- Rapoport A. (1988) Spontaneous Settlements as Vernacular Design. *Spontaneous Shelter: International perspectives and prospects/ C.V. Patton*, pp. 51-77.
- Raymond A. (2000) Cairo. Cambridge: Harvard University Press.
- Roy A. (2005) Urban Informality: Toward an Epistemology of Planning. *Journal of the American Planning Association*, vol. 71, no 2, pp. 147-158.
- Rueda-Garcia N. (2000) The Case of Bogotá D.C., Colombia.
- Shmueli D.F., Khamaisi R. (2011) Bedouin Communities in the Negev: Models for Planning the Unplanned. *Journal of the American Planning Association*, vol. 77, no 2, pp. 109-125.
- Solymári D., Mangera J., Czirják R., Tarrósy I. (2021) Overview Of Kenyan Government Initiatives in Slum Upgrading: The Case of Kensus And Kisip Projects. *Hungarian Journal of African Studies*, vol. 15, no 3, pp. 37-59.
- Tellman B., Eakin H., Janssen M.A., de Alba F., Turner II B.L. (2021) The Role of Institutional Entrepreneurs and Informal Land Transactions in Mexico City's Urban Expansion. *World development*, vol. 140, no 3, pp. 1-18.
- The Constitution of Kenya, 2010 (2010) Government of Kenya. National Council for Law Reporting Nairobi. Available at: <https://ukcs.or.ke/wpcontent/uploads/2018/03/ken127322.pdf> (accessed 08 March 2022).
- The Kenya Gazette Supplement №28 (2016) Government of Kenya. Available at: https://kenyalaw.org/kl/fileadmin/pdfdownloads/AmendmentActs/2016/LandLaws_%20Amendment_Act_28of2016.pdf (accessed 09 March 2022).

- Turner J.F.C. (1976) *Housing by People. Towards Autonomy in Building Environments*. London, Marion Byers.
- U.N. Starts Crime Study in Kenya's Capital (2001) Xinhua News Agency. Available at: <https://english.news.cn/20010428/402881.htm> (accessed 09 March 2022).
- UN-Habitat. (2003) *The Challenge of Slums. Global Report on Human Settlements*. Earthscan, London.
- UN-HABITAT: Tracking Improvement in the Lives of Slum Dwellers (2016) Nairobi. Available at: <https://unhabitat.org/slum-almanac-2015-2016> (accessed 11 March 2022).
- Urban Somali Refugees Call Nairobi's «Little Mogadishu» home: Monsters and Critics (2007) Available at: http://news.monstersandcritics.com/africa/features/article_1233394.php/Urban_Somali_refugees_call_Nairobis_little_Mogadishu_home (accessed 07 March 2022).
- Van Horen B. (2004) *Community Upgrading and Institutional Capacity Building to Benefit the Urban Poor in Asia. Paper presented to the Forum on Urban Infrastructure and Public Service Delivery to the Urban Poor, Regional Focus: Asia, New Delhi, India*.
- Varlamov I. (2018) Gorod musorshchikov [Garbage City]. Available at: <https://varlamov.ru/3235926.html> (accessed 17 March 2022). (in Russian)
- Webster D.R. (1994) Pornchokchai, Sopot, Bangkok Slums: Review and Recommendations (Book Review). *Third World Planning Review*, vol. 16, no 3.
- World Bank (2022) [Vsemirnyj bank]. Available at: <http://www.worldbank.org> (accessed 05 March 2022). (in Russian)
- Yap K.S., De Wandeler K. (2010) Self-help Housing in Bangkok. *Habitat International*, vol. 34, no 3, pp. 332-341.
- Yousry A. (1998) *Participatory Planning between Theory and Practice: The Case of Nasriya Upgrading Project*. Cairo: Cairo University.
- Zetter R., Hamza M.E. (1997) The Impact of Foreign Technical Assistance on Urban Development Projects in Egypt. *Habitat International*, vol. 21, no 2, pp. 153-166.
- Zetter R., Hassan A.M. (2002) Urban Economy or Environmental Policy? The Case of Egypt. *Journal of Environmental Policy and Planning*, vol. 4, no 2, pp. 169-184.

Субурбанизация в эпоху COVID-19: выживут ли традиционные дачи в России?

Анна Скриган
Антон Шкарубо

Введение

Дачи – особый феномен советских городов, специфика пригородного землепользования и особая форма субурбанизации в советское время. Традиционные дачи претерпели множество изменений за период своего существования, начиная от назначения и целевого использования и заканчивая образом жизни и времяпровождением на дачах. За истекшие 30 лет после распада СССР и изменения общественных процессов, в том числе урбанизации и субурбанизации, традиционные дачи пусть и утратили свое прежнее значение, но не исчезли, по-прежнему играя заметную роль как в пригородном землепользовании, так и в образе жизни горожан.

Под традиционной, или советской, дачей авторы понимают дачи, полученные гражданами «при советской власти» и характеризующиеся небольшими размерами, наличием сада и(или) огорода, домом, зачастую без удобств, иногда без отопления, хозяйственными постройками [Shkaruba et al., 2021]. Дачи вокруг городов появились вследствие неспособности плановой советской экономики обеспечить продуктами питания население страны [Shkaruba et al., 2021]. Советские дачи – уникальный феномен загородного жилья, аналога которому нет во всем остальном мире. Уникальность советской дачи объясняется необходимостью достижения противоположных задач советским руководством: выделить участок земли для огородничества и садоводства, при этом не выделить участок земли в собственность. Как следствие, в дачных кооперативах действовали многочисленные ограничения как на использование земли, так и на размер участка, размеры дома, его отопление, отнесение к категории жилого помещения и др. [Shkaruba et al., 2021]. Непригодность дачных строений для постоянного проживания должна была подчеркнуть временность владения дачным участком, отсутствие частной собственности на землю и «закрепить» жизнь в го-

Скриган Анна Юрьевна, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник международной комплексной научно-исследовательской лаборатории по изучению изменения климата, землепользования и биоразнообразия, Институт экологической и сельскохозяйственной биологии (Х-БИО), Тюменский государственный университет (ТюмГУ); Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 25.

E-mail: skrane4ka@gmail.com

Шкарубо Антон Дмитриевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры охраны окружающей среды и ландшафтного планирования, Институт сельскохозяйственных наук и наук об окружающей среде, Эстонский университет естественных наук (EMÜ); Эстония, 51006, г. Тарту, ул. Креутцвальди, 1.

E-mail: anton.shkaruba@emu.ee

В статье на основе сценарного анализа проанализированы тенденции субурбанизации в период пандемии COVID-19 в России. Охарактеризованы особенности субурбанизации в советский период, проанализированы особенности традиционных дач и дачного образа жизни с точки зрения их устойчивости и способности сохранять и консервировать их основные свойства и элементы. В статье исследованы изменения в образе жизни и социальных практиках горожан, их отношения к дачам и загородному образу жизни в период пандемии. На основе анализа движущих сил субурбанизации с учетом воздействия COVID-19 выделено две сценарные оси – пандемические ограничения и экономические инструменты поддержки загородного строительства, послужившие основой разработки четырех сценариев – «стагнация пригородов», «дачный ренессанс», «пригороды для богатых» и «пригородный бум». Сценарный анализ, предпринятый в исследовании, показал, что феномен традиционной дачи сохранится как отличительная особенность российской субурбанизации в краткосрочной и среднесрочной перспективе с тенденцией постепенного отмирания. Факторы устойчивости традиционных дач сгруппированы в три группы: правовые, экономические и социально-культурные. Жизнеспособность дач обусловлена следующими факторами: 1) существование поколения получивших дачи в советское время и поддерживающих установившиеся несколько десятилетий назад дачные практики; 2) наличие категорий горожан, для которых дачи являются источником продуктов питания, либо доступным и дешевым жильем, либо дешевой возможностью летнего

роде. Основные особенности традиционной советской дачи представлены в таблице 1.

Традиционные дачи, являясь неотъемлемым элементом пригородов российских городов [Нефедова, Савчук, 2014; Бреславский, 2016; Григоричев, 2020; Shkaruba et al., 2021], оказывают существенное влияние на процессы субурбанизации в странах бывшего СССР, при этом зачастую утрачивая как свои основополагающие характеристики, так и роль «второго» дома, значение в повседневных образе жизни и практиках. Например, в Эстонии и Украине (несмотря на радикально отличающиеся причины и динамику) наблюдается постепенное исчезновение традиционных дач [Shkaruba et al., 2021].

В ближайшем будущем концентрация населения в российских городах продолжится в основном за счет миграции «село – город» [Бреславский, 2018; Григоричев, 2013], разница в качестве жизни и социальных возможностях между селом и городом сохранится. По аналогии со странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) [Kovács et al., 2019] активизация процессов субурбанизации в России происходит вследствие повышения уровня доходов, уровня автомобилизации и развития рынка недвижимости, при этом пандемия COVID-19 и последовавшие ограничения, включая локдаун, могут оказать катализирующее влияние как на скорость, так и на направленность процессов роста и развития пригородов. Варианты развития субурбанизации в ковидное и постковидное время разнообразны, а последствия этих процессов неопределенны. В отношении традиционных дач можно ожидать как их «консервацию», так и радикальную трансформацию вплоть до полного исчезновения. В этой статье предпринята попытка найти ответы на следующие вопросы:

1) Как изменятся традиционные дачи и дачный образ жизни в результате ковидной и постковидной субурбанизации российских городов?

2) И более глобально: приведут ли нынешние тенденции к субурбанизации в России по типу и образцу европейской?

Поиск ответов на поставленные вопросы осуществлялся на основе разработки качественного исследовательского сценария, предполагающего создание нескольких концептуальных моделей субурбанизации российских городов как результата сочетания институциональных, политических и культурных факторов развития ситуации. В качестве сценарных ограничений выступали: временные (сценарный период – 10 лет), географические (пригородные территории российских городов, то есть охват – вся территория России), институциональные (процессы, связанные с дачами, загородным строительством и перемещением городского населения в пригороды). Созданные сценарные нарративы являются вкладом в дискуссию о моделях субурбанизации, ее движущих силах, их сочетаниях и возможных вариантах развития ситуации в России с учетом ковидных ограничений и их последствий.

Особенности «советской» субурбанизации и феномен традиционных дач

Исследователи отмечают особенный характер советской урбанизации, когда «урбанизация была лишь побочным “продуктом” расширения инфраструктуры ресурсодобычи, возведения предприятий по переработке, обогащению и перегрузке сырья; следствием развертывания систем транспорта и энергетики, нуждавшихся в управленческих и технических центрах» [Меерович, 2015]. Ю. Л. Пивоваров [Пивоваров, 2001] утверждает, что советская модель урбанизации была непоследовательна и противоречива, а серьезным недостатком урбанистического процесса в СССР являлся разрыв между количественными показателями переселения масс деревенского населения в города и утверждением городского образа жизни как феномена культуры. Директивно-пла-

отдыха; 3) сохранение культурного клише городского образа жизни и его противопоставление сельскому как бедного, некомфортного и тяжелого; 4) недостаточное развитие правовых и экономических инструментов поддержки загородного строительства и относительная его непривлекательность для банков и девелоперов; 5) неразвитость социальной инфраструктуры в сельской (даже пригородной) местности и низкий уровень предоставляемых услуг; 6) невозможность бюджетного преобразования дач в комфортное постоянное загородное жилье в сочетании с неадекватным соотношением «цена–качество» дачных участков на рынке недвижимости.

Ключевые слова: субурбанизация; традиционные дачи; факторы устойчивости и жизнеспособности дач; сценарный анализ; пандемия COVID-19

Цитирование: Скриган А. Ю., Шкарубо А. Д. (2023) Субурбанизация в эпоху COVID-19: выживут ли традиционные дачи в России? // Городские исследования и практики. Т. 8. № 2. С. 41–56. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp82202341-56>

Таблица 1. Особенности традиционных дач и дачного образа жизни
Источник: составлено авторами на основе собственных исследований.

Пространственная конфигурация и физическая форма	Организационная структура и собственность	Образ жизни и времяпровождение
<p>Небольшой размер участка (от 4 до 8 соток в зависимости от региона и времени выделения дач). Малоутепленный дом (часто надстроенный и перестроенный), туалет типа «выгребная яма» на улице, водоснабжение преимущественно из скважины или колодца. Наличие хозяйственных построек – бани, сараев. Особая планировка дачного поселка: узкие проезды и плотно расположенные дома</p>	<p>Коллективная, длительная аренда либо частная собственность. Товарищество по месту работы преобразовалось в товарищество по месту расположения. Товарищество – юридическое лицо, кооператив с членскими взносами. Ограниченный спрос на рынке на традиционные дачи. Невысокая рыночная стоимость традиционных дач</p>	<p>Садоводство и огородничество для самообеспечения или на продажу. Отдых в теплый сезон года (отдых выходного дня, летний отпуск). Проживание пенсионеров в теплый период года либо круглогодично</p>

новая экономика сознательно и целенаправленно превратила процесс градоформирования (вслед за индустриализацией) в искусственно-форсированно-ускоренный [Сенявский, 2003]. Уникальность советской урбанизации заключалась в ее исключительно искусственном характере – в плановом формировании системы расселения, основанной на принудительной привязке трудовых ресурсов к месту труда [Меерович, 2015]. Итогом советской урбанизации стал стремительный рост городов, приведший к более чем десятикратному увеличению численности горожан [Пивоваров, 2001].

Продуктом советской эпохи является появление социалистического города. К особенностям социалистического города можно отнести [Скриган, 2016]: особое значение центра города, дисперсное распределение крупных парков и общественных пространств по всей территории города, масштабность градостроительных проектов (стремление к гигантизму, включая городскую застройку), наличие крупных промышленных зон в центральных частях городов, высокоэтажные жилые районы на городской периферии, инфраструктура, ориентированная на общественный транспорт, компактность. Указанные особенности социалистического города прослеживаются в странах ЦВЕ в послевоенный период и отмечены в работах исследователей [Enyedi, 1996; Slaev et al., 2018; Stanilov, Šýkora, 2012; Hirt, 2013; Schmidt et al., 2015]. Ковач с соавторами [Kovács et al., 2019] утверждали, что процессы расползания социалистических городов предотвращались отсутствием частной собственности на землю и рынков недвижимости, отсутствием социальных услуг на окраинах, низким уровнем владения личными автомобилями и неразвитостью инженерной инфраструктуры на городских окраинах.

Отсутствие классических в европейском понимании пригородов в России компенсировалось распространением дачных поселков вблизи города. Дачи – одна из самых типичных характеристик городских пригородов социалистических городов [Shkaruba, Kireyeu, Likhacheva, 2017; Сидоркина, 2018]. Примерно две трети городского населения России владеют дачами [Kolosov, Nefedova, 2014]; при этом степень изученности этого феномена недостаточна [Сидоркина, 2018]. Подробный анализ публикаций и исследований дач и пригородов представлен авторами в [Shkaruba, Kireyeu, Likhacheva, 2017]. Отметим классическую работу С. Ловелла [Lovell, 2003], освещающую российские дачи на протяжении нескольких столетий – 1710–2000 годов – как социокультурный феномен. Эту традицию изучения дач в исторической перспективе продолжают работы О. Малиновой-Тзиафеты [Малинова-Тзиафета, 2013], Е. В. Первушиной [Первушина, 2008], М. А. Поляковой и Е. Н. Савиновой [Полякова, Савинова, 2011], В. М. Сидоркиной [Сидоркина, 2018], А. К. Касаткиной [Касаткина, 2014] и др. Экономические аспекты дачной жизни рассмотрены в работах И. А. Чеховских [Чеховских, 2000]. Комплексные социально-экономические исследования дач проводятся Т. Г. Нефедовой и соавторами [Нефедова, 2012; Нефедова, Савчук, 2014; Kolosov and Nefedova, 2014; Аверкиева, Нефедова, 2016; Махрова, Медведева, Нефедова, 2016 и др.]. В географическом аспекте исследования дач в России сосредоточены в основном на Московском и Петербургском регионах [Потапчук, 2016]; работ, посвященных дачам в других регионах России, немного, среди них следует отметить работы Т. Г. Нефедовой, Е. В. Потапчук, К. В. Григоричева, А. С. Бреславского [Нефедова, Савчук, 2014; Аверкиева, Нефедова, 2016; Потапчук, 2020];

Григоричев, 2013; 2020; Бреславский, 2016; 2018; 2020].

Процессы субурбанизации в современной России, в том числе влияние на рост пригородов преобразования дач и дачного образа жизни, изучаются А. С. Бреславским [Бреславский, 2016; 2018; 2020] и К. В. Григоричевым [Григоричев, 2013; 2016; 2020], отмечая дачи как один из важнейших факторов современных изменений российских пригородов. Например, А. С. Бреславский выделяет типы пригородного развития в странах бывшего СССР: трансформация дач в полноценные пригороды, рост существующих деревень вокруг крупных городов, строительство пригородных поселений, развитие сквоттерских поселений [Бреславский, 2016]. Дачи – «один из наиболее заметных факторов российской субурбанизации» [Григоричев, 2020]. Известный советский географ Б. Родоман [Родоман, 2002], впечатленный масштабом и быстрым ростом дач в 1980–1990-е годы вокруг Москвы, назвал их «раковой опухолью ландшафта» и «постиндустриальным курятником», считая дачные участки горожан «социальной болезнью» и «тормозом развития».

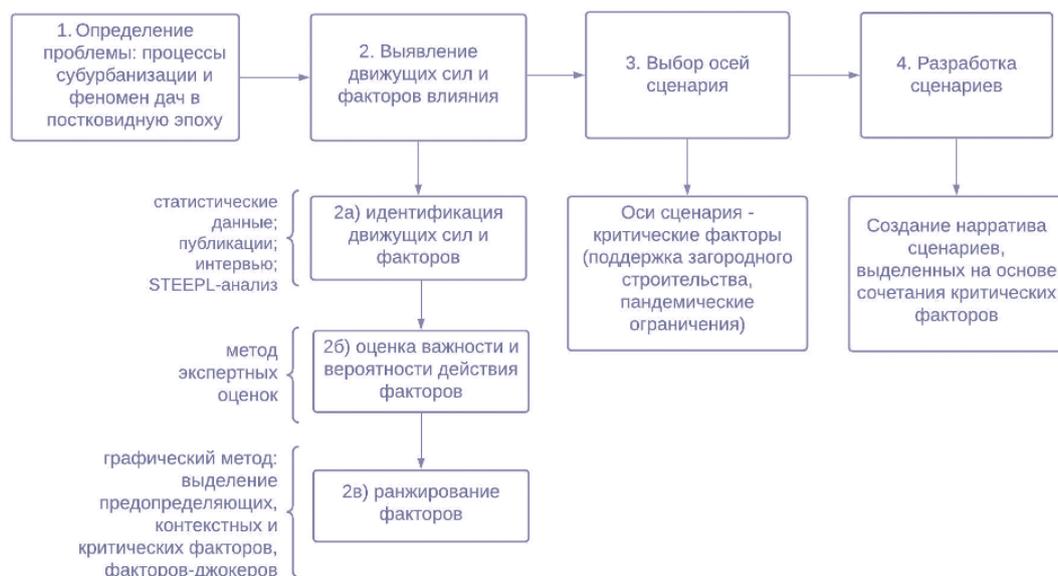
После развала СССР и СЭВ процессы субурбанизации в России и странах ЦВЕ протекали по-разному. В странах ЦВЕ субурбанизация произошла очень активно, что было обусловлено следующими факторами: приватизация земли, восстановление рынков недвижимости, децентрализация политической власти и права на планирование, увеличение количества участников процессов городского развития, уход государства с рынка жилья, рост количества автомобилей и растущий уровень мобильности в сочетании с изменением жилищных предпочтений [Hirt, 2013; Kovács, Tosics, 2014; Stanilov, Sýkora, 2012, 2014; Tammaru et al., 2009; Kovács et al., 2019; Schmidt et al., 2015]. В странах бывшего СССР (за исключением прибалтийских государств) субурбанизация как таковая не состоялась: массового оттока жителей в пригороды не наблюдается вплоть до настоящего времени. Это обусловлено следующими факторами: большой контраст в уровне жизни и социальной инфраструктуре между сельской и городской территорией, концентрация возможностей для трудоустройства и самореализации в городах, неразвитость рынка недвижимости, более высокий уровень затрат на строительство загородного дома и отсутствие экономических инструментов поддержки сельского домостро-

тельства. Тем не менее процессы субурбанизации в России происходят, при этом отмечается «явный кризис отечественных исследований» в этом направлении [Бреславский, 2016]. Следует отметить, что «массовое преобразование дач в капитальные жилые сооружения стало значимым направлением субурбанизации на всем постсоветском пространстве и в России в частности» [Бреславский, 2020]. К. В. Григоричев отмечает неоднозначность влияния дач на процессы субурбанизации, утверждая, что дачи, с одной стороны, «сдерживают темпы субурбанизации, поскольку являются ее сезонным эквивалентом, формирующим мощный контрурбанизационный тренд» [Григоричев, 2020], при этом «...это своего рода “серая зона” субурбанизации, в которой сохраняющаяся форма традиционной советской дачи скрывает новые процессы» [Григоричев, 2020]. Подводя итог вышесказанному, отметим, что изучение дач и их влияния на процессы субурбанизации и трансформации пригородов российских городов является актуальной задачей как с точки зрения научной концептуализации процессов субурбанизации, так и с практической точки зрения эффективного управления пригородами и развитием городов и городских агломераций.

Методология и методы

Для анализа возможных альтернатив развития субурбанизации и роли традиционных дач в ковидное время использовался метод сценариев. Сценарий – правдоподобное изображение будущего, основанное на качественной или количественной интерпретации набора предположений сценария, которое может быть представлено в виде повествовательных сюжетных линий или количественных цифр и карт (моделей) [Metzger et al., 2010]. Сценарии не предсказывают будущего, но позволяют выявить и контролировать движущие силы развития ситуации. Цель сценарного анализа ковидной субурбанизации – демонстрация множества картин будущего традиционных дач и вариантов развития пригородов российских городов. Исследовательский сценарий ковидной субурбанизации позволяет проанализировать текущие события, движущие силы субурбанизации, варианты концептуального будущего традиционных дач. Выбор исследовательского вида сценария обусловлен стремлением уменьшить неопределенность в описании направ-

Рис. 1. Этапы разработки сценария

ности и интенсивности процессов субурбанизации и их последствий для традиционных дач. Для разработки сценариев ковидной и постковидной субурбанизации использовался качественный анализ, позволяющий представить варианты концептуального будущего традиционных дач на основе различного сочетания движущих сил (институциональных, политических и культурных факторов). Специфика статистического учета в Российской Федерации и имеющиеся в открытом доступе данные не позволяют создавать количественные сценарии развития российских пригородов с высоким уровнем математической достоверности. Проблема отсутствия или неполноты имеющихся данных в отношении пригородных территорий отмечалась в работах [Бреславский, 2016; 2018; 2020; Григоричев, 2013; 2016]. Разработка количественных сценариев и оценок является логичным продолжением разработки концептуальных моделей и качественных сценариев субурбанизации и может стать следующим этапом данного исследования.

Результатом качественного исследовательского сценария является создание внутренне непротиворечивого, логичного и правдоподобного нарратива, описывающего процессы субурбанизации в рамках каждого из сочетаний ключевых факторов развития ситуации. Результаты качественного сценарного анализа и возможные варианты развития ситуации носят обобщенный и концептуальный характер для территории всей России.

Разработка сценариев включала несколько этапов (рис. 1): определение про-

блемы, анализ движущих сил и факторов, выбор осей сценария и создание нарратива сценариев. На каждом из этапов использовались различные методы (рис. 1): для анализа ситуации – статистические данные, публикации и интервью, для оценки факторов – экспертная оценка, для ранжирования факторов – графический метод. В результате анализа движущих сил было выделено два критических фактора, сочетание которых позволило сформулировать четыре сценария, представленные в статье. В качестве сценарных ограничений выступали: временные (10 лет), географические (пригородные территории российских городов), институциональные (процессы, связанные с дачами, загородным строительством и перемещением городского населения в пригороды).

На этапе выявления движущих сил, факторов влияния и их оценки использовались как имеющиеся статистические данные, результаты социологических исследований и опросов и публикации, включая публикации в СМИ¹ [Воскресенская, 2021; Мамедова, 2021], так и интервью и полученные в процессе интервьюирования экспертные оценки в отношении важности того или иного фактора и силы его воздействия на развитие процессов субурбанизации. Полуструктурированные интервью проводились в течение 2021 года с горожанами и дачниками Санкт-Петербурга (11 чел.), Пскова (9 чел.), Тобольска (6 чел.), Тюмени (14 чел.), а также с представителями агентства недвижимости «Этажи» в Тюмени (2 чел.). В ходе интервью задавались вопросы об изменении отношения к дачам

1. А также данные агентства недвижимости «Этажи» (https://www.etagi.com/analytics/?city_id=23&class=cottages&resolution=70&country_id=1), «Циан» (<https://www.cian.ru/analiz-rynka-nedvizhimosti-b2b/>).

и загородному образу жизни, о влиянии пандемии на это изменение, о факторах, которые определяют ситуацию в настоящее время, и изменении указанных факторов в будущем; каждый интервьюируемый давал собственную оценку как важности фактора, так и степени его влияния на ситуацию (по шкале от «неважно» или «слабо» до «очень важно» или «очень сильно»). На следующем этапе все движущие факторы изменения ситуации, выявленные в публикациях и интервью, были проанализированы с помощью STEEP-анализа. Экспертные оценки, данные в интервью, были использованы при ранжировании движущих факторов и выделении осей сценария. Обработка экспертных оценок производилась в соответствии с методом Дельфи. Качественные оценки экспертов были переведены в баллы (от 1 до 4). Этап согласования экспертных оценок осуществлялся дистанционно. На следующем этапе на основе полученных согласованных экспертных оценок все движущие факторы развития ситуации были сгруппированы в четыре группы (контекстные, предопределяющие и джokerы) с использованием графического метода. На следующем этапе из группы ключевых факторов были выбраны два фактора, ставшие сценарными осями. Сценарные оси формируют сочетание ключевых факторов и создают некие сценарные ограничения для всех остальных факторов развития ситуации, что, в свою очередь, позволяет создать нарратив сценария, который только частично может быть подтвержден какими-либо данными, публикациями и проч. Идея разработки качественного сценария состоит в том, чтобы показать варианты концептуального развития процессов субурбанизации в зависимости от сочетания факторов и интенсивности их проявления.

COVID-19 и субурбанизация

Пандемия COVID-19 и последовавшие ограничения значительно видоизменили образ жизни горожан и их жизненные предпочтения. Анализ публикаций, социальных сетей и собственные наблюдения авторов позволил обобщить основные изменения социальной жизни вследствие пандемии: 1) работы – многие компании перешли на удаленный режим, конференции и совещания были перенесены в онлайн-режим, что привело к резкому сокращению служебных поездок и командировочных расходов, трудовое законодательство было дополнено поло-

жениями, регламентирующими удаленную занятость, были расширены сервисы электронного правительства и документооборота; 2) социальной жизни – отмена или ограничения на массовые спортивные и развлекательные мероприятия, на посещение и времяпровождение в ресторанах и кафе, фитнес-залах, клубах и проч.; 3) отпуска – невозможность поездок на популярные зарубежные курорты; 4) покупок и доставки – быстрое и массовое распространение онлайн-сервисов. В социокультурном плане последствия пандемии и ограничений коснулись необходимости организации рабочего места в своем жилище, осуществления рабочей деятельности в присутствии домочадцев, постоянного нахождения в небольшом пространстве квартиры относительно большого количества людей, наличия соседей в сочетании с плохой звукоизоляцией в многоэтажках. Пандемические ограничения вызвали повышение ценности зеленых зон как возможности для прогулок, отдыха, занятий спортом.

Результатами пандемических ограничений стали: 1) осознание скученности жизни в наиболее распространенном секторе городского жилья – дешевых квартирах небольшой площади в многоэтажках; 2) осознание необходимости быстрого доступа в парки, зоны отдыха, другие природные и квазиприродные территории; 3) отсутствие необходимости в ежедневных поездках на работу, в магазин и проч.; 4) падение доходов и необходимость экономии. Одним из последствий пандемических ограничений в образе жизни и мобильности стал резкий рост спроса на загородное жилье, включая дачи. Аналитические обзоры российских агентств недвижимости «Этажи» и «Циан» показывают, что 1) за 2020 год цены на загородное жилье в России увеличились на 20%, ожидаемый рост цен за 2021 год составит еще 8–10%; 2) спрос на дачи и коттеджи вырос в 1,5 раза в среднем по России, в Челябинске – в 3,5 раза, в Ростове-на-Дону – в 2,4 раза, в Перми – в 1,6 раза, в Омске, Екатеринбурге и Тюмени – в 1,5 раза, в Москве и Волгограде – в 1,4 раза; 3) в ряде регионов (в Краснодарском крае, Московской, Ленинградской, Тюменской, Свердловской и Нижегородской областях, а также в Республиках Татарстан и Башкортостан) отмечается наибольший дефицит предложения. Кроме того, в 2020 году спрос на аренду загородных домов в Тюменской области вырос в 2,1 раза по сравнению с аналогичными показателями 2019 года [Мамедова,

Рис. 2. Сценарии субурбанизации российских городов

2021]. Эксперты отмечают, что в ближайшие два года спрос на загородное жилье сохранится, хотя будет несколько меньшим по сравнению с 2020 годом [Воскресенская, 2021]. Аналитики отмечают, что спрос на рынке загородной недвижимости поддерживался следующими факторами: эпидемиологической обстановкой и существующими на рынке программами льготного кредитования, такими как «Сельская ипотека». В будущем на поддержание интереса к загородному дому будет влиять рост цен на городские квартиры, льготная ипотека на частные дома, возможности использования материнского капитала, региональные программы стимулирования домостроения. Как отмечают эксперты рынка недвижимости, многие россияне, уехав за город из-за пандемических ограничений, больше никогда не вернутся в города. Можно выделить две тенденции на рынке купли-продажи загородной недвижимости. Первая – появление на рынке инвесторов, которые не только сдают дома, но и перепродают их (такое пока наблюдается редко). Вторая тенденция – это появление покупателей, для которых собственный загородный дом – это главное и единственное жилье. Спрос на традиционные дачи в будущем будет снижаться, а аналитики считают инвестиции в такую недвижимость невыгодными: требуют много дополнительных долгосрочных вложений, существующие строения не соответствуют современным стандартам комфортного жилья.

Сценарии субурбанизации российских городов

На основе анализа и оценки движущих факторов развития ситуации в качестве сценарных осей были выбраны 1) сохранение – уменьшение пандемических ограничений и 2) усиление – ослабление экономических и финансовых инструментов поддержки строительства (и в целом раз-

вития) на селе и в пригородной зоне российских городов. В результате было получено четыре сценария (рис. 2): стагнация пригорода, дачный ренессанс, пригородный бум и пригороды для богатых.

Сценарий СТАГНАЦИЯ ПРИГОРОДА

Этот сценарий отражает тенденции «доковидного» времени и в целом соответствует сценарию business-as-usual. Сценарий основан на предположении, что пандемические ограничения будут сняты, установившиеся за этот период практики социального дистанцирования, удаленной работы, онлайн-шопинга и ограничений массовых мероприятий не сохранятся. В это же время экономические или финансовые инструменты поддержки загородного строительства (например, сельской ипотеки, льготные кредиты на строительство жилья в сельской местности) не применяются. В таких условиях продолжится «вымирание» дачных поселков, особенно СНТ с низкой транспортной доступностью и большой удаленностью от городов. Анализ ситуации в Эстонии и Украине [Shkaruba et al., 2021] показывает, что на процессы вымирания дач уровень благополучия оказывает опосредованное воздействие. На оставшихся дачах будет продолжаться эродирование традиционного дачного образа жизни – постепенное исчезновение дачных огородов как источника дополнительных продуктов питания. Какая-то незначительная часть горожан будет продолжать использовать дачи в этом контексте. Дачи будут рассматриваться как временное, сезонное жилье. Каких-то значимых инвестиций для преобразования таких домов в постоянное место жительства предприниматься не будет.

Спрос на рынке недвижимости на дачи после подъема во время эпидемии начнет падать, равно как и цена, так как такие временные дома уже не соответствуют установившимся в обществе критериям комфортности жилья. Возможна маргинализация дачных поселков или превращение их в «гетто»: вокруг крупных городов в дешевое дачное жилье для постоянного проживания будут постепенно вытесняться пенсионеры, малообеспеченные и маргинальные группы, в случае привлекательности города для трудовых мигрантов дачные поселки будут заселяться соответствующими диаспорами, превращаясь в этнические «гетто». Такое уникальное своеобразие «советской» субурбанизации уже проявилось [Григоричев, 2013]

и при таком сценарии будет сохраняться в дальнейшем: пригороды существуют, но представляют собой второе или временное жилье либо маргинализированные поселки.

Сценарий ДАЧНЫЙ РЕНЕССАНС

Этот сценарий развивается при условии сохранения либо пандемических ограничений, либо установившихся за время ограничений практик (в отношении мобильности и образа жизни) и отсутствии экономических и финансовых инструментов стимулирования загородного строительства. В этом случае дачи претерпят свое новое рождение. Как и в предыдущем сценарии, будет наблюдаться недостаток инвестиций в загородное строительство, большинство жилья не будет соответствовать современным представлениям о комфорте, дачи будут эксплуатироваться как сезонное жилье или жилье для краткосрочного проживания в периоды локдаунов и летнего отпуска. На заброшенные участки вернутся прежние хозяева, но уже не для выращивания сельскохозяйственной продукции или отдыха на природе, а для создания относительной уединенности, тишины, возможности без ограничений находиться на свежем воздухе с минимальной угрозой для здоровья либо проведения летнего отпуска в условиях ограничения туризма и путешествий. Именно по этому сценарию развивалась ситуация в 2020 и 2021 годах: произошло оживление дачной жизни (даже уже в полувымерших дачных поселках), наблюдался всплеск активности на рынке дачной и загородной недвижимости с ростом цен и спроса, когда продавались даже те дачи и участки, которые были выставлены на продажу в течение нескольких лет. Интервью с тюменскими дачниками показали, что наиболее популярными причинами, побудившими покупателей приобрести дачу, были «шумные соседи», «невозможность отдохнуть за границей» и «необходимость контакта с природой и прогулок в условиях локдауна». В этом же сценарии наблюдается повышение спроса и на длительную аренду дач. Как отмечают эксперты, эти тенденции могут оказаться краткосрочными, если ограничения будут сняты, а загородное строительство не получит экономических инструментов поддержки. Ограничения развития по такому сценарию обусловлены отсутствием предложений и неадекватным соотношением «цена–качество». В целом сценарий

не предполагает строительства в значительных объемах нового загородного жилья, а использование уже существующего. Так же, как и в предыдущем сценарии, особенности «советской» субурбанизации сохранятся, а в некоторых аспектах будут напоминать возвращение к прежнему состоянию и направленности процессов субурбанизации.

Сценарий ПРИГОРОДЫ ДЛЯ БОГАТЫХ

Развитие сценария базируется на следующих ключевых предположениях: отсутствие пандемических ограничений и усиление инструментов поддержки загородного строительства. В этих условиях будет происходить постепенное вымирание традиционных дач как некомфортного временного жилья (как в первом сценарии) в сочетании со строительством классических загородных резиденций. Возникнет спрос на постоянное, комфортное загородное жилье. При этом надо учесть, что содержание загородного дома и загородный образ жизни обходятся заметно дороже, нежели жизнь в городской квартире (это связано не только с содержанием дома, но и с ростом расходов времени и ресурсов на социальную активность – работу, учебу, отдых). Поэтому в отсутствие пандемических ограничений даже при экономической поддержке загородного строительства переселение за город коснется обеспеченных категорий граждан, которые могут позволить себе не только содержание загородного дома, но и имеют возможность работать не в офисе либо имеют гибкий рабочий график. При наличии инструментов поддержки загородного строительства в этот сектор придут крупные девелоперы и банки (при наличии привлекательных условий по сельской ипотеке), для которых значительно проще и экономически целесообразнее построить коттеджный поселок «в чистом поле», с подъездными дорогами, инженерной инфраструктурой, набором объектов социальной сферы, нежели модернизировать уже существующие поселения, тем более дачные кооперативы. Поэтому в этом случае субурбанизация пойдет по пути образования элитных или претендующих на это звание поселков, закрытых для всех посторонних (gated communities). Эти тенденции уже наблюдаются в России, но темпы происходящих изменений невысоки, охватывая географически территорию вокруг крупных городов [Бреславский, 2016]. Традиционные дачи в этом сценарии продол-

жат процесс вымирания. Темпы такого вымирания могут значительно увеличиться в случае уничтожения правового статуса дач, как это случилось в Украине [Shkaruba et al., 2021], а время полного вымирания дач зависит от продолжительности жизни граждан, поддерживающих традиционные дачные практики и времяпровождение (источник дополнительных продуктов питания и территория недорогого отдыха). Классической европейской субурбанизации (расползание города и формирование пояса малоэтажной застройки коттеджного типа в пригородной зоне) не случится и в этом сценарии.

Сценарий ПРИГОРОДНЫЙ БУМ

Сценарий развивается в условиях продолжающихся ковидных ограничений, влекущих за собой значительные изменения в образе жизни, мобильности и других ежедневных практик в сочетании с инструментами поддержки загородного строительства. В этом сценарии загородный образ жизни предпочтут не только обеспеченные категории граждан, но и значительная часть среднего класса, которая уже сейчас хотела бы жить за городом, но не решается на переезд не столько по экономическим причинам, сколько из-за дополнительных затрат времени и финансов на обеспечение установленного жизненного уклада и социальной активности в условиях загородной жизни. В этом сценарии субурбанизация будет происходить не только за счет строительства новых коттеджных поселков, но также и за счет индивидуального строительства и модернизации уже существующих деревень. Постепенно в пригородной зоне городов возникнет непрерывный пояс малоэтажной застройки, в который естественным образом будут включены и закрытые коттеджные поселки, но этот тип загородного жилья не будет определяющим (в отличие от предыдущего сценария). Возможна активная перестройка дач под комфортное жилье постоянного проживания, но затронет это СНТ с хорошей транспортной доступностью, так как возможности развития социальной инфраструктуры в дачных поселках будут по-прежнему ограничены. Традиционные дачи в этом сценарии сохраняются, занимая свою небольшую нишу, но не играя существенной роли ни на рынке недвижимости, ни в новом образе загородной жизни. В этом сценарии субурбанизация происходит наибольшими темпами и является

массовой по сравнению со всеми предыдущими. Субурбанизация по своему виду будет напоминать европейскую и процессы, происходившие в странах ЦВЕ после бархатных революций и смены общественного строя. Тем не менее массового переезда за город и активного расползания городов, как в случае ЦВЕ, мы не увидим и в этом сценарии, по крайней мере во временных сценарных рамках, так как развитие социальной загородной инфраструктуры будет происходить медленнее, чем строительство загородного жилья.

Устойчивость и жизнеспособность традиционных дач

Феномен традиционных советских дач в среднесрочной перспективе будет исчезать при любых сценариях развития субурбанизации. Различные элементы и характеристики дач обладают разной устойчивостью и скоростью исчезновения из пригородных ландшафтов. Социально-экономические процессы, обусловленные пандемией COVID-19, придают вымиранию традиционных дач дополнительные импульсы. Устойчивость и жизнеспособность традиционных дач при различных сценариях субурбанизации представлены в таблице 2.

Сценарий дачного ренессанса показывает, что большая часть элементов и характеристик (пространственная конфигурация и физическая форма, собственность, организационная структура) остаются неизменными по сравнению с нынешней ситуацией, а остальные элементы – спрос и цена на рынке, отдых выходного дня, летний отпуск и проживание пенсионеров в теплый период города – увеличиваются и улучшаются. Это единственный сценарий, при котором вымирание традиционных дач откладывается на долгосрочную перспективу. Остальные сценарии свидетельствуют о быстрой деградации традиционных дач и дачного образа жизни в краткосрочной перспективе. В сценарии стагнации пригорода (который в наибольшей степени приближен к business-as-usual) большая часть элементов остается неизменной, при этом спрос и цена на рынке падают, а традиционные дачные практики (садоводство и огородничество, отдых выходного дня, летний отпуск) забрасываются. В сценарном (краткосрочном) горизонте неизменным сохраняется проживание пенсионеров на дачах в теплый период года, которое в более длительном перио-

Таблица 2. Устойчивость компонентов дач и дачной жизни при различных сценариях субурбанизации
Источник: составлено авторами на основе собственных исследований.

Группы дачных характеристик	Характеристики дач	Сценарий			
		СТАГНАЦИЯ ПРИГОРОДА	ДАЧНЫЙ РЕНЕССАНС	ПРИГОРОДЫ ДЛЯ БОГАТЫХ	ПРИГОРОДНЫЙ БУМ
Пространственная конфигурация / физическая форма	Тип и вид дачных построек Размер участков Планировка дачных поселков Месторасположение				
Организационная структура / собственность	Собственность Организационная структура Спрос и цена на рынке				
Образ жизни / практики / времяпровождение	Садоводство и огородничество Отдых выходного дня Летний отпуск Проживание пенсионеров в теплый период года				

Условные обозначения:

- Элемент (характеристика) без изменений
- Элемент (характеристика) исчезает или значительно деградирует
- Элемент (характеристика) улучшается или увеличивается

де также будет уменьшаться по мере естественной убыли по возрасту закоренелых дачников.

Сценарии пригородов для богатых и пригородного бума похожи, различаясь исключительно темпами и масштабами процессов субурбанизации, и приводят к достаточно быстрому исчезновению традиционных дач. Изменения коснутся как правового и организационного статуса дач, так и пространственной организации пригородов (в первом случае – распространение преимущественно локальных закрытых коттеджных поселков, во втором – формирование сплошного пояса малоэтажной застройки вокруг города), так и размеров, архитектурно-планировочных решений загородных строений. С исчезновением традиционных дач будут утрачены и традиционные дачные практики: так как загородные дома станут местом постоянного проживания семей, то проживание, летний отдых и отдых выходного дня исчезнут, становясь неотъемлемой частью загородного образа жизни. При этом садоводство и огородничество станет хобби, а придомовой участок перестанет рассматриваться как источник дополнительных продуктов питания.

Традиционные дачи демонстрировали устойчивость и жизнеспособность в течение длительного периода времени за счет

сохранности ряда консервативных элементов и продолжающегося действия факторов, их обеспечивающих. Факторы, влияющие на сохранность традиционных дач, условно можно разделить на три группы – правовые, экономические и социокультурные.

Факторами, в первую очередь определяющими устойчивость традиционных дач, являются *правовые*. Правовое регулирование дач в России в постсоветский период имело ряд особенностей. Во-первых, не проводилась реституция за исключением возвращения некоторого количества земель и зданий Русской православной церкви [Shkaruba, Kireyev, Likhacheva, 2017]. Во-вторых, длительное время дачи оставались «за бортом» правового регулирования, про их существование как бы «забыли»: создалась ситуация, когда старые нормативные документы *de facto* не были отменены, но на практике не применялись [Shkaruba et al., 2021]. В-третьих, следует отметить слабость правоприменения установочных инструментов пространственного планирования, что привело в итоге к появлению многочисленных «незаконных» строений, самозахвату земли, нарушениям градостроительных регламентов и существенным отклонениям между генпланами и фактическим развитием города [Shkaruba, Kireyev, Likhacheva, 2017]. До-

полнительным и очень важным фактором сложившегося положения вещей является коррупция, пронизывающая весь общественный уклад российского общества. Упомянутые правовые факторы позволяют выживать традиционным дачам в сценариях стагнации пригорода и дачного ренессанса. При реализации сценариев пригородов для богатых и пригородного бума решающую роль сыграют иные правовые механизмы – «дачная амнистия», формирование полноценного рынка загородного жилья, введение сельской ипотеки, – которые нивелируют действие других правовых факторов и приведут к потере жизнеспособности и быстрому исчезновению традиционных дач.

Отдельного упоминания заслуживает институт прописки. Регистрация по месту проживания в советское время означала возможность доступа к социальной инфраструктуре – «закрепление» за поликлиниками, больницами, детскими садами и школами. Возможности сельской социальной инфраструктуры очень низки даже в настоящее время. Этот фактор ограничивает переезд за город как молодых семей с детьми (садики и школы), так и пожилых людей (медицинское обслуживание) вплоть до настоящего времени, консервируя традиционную дачу как второе, неосновное жилье в сценариях стагнации пригорода и дачного ренессанса. Сценарии пригородов для богатых и пригородного бума предполагают развитие социальной инфраструктуры в пригородах и постепенное выравнивание социального обслуживания населения между городскими квартирами и загородным жильем, что будет способствовать отмиранию традиционных дач. Пандемия и последовавший локдаун привели к значительным перестройкам в образе жизни, мобильности и социальной активности населения. Это вызвало стремительное развитие сектора онлайн- и дистанционных услуг, организации рабочей и досуговой деятельности на других принципах, что, в свою очередь, разрушает привязанность к городу как к источнику социальных благ и услуг, в итоге приводя к увеличению доли горожан, стремящихся к загородной жизни. Если ковидные изменения в образе жизни и мобильности сохранятся и будут подкреплены развитием связи, интернета и онлайн-услуг, то субурбанизация увеличит свои темпы и по своему виду приблизится к европейской модели.

Второй группой факторов, «консервирующих» традиционные дачи, являются *экономические*. За развалом СССР после-

довал тяжелый экономический кризис, во время которого дачи стали источником сельскохозяйственной продукции для горожан, предоставляли возможности для отдыха в выходные дни и летнего отпуска. Эти экономические факторы продолжают играть существенную роль для малообеспеченных граждан, пенсионеров и трудовых мигрантов, обеспечивая выживаемость традиционных дач в сценариях стагнации пригорода и дачного ренессанса. В сценарии стагнации пригорода экономическим фактором, определяющим исчезновение традиционных дач, выступает низкая рыночная цена такой недвижимости. Дачи в этом сценарии – как «чемодан без ручки», так как продать по цене, соответствующей затраченным усилиям и ресурсам, невозможно вследствие изменившихся требований покупателей к комфорту и условиям дачного проживания. В советское время размеры дачных строений жестко регламентировались, долгое время запрещалось устраивать отопление дач, сами дачи не считались жилыми помещениями [Shkaruba et al., 2021]. В настоящее время все эти ограничения отменены, но построенные в советское время дачи перестроить не то чтобы в соответствии с современными стандартами комфортности, но хотя бы для того, чтобы сделать их пригодными для проживания, – очень затратная в финансовом отношении задача, экономическая целесообразность которой совсем не очевидна. Поэтому дачи постепенно забрасываются хозяевами, а сделки по продаже-покупке дач не играют существенной роли на рынке. В таком пассивном багаже наследственной недвижимости часть дач и продолжит свое существование в краткосрочной перспективе. В сценариях пригородов для богатых и пригородного бума экономические факторы ускоряют процессы исчезновения традиционных дач: спрос на участки для загородного строительства поддерживается правовыми и экономическими инструментами сельской ипотеки, делая привлекательным строительство загородного жилья для банков и девелоперов и удовлетворяя потребности в проживании за городом обеспеченного и среднего классов горожан.

В консервации феномена дач и направленности советской субурбанизации важную роль сыграли *социокультурные факторы*. Степень социалистической трансформации общественной жизни была достаточно глубокой и сопровождалась в том числе появлением целого ряда культурных клише. Одним из таких культурных

клише является жизнь в городе. Для многих жителей СССР жить в городе было мечтой, исполнение которой свидетельствовало о жизненном успехе. Уехать учиться в город, а затем остаться работать на предприятии – мечта сельской молодежи в те годы. Процесс миграции село – город продолжается вплоть до настоящего времени и по-прежнему его причины связаны с высокой контрастностью в заработках между селом и городом, социальными и культурными возможностями самореализации. Для поколения, поставившего себе целью сбежать от сельской жизни в город, возвращение к родным пенатам выглядит как демарш, как признание своего поражения. Многие горожане в первом-втором поколениях говорят в интервью о том, как ненавидят сельскую жизнь, предпочитают городские квартиры загородным домам. Развитие сценариев элитных поселков и классической субурбанизации предполагает в том числе эродирование культурного клише городской жизни как мечты, постепенное изменение жизненных предпочтений, что будет способствовать исчезновению традиционных дач и формированию пригородных коттеджных поселков. Консервация традиционных дач в сценариях стагнации пригорода и дачного ренессанса, помимо действия правовых и экономических факторов, усиливается социально-культурными причинами, в частности приверженностью к традиционным дачным практикам и времяпровождению. Поколение, получившее в советское время от государства дачи, еще живо, многие владеют дачами несколько десятилетий, для них дачное времяпровождение стало частью и образом жизни, от которого большинство из них не готовы отказываться. Поколение «наследников» первоначальных владельцев советских дач пусть и не считает их средством выживания, но использует для отдыха в выходные дни и в течение отпуска, рассматривают их как возможность убежать от городского шума, пыли и жары, не испытывая потребности их преобразования в классические загородные резиденции.

Выводы

Сценарный анализ, предпринятый в исследовании, показал, что феномен традиционной дачи сохранится как отличительная особенность российской субурбанизации в краткосрочной и среднесрочной перспективе с тенденцией постепенного отмирания. Вплоть до настоящего времени тра-

диционные дачи играли заметную роль в пригородном ландшафте и образе жизни горожан. Постепенно традиционные дачи будут преобразовываться и видоизменяться вплоть до полного своего исчезновения. Скорость и масштабы этих процессов определяются различными факторами. Жизнеспособность дач обусловлена несколькими факторами: 1) существование поколения, получившего дачи в советское время и поддерживающего установившиеся несколько десятилетий назад дачные практики; 2) наличие категорий горожан, для которых дачи являются источником продуктов питания либо доступным и дешевым жильем либо дешевой возможностью летнего отдыха; 3) сохранение культурного клише городского образа жизни и его противопоставление сельскому как бедного, некомфортного и тяжелого; 4) недостаточное развитие правовых и экономических инструментов поддержки загородного строительства и относительная его непривлекательность для банков и девелоперов; 5) неразвитость социальной инфраструктуры в сельской (даже пригородной) местности и низкий уровень предоставляемых услуг; 6) невозможность бюджетного преобразования дач в комфортное постоянное загородное жилье в сочетании с неадекватным соотношением цена–качество дачных участков на рынке недвижимости.

Миграция городского населения в пригороды будет продолжаться, но ее темпы зависят не только от эффективности экономических и правовых инструментов поддержки загородного строительства, но и от глубины изменения образа жизни, мобильности и социальных практик в сочетании с уровнем развития социальной инфраструктуры на селе и выравниванием как возможностей доступа к социальным благам, так и уровней предоставляемых услуг. Приближение российской субурбанизации к европейской модели будет происходить относительно невысокими темпами, и особенности советской урбанизации будут наблюдаться еще продолжительное время. Сценарный анализ продемонстрировал, что ряд уникальных процессов и элементов советской урбанизации сохранится в качестве реликтов при любой направленности и интенсивности субурбанизации.

Применение метода сценариев для анализа процессов субурбанизации имеет ряд ограничений: 1) сценарии не являются всеобъемлющим образом будущего; 2) наблюдается субъективность в выборе и со-

четании ключевых факторов; 3) большое количество допущений о тенденциях и темпах развития ситуации. В то же время использование метода сценариев для анализа процессов субурбанизации оказалось эффективным инструментом, позволяющим в условиях высокой неопределенности охарактеризовать возможные варианты будущего, а также движущие силы и факторы, определяющие развитие ситуации. Следующим этапом исследования должна стать разработка количественных сценариев, более детально описывающих процессы субурбанизации.

Источники

- Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. (2016) Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. № 1. С. 103–128.
- Бреславский А. С. (2016) Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. № 1. С. 79–102.
- Бреславский А. С. (2018) Пригороды крупных городов в региональной социальной политике // Ойкумена. № 4. С. 26–33. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/26-33.
- Бреславский А. С. (2020) Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России? // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 16–34. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>.
- Воскресенская О. (2021) В каких регионах вырос спрос на дачные дома и участки. Режим доступа: <https://ig.ru/2021/09/16/v-kakih-regionah-vyros-spros-na-dachnye-doma-i-uchastki.html>.
- Григоричев К. В. (2013) В тени большого города: социальное пространство пригорода: Монография. Иркутск: «Оттиск».
- Григоричев К. В. (2016) Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. Т. 1. № 2. С. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp1220167-23>.
- Григоричев К. В. (2020) Постсоциалистическая пригородная революция: российский колорит // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5420207-15>.
- Касаткина А. К. (2014) Загородный дом (дача) – автономное пространство современного субъекта // Вестник Пермского университета. Т. 1 (24). С. 186–193.
- Малинова-Тзиафета О. (2013) Из города на дачу. Социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Мамедова С. (2021) Участники рынка предупредили о росте цен на частные дома и дачи // URA.RU. Режим доступа: <https://ura.news/news/1052486673>.
- Махрова А. Г., Медведева А. А., Нефедова Т. Г. (2016) Садово-дачные поселки горожан в системе сельского Расселения // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 64–74.
- Меерович М. К. (2015) Уникальность урбанизации в СССР // Вестник ТГАСУ. № 2. С. 9–14.
- Нефедова Т. Г. (2012) Горожане и дачи // Отечественные записки. № 3 (48). Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi>.
- Нефедова Т. Г., Савчук И. Г. (2014) Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 39–49.
- Первушина Е. В. (2008) Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVII – начала XX в.: владельцы, обитатели, гости. СПб.
- Пивоваров Ю. Л. (2011) Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. № 6. С. 101–113.
- Полякова М. А., Савинова Е. Н. (2011) Русская провинциальная усадьба. XVII – начало XX века. М.: Ломоносовъ.
- Потапчук Е. В. (2016) Российская дача: о состоянии проблемы в современной науке // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. № 1. С. 132–140.
- Потапчук Е. В. (2020) Изменение значения дачи в пригородно-городском пространстве (по материалам хабаровских СМИ 2010–2020 гг.) // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 73–86. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202073-86>.
- Родоман Б. Б. (2002) Великое приземление // Отечественные записки. № 6 (7). Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2002/6/velikoe-prizemlenie>.
- Сенявский А. С. (2003) Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / Под ред. Сенявского А. С. М.: Наука.
- Сидоркина В. М. (2015) Феномен российской дачи // Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: реалии и новые вызовы: V Сухаревские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 15–16 октября 2015 года / Научный центр социально-экономического мониторинга. Саранск.
- Скриган А. Ю. (2016) Могилев: особенности формирования морфологической и функциональной структур в социалистический период // Вестник Брэсцакага ўніверсітэта. Серыя 5. Хімія, Біялогія, Навукі аб Зямлі. № 1. С. 137–144.
- Чеховских И. А. (2000) Городские семейные стратегии в неформальной экономике: труд на даче: автореферат диссертации кандидата экономических наук: 22.00.03. СПб.
- Enyedi G. (1996) Cities After Socialism: Urban and Regional Change and Conflict in Post-Socialist Societies / Andrusz G., Harloe M., Szelenyi I. (Eds.). Oxford: Blackwell Urbanization under socialism.
- Hirt S. (2013) Whatever Happened to the (Post) Socialist City? // Cities. Vol. 32. P. 529–538.
- Kolosov V. A., Nefedova T. G. (2014) Rural Areas and Urbanisation: Russia and the World // Cities. Vol. 4 (2). P. 68–75. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970514020099>.

- Kosow H., Gařner R. (2008) *Methods of Future and Scenario Analysis. Overview, Assessment and Selection Criteria*. Bonn.
- Kovács Z., Tosics, I. (2014) *Urban Sprawl on the Danube: The Impacts of Suburbanization in Budapest//Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe/In Stanilov K., Sýkora L. (Eds.). Oxford: Wiley-Blackwell.*
- Kovács Z., Farkas Z.J., Egedy T., Kondor A.C., Szabó B., Lennert J., Baka D., Kohán B. (2019) *Urban Sprawl and Land Conversion in Post-Socialist Cities: The Case of Metropolitan Budapest//Cities*. Vol. 92. P. 71–81. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.03.018>.
- Lovell S. (2003) *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Cornell University Press.
- Metzger M.J., Rounsevell M.D. A., van den Heiligenberg H.A. R.M., Perez-Soba M., Soto Hardiman P. (2010) *How Personal Judgment Influences Scenario Development: An Example for Future Rural Development in Europe*. *Ecology and Society*. Vol. 15. No. 2. Art. 5. <http://www.ecologyandsociety.org/vol15/iss2/art5/>.
- Schmidt S., Fina S., Siedentop S. (2015) *Post-Socialist Sprawl: A Cross-Country Comparison//European Planning Studies*. Vol. 23 (7). P. 1357–1380.
- Slaev A.D., Nedović-Budić Z., Krunic N., Petrić J., Daskalova D. (2018) *Suburbanization and sprawl in Post-Socialist Belgrade and Sofia//European Planning Studies*. Vol. 26 (7). P. 1389–1412.
- Shkaruba A., Skryhan H., Likhacheva O., Kireyeu V., Katona A., Shyrokostup S., Sepp K. (2021) *Environmental Drivers and Sustainable Transition of Dachas in Eastern Europe: An Analytical Overview//Land Use Policy*. 100 (2021) 104887. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.104887>.
- Shkaruba A., Kireyeu V., Likhacheva O. (2017) *Rural-Urban Peripheries Under Socioeconomic Transitions: Changing Planning Contexts, Lasting Legacies, and Growing Pressure//Landscape Urban Planning*. Vol. 165. P. 244–255. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2016.05.006>.
- Stanilov K., Sýkora L. (2012) *Planning Markets, and Patterns of Residential Growth in Metropolitan Prague//Journal of Architectural and Planning Research*. Vol. 29 (4). P. 278–291.
- Stanilov K., Sýkora L. (Eds.). (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Tammaru T., Leetmaa K., Silm S., Ahas R. (2009) *Temporal and Spatial Dynamics of the New Residential Areas Around Tallinn//European Planning Studies*. Vol. 17 (3). P. 423–439.

SUBURBANIZATION IN COVID-19 EPOCH: WILL TRADITIONAL DACHAS SURVIVE IN RUSSIA?

Hanna Yu. Skryhan, Candidate of geographical sciences, Senior Researcher at the International Research Laboratory for Climate Change, Land Use and Biodiversity, Institute of ecological and agricultural biology (X-BIO), Tyumen State University (UTMN); 25 Lenina str., Tyumen, 62500, Russian Federation.

E-mail: skrane4ka@gmail.com

Anton D. Shkaruba, Candidate of geographical sciences, Senior Researcher at the Department of Environmental Protection and Landscape Management, Institute of Agricultural and Environmental Sciences, Estonian University of Life Sciences (EMÜ); 1 Kreutzwaldi, Tartu, 51006, Estonia.

E-mail: anton.shkaruba@emu.ee

Abstract. Based on scenario analysis, the paper analyzes suburbanization trends during the COVID-19 pandemic in Russia. The features of suburbanization in the Soviet period are described, main elements of traditional dachas and dacha lifestyle are characterized with regard their sustainability and resilience, and ability to preserve their main features and elements. The paper examines changes in the lifestyle and social practices of citizens, their attitudes towards dachas, and their suburban lifestyle during the pandemic. Based on the analysis of the driving forces of suburbanization and considering the impact of Covid-19, two scenario axes were identified – pandemic restrictions and economic tools to support suburban construction, which served as the basis for the development of four scenarios – “suburban stagnation”, “dacha renaissance”, “suburbs for riches” and “suburbia boom”. The scenario analysis undertaken in the study showed that the phenomenon of the traditional dacha will survive as a distinctive feature of Russian suburbanization in the short and medium-term, with a gradual dying out of the trend. The sustainability factors of traditional dachas are grouped into three clusters: legal, economic, and socio-cultural. The resilience of dachas is supported by the following factors: 1) the existence of a generation that received dachas during the Soviet era and maintains dacha practices established several decades ago; 2) the presence of categories of citizens for whom dachas are a source of food or affordable and cheap housing or a cheap opportunity for summer vacations; 3) the preservation of the cultural cliché of the urban way of life and its opposition to the rural one as poor, uncomfortable and difficult; 4) insufficient development of legal and economic instruments to support suburban construction and its relative unattractiveness for banks and developers; 5) the underdevelopment of social infrastructure in rural (even suburban) areas and the low level of services provided; 6) the impossibility of low-cost transformation of summer cottages into comfortable permanent housing, combined with an inadequate

price-quality ratio of summer cottages on the real estate market.
Key words: suburbanization; traditional *dachas*; factors of dacha sustainability and resilience; scenario analysis; Covid-19 pandemic

Citation: Skryhan H.Yu., Shkaruba A.D. (2023) Suburbanization in COVID-19 Epoch: Will Traditional *Dachas* Survive in Russia? *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 2, pp. 41-56. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp82202341-56> (in Russian)

References

- Averkheva K.V., Nefedova T.G. (2016) Dachnaya «kolonizatsiya» rossijskoj glubinki. Primer Kostromskoj oblasti [Dacha "Colonization" of the Russian Hinterland. An Example of the Kostroma Region]. *Mir Rossii* [World of Russia], vol. 1, pp. 103-128. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2016) Kakoiz mozhet byt' rossijskaya suburbanizatsiya? [What Could be the Russian Suburbanization?]. *Mir Rossii* [World of Russia], vol. 1, pp. 79-102. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2018) Prigorody krupnyh gorodov v regional'noj social'noj politike [Suburbs of Large Cities in Regional Social policy]. *Otkumena* [Ecumene], vol. 4, pp. 26-33. DOI: [10.24866/1998-6785/2018-4/26-33](https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-4/26-33). (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2020) Who and How Studies the Suburbs of Large Cities in Modern Russia? *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 16-34. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>. (in Russian)
- Chekhovskikh I.A. (2000) Urban Family Strategies in the Informal Economy: Work in the Country: Abstract of the Thesis. Candidate of Economic Sciences: 22.00.03. St. Petersburg. (in Russian)
- Enyedi G. (1996) Cities After Socialism: Urban and Regional Change and Conflict in Post-Socialist Societies/In Andrusz G., Harloe M., Szelenyi I. (Eds.). Oxford: Blackwell Urbanization under socialism.
- Grigorichev K.V. (2013) V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda: Monografiya [In the Shadow of the Large City: The Social Space of the Suburbs: Monograph]. Irkutsk: «Ottisk» [Irkutsk: "Imprint"]. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2016) Suburban Diversity: Suburbanization in the Siberian Region (The Case of Irkutsk), *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 2, pp. 7-23. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp1220167-23>. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2020) Post-Socialist Suburban Revolution: Russian Flavor. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 7-15. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp5420207-15>. (in Russian)
- Hirt S. (2013) Whatever Happened to the (Post)Socialist City? *Cities*, vol. 32, pp. 529-538.
- Kasatkina A.K. (2014) Zagorodnyj dom (dacha) – avtonomnoe prostranstvo modernogo sub"ekta [Country House (Cottage) – an Autonomous Space of a Modern Subject]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], vol. 1 (24), pp. 186-193. (in Russian)
- Kolosov V.A., Nefedova T.G. (2014) Rural Areas and Urbanisation: Russia and the World. *Cities*, vol. 4 (2), pp. 68-75. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970514020099>.
- Kosow H., Gaßner R. (2008) Methods of Future and Scenario Analysis. Overview, Assessment and Selection Criteria. Bonn.
- Kovács Z., Tosics, I. (2014) Urban Sprawl on the Danube: The Impacts of Suburbanization in Budapest. *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe/In Stanilov K., Sýkora L. (Eds.)*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Kovács Z., Farkas Z.J., Egedy T., Kondor A.C., Szabó B., Lennert J., Baka D., Kohán B. (2019) Urban sprawl and land conversion in post-socialist cities: The case of metropolitan Budapest, *Cities*, vol. 92, pp. 71-81. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.03.018>.
- Lovell S. (2003) Summerfolk: A History of the Dacha, 1710-2000. Cornell University Press.
- Makhrova A.G., Medvedeva A.A., Nefedova T.G. (2016) Sadovodachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo Rasseleniya [Garden and Dacha Settlements of Townspeople in the System of Rural Settlement]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], vol. 2, pp. 64-74. (in Russian)
- Malinova-Tziafetta O. (2013) Iz goroda na dachu. Sociokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860-1914) [From the City to the Dacha. Sociocultural Factors in the Development of Dacha Space Around St. Petersburg (1860-1914)]. Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge [St. Petersburg European University Press]. (in Russian)
- Mamedova O. (2021) Uchastniki rynka predupredili o roste tsen na chastnyye doma i dachi [Market Participants Warned About Rising Prices for Private Houses and Summer Cottages]. *URA RU*. Available at: <https://ura.news/news/1052486673>. (in Russian)
- Meerovich M.K. (2015) Unikal'nost' urbanizatsii v SSSR [The Uniqueness of Urbanization in the USSR]. *Vestnik TGASU* [TSASU Bulletin], vol. 2, pp. 9-14. (in Russian).
- Metzger M.J., Rounsevell M.D.A., van den Heiligenberg H.A. R.M., Perez-Soba M., Soto Hardiman P. (2010) How Personal Judgment Influences Scenario Development: An Example for Future Rural Development in Europe. *Ecology and Society*, vol. 15, no 2, art. 5. Available at: <https://www.ecologyandsociety.org/vol15/iss2/art5/>.
- Nefedova T.G. (2012) Gorozhane i dachi [Citizens and dachas]. *Otechestvennye zapiski* [Fatherland Notes], vol. 3 (48). Available at: <https://strana-oz.ru/2012/3/gorozhane-i-dachi>. (in Russian)
- Nefedova T.G., Savchuk I.G. (2014) Vtoroe zagorodnoe zhil'e gorozhan v Rossii i Ukraine: evolyuciya dach i trendy ih sovremennyh izmenenij [Second Suburban Housing of Citizens in Russia and Ukraine: The Evolution of Dachas and Trends in Their Modern Changes]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Academy of Sciences. Geographical Series], vol. 4, pp. 39-49. (in Russian)
- Pervushina E.V. (2008) Usad'by i dachi peterburgskoj intelligencii XVII–nachala XX v.: vladel'cy, obitateli, gosti [Estates and Dachas of the St. Petersburg Intelligentsia in the 17th–Early 20th Centuries: Owners, Residents, Guests]. St. Petersburg. (in Russian)
- Pivovarov Yu.L. (2011) Urbanizatsiya Rossii v XX veke: predstavleniya i real'nost' [Urbanization of Russia in the 20th Century: Ideas and Reality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], vol. 6, pp. 101-113. (in Russian)
- Polyakova M.A., Savinova E.N. (2011) Russkaya provincial'naya usad'ba. XVII–nachalo XX veka [Russian Provincial Estate. XVII–Beginning

- of XX Century]. M.: Lomonosov. (in Russian)
- Potapchuk E.V. (2016) Rossijskaya dacha: o sostoyanii problemy v sovremennoj nauke [Russian Dachas: On the State of the Problem in Modern Science]. *Osnovnye tendencii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Main Trends in the State and Social Development of Russia: History and Modernity], vol. 1, pp. 132-140. (in Russian)
- Potapchuk E.V. (2020) Changing the Meaning of Dachas in the Suburban-Urban Space (Based on Materials from the Khabarovsk Media 2010-2020). *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 73-86. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202073-86>. (in Russian)
- Rodoman B.B. (2002) Velikoye prizemleniye [Great touchdown]. *Otechestvennyye zapiski* [Fatherland notes], vol. 6 (7). Available at: <https://strana-oz.ru/2002/6/velikoe-prizemlenie>. (in Russian)
- Schmidt S., Fina S., Siedentop S. (2015) Post-Socialist Sprawl: A Cross-Country Comparison. *European Planning Studies*, vol. 23 (7), pp. 1357-1380.
- Senyavskii A.S. (2003) Urbanizatsiya Rossii v XX veke: rol' v istoricheskom protseze [Urbanization of Russia in the 20th Century: Role in the Historical Process]. M.: Nauka. (in Russian)
- Sidorkina V.M. (2015) Fenomen rossijskoj dachi [Russian Dachas Phenomenon. Regional Differentiation and Consolidation of Russia's Social Space]. *Regional'naya differenciatsiya i konsolidatsiya social'nogo prost-*
- ranstva Rossii: realii i novye vyzovy: V Suharevskie chteniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Saransk, 15-16 oktyabrya 2015 goda/Nauchnyj centr social'no-ekonomicheskogo monitoringa* [Regional differentiation and consolidation of Russia's social space: realities and new challenges: V Sukharev Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saransk, October 15-16, 2015/Scientific Center for Socio-Economic Monitoring]. Saransk, pp. 555-559. (in Russian)
- Slaev A.D., Nedović-Budić Z., Krunic N., Petrić J., Daskalova D. (2018) Suburbanization and sprawl in Post-Socialist Belgrade and Sofia. *European Planning Studies*, vol. 26 (7), pp. 1389-1412.
- Shkaruba A., Skryhan H., Likhacheva O., Kireyev V., Katona A., Shyrokostup S., Sepp K (2021) Environmental Drivers and Sustainable Transition of Dachas in Eastern Europe: An Analytical Overview. *Land use policy*, vol. 100, 104887. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.104887>.
- Shkaruba A., Kireyev V., Likhacheva O. (2017) Rural-Urban Peripheries Under Socioeconomic Transitions: Changing Planning Contexts, Lasting Legacies, and Growing Pressure. *Landscape Urban Planning*, vol. 165, pp. 244-255. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2016.05.006>.
- Skryhan A.Yu. (2016) Mogilev: osobennosti formirovaniya morfologicheskoi i funktsional'noi struktury v sotsialisticheskii period [Mogilev: Features of the Formation of Morphological and Functional Structures in the Socialist Period]. *Vesnik Brestskago universiteta, ser. 5* [Bulletin of Brest University, No 5], vol. 1, pp. 137-144. (in Russian)
- Stanilov K., Sýkora L. (2012) Planning Markets, and Patterns of Residential Growth in Metropolitan Prague. *Journal of Architectural and Planning Research*, vol. 29 (4), pp. 278-291.
- Stanilov K., Sýkora L. (Eds.). (2014). *Confronting suburbanization: Urban decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Tammaru T., Leetmaa K., Silm S., Ahas R. (2009) Temporal and Spatial Dynamics of the New Residential Areas Around Tallinn. *European Planning Studies*, vol. 17 (3), pp. 423-439.
- Voskresenskaya O. (2021) V kakih regionah vyros spros na dachnyye doma i uchastki [In Which Regions Has Increased the Demand for Country Houses and Plots]. Available at: <https://rg.ru/2021/09/16/v-kakih-regionah-vyros-spros-na-dachnye-doma-i-uchastki.html>. (in Russian)

Разнообразие в условиях депопуляции: территориальное и стратегическое планирование в сжимающихся городах Республики Коми

Екатерина Леттиева
Олег Штинов

Введение

После распада СССР в России произошла реструктуризация национальной экономики, от которой во многом пострадали малые и средние промышленные города [Моляренко, 2021]. Резкое падение экономической значимости, ослабление ограничений внутренней миграции привели к тому, что в этих городах сохраняются негативные демографические тенденции. В первую очередь это долгосрочная депопуляция, которая относится к важнейшей черте сжимающихся городов [Гулько и др., 2020]. Одним из антилидеров потери населения стала Республика Коми, на территории которой находились центры советской промышленности. С начала 1990-х годов этот регион начал терять население, и его сжатие продолжится в будущем [Росстат, 2020].

Планирование в условиях убыли населения — одно из направлений изучения городского сжатия [Averkieva, Efremova, 2022]. Отмечаются отсутствие системного реагирования на сжатие [Bernt et al., 2014], непред-

Леттиева Екатерина Владимировна, студентка бакалаврской программы «Городское планирование», Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13/4. E-mail: evlettieva@edu.hse.ru
Штинов Олег Денисович, Независимый исследователь; Республика Казахстан, Z10T3K7, г. Астана, ул. Мухтара Ауэзова, д. 13 E-mail: olegshstinov08@gmail.com

После распада СССР города Республики Коми столкнулись с депопуляцией, особенно на севере региона, где экономика тесно связана с добывающей промышленностью. В этой статье мы исследуем стратегии развития, которые принимают органы местного самоуправления сжимающихся городов Республики Коми, чтобы ответить на проблему сжатия. Мы провели количественный анализ среднегодового темпа прироста численности населения всех городов региона и обнаружили 9 постоянно сжимающихся городов (1989–2021) и 1 эпизодически сжимающийся город (2010–2021). Эмпирически часть работы основана на анализе 16 официальных документов (8 стратегий социально-экономического развития и 8 генеральных планов). Результаты показали определенную гетерогенность в вопросах планирования в условиях потери населения. Несмотря на централизацию и низкую самостоятельность местного самоуправления в России, города Республики Коми прибегают к разным моделям адаптации. Также мы отмечаем распространенную конфликтность документов стратегического планирования и пространственного планирования в части прогнозов численности населения и развития жилищного сектора. Наш анализ показал, что органы местного самоуправления чаще признают депопуляцию в стратегиях социально-экономического развития, нежели в генеральных планах. Таким образом, можно говорить не об игнорировании сжатия в целом, а об отрицании этого явления преимущественно в рамках территориального планирования.

Ключевые слова: городское сжатие; Республика Коми; территориальное планирование; стратегическое планирование

Цитирование: Леттиева Е. В., Штинов О. Д. (2023) Разнообразие в условиях депопуляции: территори-

ставленность вопроса убыли населения на национальном уровне [Batunova, Gunko, 2018], что придает политикам в отношении сжимающихся городов локальный, точечный характер [Гулько и др., 2020]. Внедрение самостоятельных стратегий на местном уровне часто является индикатором, что в городе возникла потребность в решении проблем из-за сокращения населения. Однако в России местные акторы могут быть ограничены в возможностях планирования ввиду централизованного дизайна системы публичного управления [Gilev, Dimke, 2021; Zulkarnay, 2018].

В настоящей статье мы изучаем планирование в сжимающихся городах Республики Коми и пытаемся ответить на следующий исследовательский вопрос: «Какие подходы к развитию применяют органы местного самоуправления сжимающихся городов Республики Коми?» Мы предполагаем, что, несмотря на низкую самостоятельность местного самоуправления, для сжимающихся городов даже внутри одного региона характерно разнообразие в адаптации к убыли населения. Наша работа выполнена в традиции *multiple case study* и основана на изучении документов стратегического и территориального планирования. Опора на два вида документов связана с особенностями системы планирования в России, которая состоит из «территориальной» и «стратегической» части. Генеральные планы и стратегии социально-экономического развития могут выступать как согласованные и связанные друг с другом направления местной политики, так и противоречащие друг другу правовые акты.

Городское сжатие

Сжимающиеся города встречаются во многих регионах мира – Европе [Bernt et al., 2014; Haase et al., 2016; Wolff, Wiechmann, 2018], Северной Америке [Hartt, 2018; Hartt, Hackworth, 2020; Schilling, Logan, 2008], Азии [Wang et al., 2022]. В последние годы появились работы, изучающие городское сжатие в России на примерах, которыми обычно становятся средние и малые города и населенные пункты Арктики [Гулько и др., 2020; Batunova, Gunko, 2018].

Городское сжатие можно понимать как траекторию развития города, противоположную росту. Подобно экономической динамике, городское развитие в конце XX века изучалось в рамках теории жизненного цикла городов, где одними из его этапов выделялись «рост» и «спад». В работе [Berg et al., 1982] приводятся четыре основные стадии эволюции урбанизированных территорий: урбанизация, субурбанизация, дезурбанизация и реурбанизация. Однако существует альтернативная точка зрения, где городское сжатие – это пространственное проявление глобализации [Martinez-Fernandez et al., 2012], поскольку происходит реструктуризация мирового хозяйства в целом: усиливаются международные экономические связи, возникают глобальные города, в которые перетекают экономические ресурсы и человеческий капитал из менее конкурентоспособных городов. В исследовании [Bernt, 2016] отмечается, что важно рассматривать сжатие на более высоком уровне: например, отток населения из Лодзи справедливо изучать в связи с привлечением все большего числа поляков в экономику Лондона.

В попытках представить универсальное определение сжимающегося города были предложены две константы: демографические изменения и экономический спад, которые объясняют убыль населения [Haase et al., 2014; Wiechmann, Pallagst, 2012]. Однако некоторые исследования обнаруживают разрыв между этими тенденциями. Например, часть городов США одновременно испытывали депопуляцию при росте доходов на душу населения [Hartt, 2018]. Также подчеркивается, что динамика численности населения в абсолютных значениях не может однозначно фиксировать сжимающиеся города, поскольку она не учитывает, например, расширение административных границ, изменения в размерах домохозяйств [Hartt, Hackworth, 2020].

Тем не менее сокращение населения – основная характеристика сжимающегося города [Гулько и др., 2020]. Для его выявления предлагаются разные пороговые значения: –1% в год [Averkjeva, Efremova, 2022], –25% за 40 лет [Schilling, Logan, 2008], –3% за 15 лет [Delken, 2008]. В исследовании [Wolff, Wiechmann, 2018] используют показатель –0,15% в год и ранжируют города по продолжительности сжатия: постоянно сжимающиеся города, эпизодически сжимающиеся города и временно сжимающиеся города. Итак, сжимающийся город необязательно следует постоянной потере населения, он может пульсировать, периодически испытывая численный прирост.

Существующие исследования освещают разнообразные предпосылки к сжатию. Например, рассматриваются старые промышленные города, которые испытали спад после перехода к постиндустриальной экономике [Hollander et al., 2009], отраслевые города Восточной Европы, которые подверглись значительным социально-экономическим изменениям после падения коммунистических режимов [Naase et al., 2016]. Действительно, деиндустриализация зачастую выделяется как наиболее распространенная причина городского сжатия [Döringer et al., 2020].

Отдельный аспект исследований посвящен последствиям и проблемам городского сжатия. Основными характеристиками, описывающими состояние сжимающихся городов, являются образование пустующего жилищного фонда, рост безработицы и экономический спад [Döringer et al., 2020], причем эти последствия выражены в разной степени в зависимости от региона. Так, рост вакантного жилья и проблемы, связанные с его содержанием, в большей степени характерны для Восточной и Центральной Европы, экономический упадок – для Западной Европы. Отмечается, что именно в западноевропейском контексте экономике уделяется наибольшее внимание, что объясняет преимущественно экономические меры реагирования на сжатие городов [ibid.].

В литературе преобладает мнение, что городам следует признать факт сжатия, уйти от планирования роста к «умному», рациональному планированию [Bernt et al., 2014; Hollander et al., 2009; Schilling, Logan, 2008] – иными словами, адаптироваться к сжатию. Одним из примеров является проект Янгстауна: план представлял собой urban convergence – уменьшение размера города за счет изменения политики землепользования [Wiechmann, Pallagst, 2012, p. 275].

Тем не менее во многих местах стратегия адаптации не избирается. За выбором пути развития сжимающихся городов стоят решения и действия политиков, «находящихся в различных контекстах и культурах планирования» [Liu, 2022, p. 21]. Например, в Бытоме (Польша) власти осознанно не принимают решения в отношении сжатия, спад игнорируется, так как он может оттолкнуть инвесторов [Bernt et al., 2014]. В некоторых городах присутствует намерение обратить убыль населения вспять с помощью экономических и политических инструментов [Heim LaFrombois et al., 2019]. Так, сжимающийся Лейпциг был значительно субсидирован на федеральном уровне, по новым программам развития удалось привлечь инвестиции и население [Rink et al., 2012]. Подчеркивается, что город выбрал нестабильный путь развития, поскольку он «не в состоянии обеспечить экономический рост сам по себе» [Rink et al., 2012, p. 176]. Ориентация на рост остается распространенной чертой планирования даже в сжимающихся городах [Wiechmann, Pallagst, 2012].

Одной из перспектив планирования сжимающегося города выступает долгосрочная стратегия развития, которая ложится в основу местной политики [Liu, 2022]. В России формирование такой политики значительно ограничивается, во-первых, сокращенными финансовыми и административными ресурсами муниципальных образований, а во-вторых, низкой связанностью основных документов планирования [Batunova, Gunko, 2018]. Это, безусловно, мешает сжимающимся российским городам реагировать на вызовы.

Данные и методы

Мы определяли сжимающиеся города с помощью расчета совокупного среднегодового темпа прироста населения (далее – CAGR) по следующей формуле:

$$CAGR = \left[\left(\frac{EV}{BV} \right)^{\frac{1}{N}} - 1 \right] \times 100\%$$

где CAGR – совокупный среднегодовой темп прироста населения, EV – конечное значение, BV – начальное значение, N – количество лет.

Все города мы разделили на три группы в зависимости от CAGR в межпереписной период (1989–2002, 2002–2010, 2010–2021):

1. Растущие города: $0,15\% \leq CAGR$;
2. Стагнирующие города: $-0,15\% < CAGR < 0,15\%$;
3. Сжимающиеся города: $CAGR \leq -0,15\%$.

Так, для целей нашего исследования сжимающийся город – это город со среднегодовой убылью населения не более 0,15% в межпереписной период. В настоящей работе мы концептуализировали город как населенный пункт с официальным статусом города. В Республике Коми находятся 10 городов, все они относятся к сжимающимся (табл. 1). Однако Сыктывкар сжимался непостоянно – депопуляция происходила в периоды 1989–2002 и 2010–2021 годов, остальные населенные пункты испытывали убыль населения на протяжении всех трех межпереписных периодов. Из-за эпизодического сжатия в столице Республики Коми, мы исключили Сыктывкар из дальнейшего эмпирического исследования, чтобы сосредоточиться на однородной выборке из непрерывно сжимающихся городов.

Эмпирическая часть работы строится на анализе действующих стратегий социально-экономического развития (далее – ССЭР), а также генеральных планов (далее – ГП) муниципальных образований, размещенных на официальных сайтах местных администраций и на сайте Федеральной государственной информационной системы территориального планирования (далее – ФГИС ТП)¹. При сборе данных нам не удалось найти в открытом доступе актуальный ГП города Микунь. В связи с этим мы исключили его из исследования, поскольку невозможно провести полноценный анализ развития этого города. Таким образом, мы обработали 16 документов (8 ССЭР и 8 ГП), где выделяли прогнозы численности населения, отношение органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) к убыли населения, меры в сфере жилищной политики, а также отмечаемые перспективы экономического роста.

Результаты

Воркута

Убыль населения Воркуты обусловлена значительным миграционным оттоком, что создает острую проблему для города в виде роста пустующего жилищного фонда с 3,3 тыс. до 5,0 тыс. единиц. Согласно

ССЭР, убыль населения сохранится до 2035 года [Совет МО ГО «Воркута», 2020]. В связи с этим в городе реализуется программа «Комплексное градостроительное преобразование Воркуты» [Там же]. ОМСУ нацелены на создание компактного города, переселение жителей из малонаселенных поселков с последующим отключением пустующих домов от инженерных коммуникаций с целью сократить неэффективные муниципальные расходы. Согласно ГП Воркуты², до 2029 года планируется переселение жителей в Воркуту и крупнейшие пгт (Воргашор и Северный) с последующим закрытием Цементнозаводского микрорайона и пгт Комсомольский [Администрация МО ГО «Воркута», н. д.].

В отличие от других рассматриваемых городов, экономика (а не человеческий капитал) является приоритетным направлением реализации ССЭР Воркуты. Градостроительная угольная отрасль по плану будет существовать до 2037 года, при этом с 2029 года «планируется постепенное снижение ежегодной добычи угля» [Совет МО ГО «Воркута», 2020]. Отмечается автономность и оторванность от рынков сбыта местной экономики как препятствие к альтернативному развитию. Так, создание инфраструктуры в рамках Федеральной политики по развитию Арктической зоны Российской Федерации в Воркуте видится перспективной с высокой степенью позитивного влияния [Там же].

Вуктыл

Вуктыл – самый молодой город региона (основан в 1984 г.), который изначально планировался компактно и за короткий советский период не успел разрастись. Из-за сравнительно малого объема жилищного фонда проблема вакантного жилья, вероятно, не стоит так остро перед администрацией Вуктыла, как в других городах. В Вуктыле также отмечается нестабильность социально-экономического положения, а сокращение численности населения прогнозируется как в ССЭР (–15,3%), так и в ГП (–18,7%) [Администрация МО ГО «Вуктыл», 2021; Совет МО ГО «Вуктыл», 2020]. Согласно ССЭР, в городе не осуществлялось мно-

1. В случае Вуктыла нам не удалось найти утвержденный ГП в открытых источниках. Данные для этого города мы брали из проекта ГП.

2. Несмотря на то, что в системе ФГИС ТП указано, что в Воркуте действует ГП от 2010 г. [Совет МО ГО «Воркута», 2010], на официальном сайте муниципального образования опубликована информация о новой версии ГП от 2019 г. [Администрация МО ГО «Воркута», н. д.]. После телефонного звонка в местную администрацию мы выяснили, что в системе ФГИС ТП размещены неактуальные сведения, в то время как на сайте находится релевантный ГП. Так, в настоящей работе мы использовали данные, размещенные на официальном веб-ресурсе ОМСУ Воркуты.

Таблица 1. Динамика численности населения городов Республики Коми
Источник: составлено авторами на основе данных переписи населения СССР 1989 г. и переписей населения России 2002, 2010, 2021 гг.

Город	Численность населения, тыс. чел. (2021)	Динамика численности населения в межпереписные периоды, %						Изменения за весь период, %
		1989–2002		2002–2010		2010–2021		
		Всего	CAGR	Всего	CAGR	Всего	CAGR	
Сыктывкар	220,58	-0,91	-0,07	2,17	0,27	-6,14	-0,57	-4,97
Ухта	79,89	-6,52	-0,52	-3,63	-0,46	-19,77	-1,98	-27,72
Воркута	56,98	-26,57	-2,35	-16,92	-2,29	-19,23	-1,92	-50,72
Печора	35,25	-24,78	-2,17	-11,49	-1,51	-18,21	-1,81	-45,55
Усинск	32,18	-3,94	-0,31	-9,99	-1,31	-21,17	-2,14	-31,85
Сосногорск	22,19	-2,80	-0,22	-6,19	-0,79	-20,06	-2,01	-27,10
Инта	20,27	-31,56	-2,87	-22,17	-3,08	-36,81	-4,09	-66,34
Емва	10,99	-10,88	-0,88	-12,96	-1,72	-24,54	-2,53	-41,47
Вуктыл	9,32	-25,13	-2,20	-14,62	-1,96	-24,55	-2,53	-51,77
Микунь	8,53	-6,61	-0,52	-8,13	-1,05	-20,53	-2,07	-31,82

гоквартирное жилищное строительство с 2014 года и не предусматривается вовсе [Совет МО ГО «Вуктыл», 2020]. В проекте ГП Вуктыла заложено строительство на территориях, которые освободятся после сноса аварийного жилья [Администрация МО ГО «Вуктыл», 2021]. Это мероприятие подразумевает увеличение жилищного фонда на 1,5 тыс. м² и объясняется намерением увеличить площадь в расчете на одного человека, тем самым количественно улучшая жилищные условия граждан.

Емва

Проблемы развития Емвы связаны с прекращением деятельности градообразующего предприятия, Княжпогостского завода ДВП, в 2013 году [Черных и др., 2021]. Несмотря на восстановление производства усилиями региональных органов власти, в городе сохраняется социально-экономическая нестабильность. В 2017 году на территории Емвы была создана территория опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) в целях диверсификации экономики моногорода, однако о текущем ее положении нет информации. Вероятно, создание ТОСЭР носило имитационный характер, что никак не повлияло на развитие Емвы. В ССЭР

отмечено, что негативная динамика Емвы «в полной мере обусловлена миграционным оттоком населения за пределы муниципального района» [Совет МР «Княжпогостский», 2021]. Действительно, в отличие от других городов Коми, в Емве прогнозируется значительное увеличение миграционного оттока (1,17% в год). Хотя в ССЭР указана подцель снизить расходы на содержание пустующего фонда, информация о состоянии жилищного сектора не указана. ГП предполагает увеличение численности населения до 15 тыс. человек к 2030 году, а также новое жилищное строительство в объеме 175 тыс. м² за расчетный срок, что «потребует увеличения годового объема строительства более чем в 3 раза» [Совет ГП «Емва», 2013].

Инта

Значительное ухудшение социально-экономического положения Инты в администрации города связывают с прекращением градообразующей деятельности – угледобычи – на территории городского округа в 2018 году. В ССЭР Инты убыль населения выделяется как существенная проблема, приводящая к сокращению количества субъектов предпринимательства и способствующая экономической стагнации [Совет МО ГО

«Инта», 2020]. В муниципальном образовании прогнозируют существенное падение численности населения к 2035 году – до 18,4 тыс. человек (–30,5% по отношению к 2020 г.). В ССЭР отмечается, что «потребность в строительстве многоквартирных жилых домов на территории МО ГО «Инта» отсутствует в связи с оттоком населения за пределы города и увеличением доли пустующего жилфонда» [Там же]. В связи с этим в городе происходит переселение горожан из аварийных домов в пустующий муниципальный жилищный фонд, пригодный для повторного заселения. Однако ГП Инты предлагает реализовать «инновационную стратегию», при которой ожидается увеличение численности населения до 35 тыс. человек [Совет МО ГО «Инта», 2013]. К 2021 году планировалось ввести 72 тыс. м² общей площади жилья, однако за 2014–2019 годы, согласно ССЭР, было введено всего 505 м² индивидуальной жилой застройки.

Печора

В ССЭР муниципального района отмечается, что, в отличие от других городов Республики Коми, у Печоры значительно меньше возможностей для экономического роста, что связано с истощением сырьевой базы и отсутствием дополнительных мер господдержки [Совет МР «Печора», 2019]. Несмотря на отмеченную депопуляцию из-за миграционного оттока и прогнозирование существенной убыли к 2035 году (–16,7%), ОМСУ не сопоставляют оценку численности населения с жилищным строительством: планируется «сохранение объемов инвестиций в основной капитал в строительстве на уровне не ниже предыдущего периода» [Совет МР «Печора», 2019]. Однако ожидается, что в 2035 году объем ввода жилья снизится в 2 раза по отношению к 2018 году. Согласно ГП Печоры, устойчивый спад повлечет сокращение населения (–2,4%), при этом предполагается, что реализация закладываемых мероприятий будет способствовать стабилизации и росту численности населения в дальнейшем. Отмечаются низкие годовые объемы строительства, в течение расчетного срока предлагается их увеличение более чем в 3 раза; новый жилищный фонд определен в размере 240 тыс. м² [Совет ГП «Печора», 2011].

Сосногорск

В Сосногорске одной из наиболее острых проблем является резкое снижение налоговых поступлений из-за убыли населения

и падающего спроса на муниципальную собственность. Согласно ССЭР муниципального района, в городе ожидается сокращение численности населения (–13,3% за расчетный срок), из-за чего не ведется строительство многоквартирных жилых домов, но зато осуществляется индивидуальное жилищное строительство [Совет МР «Сосногорск», 2021]. Всего на территории муниципального района в 2019 году было введено 3,34 тыс. м² общей площади жилых домов [Там же]. Согласно ССЭР, показатель ввода индивидуальных жилых площадей будет расти, в сумме за 2020–2035 годы будет введено 27 тыс. м² [Совет МР «Сосногорск», 2021]. ГП Сосногорска предполагает увеличение численности населения на 26,8% по сравнению с 2018 годом и жилищного фонда на 276,9 тыс. м² [Совет ГП «Сосногорск», 2019].

Усинск

В ССЭР Усинска отмечается относительная социально-экономическая стабильность, однако убыль населения создает угрозы в виде сокращения трудового потенциала, снижения налоговых доходов [Совет МО ГО «Усинск», 2020]. К 2035 году прогнозируется небольшое сокращение численности населения (–8,4%), в ССЭР отражено намерение преодолеть негативные тенденции с помощью демографической политики, направленной на «увеличение численности постоянного населения», а также с помощью повышения конкурентоспособности экономики [Там же]. В ГП Усинска до 2027 года была заложена цель «постепенного нарастания ежегодного ввода жилья для достижения через 20 лет благоприятных жилищных условий» [Совет МО ГО «Усинск», 2009], предполагалось задействовать как свободные, так и реконструируемые территории. В ССЭР отмечается, что в Усинске до 2016 года градостроительная деятельность имела «характер уверенного роста», но потом темпы жилищного строительства резко снизились, что администрация связывает с демографической ситуацией и нехваткой бюджетных средств [Совет МО ГО «Усинск», 2020]. Предполагается, что целевой показатель по вводу жилья к 2035 году снизится до 1000 м² в год [Там же].

Ухта

Ухта – крупный промышленный центр Республики Коми, который наравне с Сыктывкарком считается в ССЭР Республики Коми

перспективным центром экономического роста [Правительство Республики Коми, 2019]. Перспективы города связываются с дальнейшим освоением и переработкой минерально-сырьевых ресурсов. В Ухте, согласно ССЭР, к 2035 году ожидается убыль населения (-17,6%), ГП до 2033 года также предполагает сокращение, но незначительное (-0,6%) [Совет МО ГО «Ухта», 2013, 2020]. В городском округе из ряда поселков (Гэрдьель, Тобысь, Нижний Доманик) планируется переселение жителей в связи с закрытием предприятий и ростом безработицы, что вызвано стремлением снизить неэффективность расходов местного бюджета. Всего с 2015 по 2018 год было введено 58,6 тыс. м² общей площади жилых домов, за следующие 15 лет реализации ССЭР планируется ввести только 47,5 тыс. м², что свидетельствует о сокращении объемов строительства [Совет МО ГО «Ухта», 2020]. ГП закладывает застройку свободных территорий и территорий ликвидируемых жилых домов [Совет МО ГО «Ухта», 2013]. Отмечается, что объем ввода жилых домов должен составить не менее 325,2 тыс. м² [Там же].

Сравнение стратегий развития сжимающихся городов Республики Коми

Для сравнения результатов города категоризируются по следующим показателям:

- 1) CAGR-P: совокупный среднегодовой темп прироста населения, %;
- 2) CAGR-H: совокупный среднегодовой темп прироста жилищного фонда, %.

На рис. 1 представлено сопоставление сжимающихся городов Республики Коми. Расположение города на координатной плоскости зависит от значений, рассчитанных по данным его ССЭР и ГП. Из сопоставления по второму показателю были исключены Емва и Печора, у которых по ССЭР отсутствуют соответствующие данные. Согласно рис. 1а, половина городов (Воркута, Вуктыл, Печора, Ухта) находятся в 3-й четверти, что свидетельствует о более рациональном подходе к планированию, когда и ССЭР, и ГП прогнозируют сокращение населения в сжимающемся городе. Наиболее согласованным представляется планирование в Воркуте и Вуктыле, поскольку оба документа этих городов ориентированы на сжатие. Остальные города (Емва, Инта, Сосногорск, Усинск) сталкиваются с существенными расхождениями прогнозов. Рис. 1б демонстрирует

положительные прогнозы ввода жилья в большинстве городов, при этом внимание на себя обращают равно низкие показатели, предлагаемые ССЭР.

Черта, характерная для большинства городов Республики Коми, – противоположная направленность документов планирования. По ССЭР можно сказать о принятии факта сжатия во всех городах: они прогнозируют убыль населения, чаще всего предполагают снижение темпов строительства или его прекращение вовсе. На этом фоне ориентированные на рост прогнозы из ГП сильно отличаются от реальной динамики численности населения и ввода жилья. Можно утверждать, что план мероприятий ГП в изучаемых городах игнорируется, что делает территориальное планирование в них неактуальной практикой [Баранова и др., 2020; Chigareva, 2022]. Так, в случае сжимающихся городов Республики Коми следует говорить скорее об игнорировании ГП, нежели об игнорировании сжатия как явления.

Несмотря на существенную ограниченность в административных и финансовых ресурсах, часто отмечаемую исследователями [Моляренко, 2021; Batunova, Gunko, 2018], города так или иначе планируют ответные меры на сжатие, при этом присутствует дифференциация стратегий. Тем не менее сильная централизация в России все же приводит к необходимости следовать предписаниям вышестоящих уровней власти, планировать рост для демонстрации эффективности, что приводит к расхождениям прогнозов и препятствует пониманию развития на локальном уровне. Согласование или объединение документов планирования может стать решением: связанные социально-экономический и территориальный аспекты развития позволят на местном уровне эффективнее решать проблемы, вызываемые сжатием.

Заключение

В настоящей работе мы проблематизировали городское сжатие как вызов для местной политики. Опыт исследований сжимающихся городов в России показывает, что многие города игнорируют сжатие в силу различных причин, в том числе из-за расхождения документов планирования, ориентированных на рост показателей эффективности органов МСУ. На примере постоянно сжимающихся городов Республики Коми мы выявили, что на местном уровне проблема сжатия чаще всего осознается. В эмпирической части исследования представлен ана-

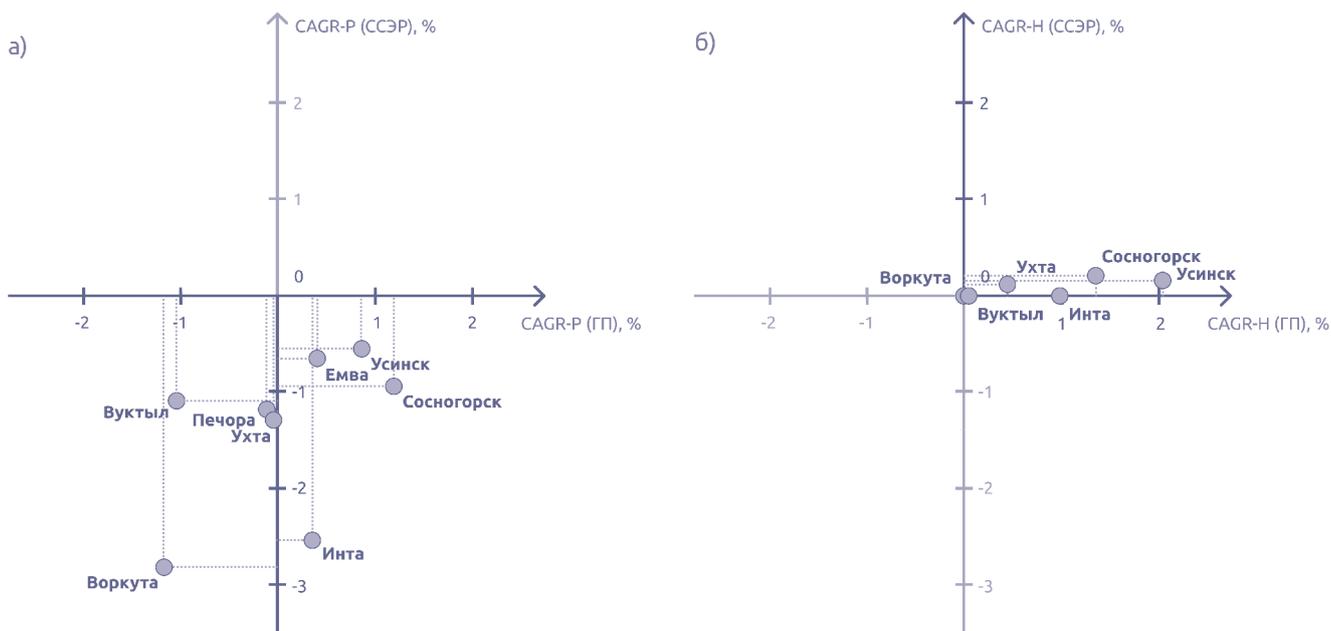

Рис. 1. Распределение городов по показателям:
 а) совокупного среднегодового темпа роста населения, б) совокупного среднегодового темпа роста жилищного фонда за расчетный период

Источник: составлено авторами на основе данных ССЭР и ГП.

Примечание: Емва и Печора не указаны на рис. 16, поскольку ССЭР муниципальных районов, в которых находятся эти города, не содержат информации о планируемом жилищном строительстве.

лиз документов планирования (ССЭР и ГП) во всех городах. Так, с точки зрения ССЭР у городов нет оснований планировать рост, при этом негативные тенденции приводят к проблемам в бюджетно-налоговой сфере, что уже не позволяет игнорировать сжатие. Тем не менее игнорирование ГП органами МСУ говорит о том, что проблемы сжатия, проявляющиеся в городском пространстве, не взяты под контроль, что в дальнейшем только повлечет их усугубление.

На основе количественных данных из прогнозов ССЭР и ГП были рассчитаны показатели 1) совокупного среднегодового темпа прироста населения и 2) совокупного среднегодового темпа прироста жилищного фонда. В результате мы получили следующие категории городов:

- 1) города, где прогнозируется дальнейшее сокращение населения (Воркута, Вуктыл, Печора, Ухта), и города, где ССЭР и ГП представляют противоположные прогнозы, убыль и рост соответственно (Емва, Сосногорск, Инта, Усинск);
- 2) города, где планируется снос избыточно жилищного фонда (Воркута), города, где планируется жилищное строительство (Ухта, Усинск, Сосногорск), а также города, где ССЭР и ГП предоставляют несогласующиеся прогнозы: отсутствие и наличие ввода нового жилищного фонда соответственно (Инта, Вуктыл).

В целом основной вывод работы состоит в том, что при многих общих паттернах стратегиям городов присуща вариативность. Были выявлены примеры уникальных стратегий: например, Инта физически

адаптируется при расхождениях в документах планирования; Ухта по прогнозам признает сжатие, несмотря на статус крупного развитого центра региона; в Вуктыле оба документа предлагают адаптировать мероприятия в жилищном секторе под сокращение населения.

Разнообразие подходов к развитию в сжимающихся городах Республики Коми говорит о том, что ОМСУ способны самостоятельно определять политику, опираясь на внутренние предпосылки. Выявленное расхождение – готовность к адаптации многих городов с точки зрения стратегического планирования и неактуальность территориального планирования – влияет на то, как в городах подходят к формированию стратегий. Признание сжатия только на уровне ССЭР, вероятно, не поможет решать проблемы, вызываемые депопуляцией. Именно поэтому в сжимающихся городах необходимо изменение подхода к планированию.

Источники

- Администрация МО ГО «Воркута» (н. д.) Официальный сайт Администрации городского округа «Воркута». Генеральный план. Режим доступа: <http://xn--80adykng.xn--p1ai/city/master-plan/> (дата обращения: 30 июня 2023 г.).
- Администрация МО ГО «Вуктыл» (2021) Проект Генерального плана муниципального образования городского округа «Вуктыл».
- Баранова Л. Р., Шохина А. А., Шубина Д. О. (2020) Апатиты и депопуляция: рассуждение о (не) актуальности документов стратегического и территориального планирования и необходимых мерах // Городские исследования и практики. Т. 5. № 1. С. 102–116.
- Гуныко М. С., Еременко Ю. А., Батунова Е. Ю. (2020) Стратегии планирования в условиях го-

- родского сжатия в России: исследование малых и средних городов // Мир России. Социология. Этнология. Т. 29. №3. С. 121–141.
- Моляренко О.А. (2021) Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти // Мир России. Социология. Этнология. Т. 30. № 1. С. 8–28.
- Правительство Республики Коми (2019) Постановление Правительства Республики Коми № 185 от 11 апреля 2019 г. «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года».
- Росстат (2020) Предположительная численность населения Российской Федерации. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 15 января 2023 г.).
- Совет ГП «Емва» (2013) Решение Совета ГП «Емва» № I-15/90 от 30 декабря 2013 г. «Об утверждении Генерального плана и Правил землепользования и застройки городского поселения “Емва”».
- Совет ГП «Печора» (2011) Решение Совета ГП «Печора» № 2-13/102 от 24 мая 2011 г. «Об утверждении Генерального плана муниципального образования городского поселения “Печора”».
- Совет ГП «Сосногорск» (2019) Решение Совета ГП «Сосногорск» № 133 от 12 апреля 2019 г. «Об утверждении Генерального плана муниципального образования городского поселения “Сосногорск”».
- Совет МО ГО «Воркута» (2010) Решение Совета МО ГО «Воркута» № 500 от 4 октября 2010 г. «Об утверждении Генерального плана городского округа “Воркута”».
- Совет МО ГО «Воркута» (2020) Решение Совета МО ГО «Воркута» № 764 от 22 июня 2020 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа “Воркута” на период до 2035 года».
- Совет МО ГО «Вуктыл» (2020) Решение Совета МО ГО «Вуктыл» № 14 от 21 октября 2020 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа “Вуктыл” на период до 2035 года».
- Совет МО ГО «Инта» (2013) Решение Совета МО ГО «Инта» № II-20/13 от 19 февраля 2013 г. «Об утверждении Генерального плана муниципального образования городского округа “Инта”».
- Совет МО ГО «Инта» (2020) Решение Совета МО ГО «Инта» № IV-4/1 от 25 декабря 2020 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа “Инта” на период до 2035 года».
- Совет МО ГО «Усинск» (2009) Решение Совета МО ГО «Усинск» № 320 от 20 октября 2009 г. «Об утверждении Генерального плана МО ГО “Усинск”».
- Совет МО ГО «Усинск» (2020) Решение Совета МО ГО «Усинск» № 79 от 13 октября 2020 г. «О Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа “Усинск” на период до 2035 года».
- Совет МО ГО «Ухта» (2013) Решение Совета МО ГО «Ухта» № 226 от 4 сентября 2013 г. «Об утверждении Генерального плана муниципального образования городского округа “Ухта”».
- Совет МО ГО «Ухта» (2020) Решение Совета МО ГО «Ухта» № 37 от 23 декабря 2020 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городского округа “Ухта” на период до 2035 года».
- Совет МР «Княжпогостский» (2021) Решение Совета МР «Княжпогостский» № 204 от 24 сентября 2021 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального района “Княжпогостский” на период до 2035 года».
- Совет МР «Печора» (2019) Решение Совета МР «Печора» № 6-39/436 от 30 октября 2019 г. «О Стратегии социально-экономического развития муниципального района “Печора” на период до 2035 года».
- Совет МР «Сосногорск» (2021) Решение Совета МР «Сосногорск» № VI-28 от 24 марта 2021 г. «О Стратегии социально-экономического развития муниципального образования муниципально-го района “Сосногорск” на период до 2035 года».
- Черных С.В., Кырнышева О.В., Бешкарева Н.А. (2021) Княжпогостский завод древесноволокнистых плит: страницы истории. Плитный мир.
- Averkiova K., Efremova V. (2022) Urban Shrinkage in Russia: Concepts and Causes of Urban Population Loss in the Post-Soviet Period // Wu C.-T., Gunko M., Stryjakiewicz T., Zhou K. (Eds.) *Postsocialist Shrinking Cities*. Routledge.
- Batunova E., Gunko M. (2018) Urban Shrinkage: An Unspoken Challenge of Spatial Planning in Russian Small and Medium-Sized Cities // *European Planning Studies*. Vol. 26. No. 8. P. 1580–1597.
- Berg L. van den, Drewett R., Klaasen L., Rossi A., Vijverberg H. (1982) *Urban Europe: A Study of Growth and Decline*. Pergamon Press.
- Beint M., Haase A., Großmann K., Cocks M., Couch C., Cortese C., Krzysztofik R. (2014) How Does(n't) Urban Shrinkage Get onto the Agenda? Experiences From Leipzig, Liverpool, Genoa and Bytom // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 38. No. 5. P. 1749–1766.
- Beint M. (2016) The Limits of Shrinkage: Conceptual Pitfalls and Alternatives in the Discussion of Urban Population Loss // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 40. No. 2. P. 441–450.
- Chigareva D. (2022) Review of Spatial Planning Instruments in a Russian Shrinking City: The Case of Kirovsk in the Murmansk Region // Wu C.-T., Gunko M., Stryjakiewicz T., Zhou K. (Eds.) *Postsocialist Shrinking Cities*. Routledge.
- Delken E. (2008) Happiness in Shrinking Cities in Germany // *Journal of Happiness Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 213–218.
- Döringer S., Uchiyama Y., Penker M., Kohsaka R. (2020) A Meta-Analysis of Shrinking Cities in Europe and Japan. Towards an Integrative Research Agenda // *European Planning Studies*. Vol. 28. No. 9. P. 1693–1712.

- Gilev A., Dimke D. (2021) 'No Time for Quality': Mechanisms of Local Governance in Russia//*Europe-Asia Studies*. Vol. 73. No. 6. P. 1060–1079.
- Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko, V. (2014) Conceptualizing Urban Shrinkage//*Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 46. No. 7. P. 1519–1534.
- Haase A., Rink D., Grossman K. (2016) Shrinking Cities in Post-Socialist Europe: What Can We Learn from Their Analysis for Theory Building Today?//*Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Vol. 98. No. 4. P. 305–319.
- Hartt M. (2018) The Diversity of North American Shrinking Cities//*Urban Studies*. Vol. 55. No. 13. P. 2946–2959.
- Hartt M., Hackworth J. (2020) Shrinking Cities, Shrinking Households, or Both?//*International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 44. No. 6. P. 1083–1095.
- Heim LaFrombois M.E., Park Y., Yurcaba D. (2019) How U.S. Shrinking Cities Plan for Change: Comparing Population Projections and Planning Strategies in Depopulating U.S. Cities//*Journal of Planning Education and Research*. Vol. 43. No. 1. P. 81–93.
- Hollander J.B., Pallagst K., Schwarz T., Popper F.J. (2009) Planning Shrinking Cities//*Progress in Planning*. Vol. 72. No. 4. P. 223–232.
- Liu R. (2022) Long-Term Development Perspectives in the Slow Crisis of Shrinkage: Strategies of Coping and Exiting//*Sustainability*. Vol. 14. No. 16. P. 1–30.
- Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., Cunningham-Sabot E. (2012) Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalization//*International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 36. No. 2. P. 213–225.
- Rink D., Haase A., Grossmann K., Couch C., Cocks M. (2012) From Long-Term Shrinkage to Re-Growth? The Urban Development Trajectories of Liverpool and Leipzig//*Built Environment*. Vol. 38. No. 2. P. 162–178.
- Schilling J., Logan J. (2008) Greening the Rust Belt: A Green Infrastructure Model for Right-Sizing America's Shrinking Cities//*Journal of the American Planning Association*. Vol. 74. No. 4. P. 451–466.
- Wang X., Li Z., Feng Z. (2022) Classification of Shrinking Cities in China Based on Self-Organizing Feature Map//*Land*, Vol. 11. No. 9.
- Wiechmann T., Pallagst K.M. (2012) Urban Shrinkage in Germany and the USA: A Comparison of Transformation Patterns and Local Strategies//*International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 36. No. 2. P. 261–280.
- Wolff M., Wiechmann T. (2018) Urban growth and decline: Europe's shrinking cities in a comparative perspective 1990–2010//*European Urban and Regional Studies*. Vol. 25. No. 2. P. 122–139.
- Zulkarnay I. (2018) Why Russia Has Again Been Sliding from Federalism to Unitarianism//*Public Administration Issues*. Vol. 2018. No. 5. P. 116–132.

HETEROGENEITY UNDER POPULATION LOSS: SPATIAL AND STRATEGIC PLANNING IN SHRINKING CITIES IN THE KOMI REPUBLIC

Ekaterina V. Lettieva, Bachelor's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: evlettieva@edu.hse.ru

Oleg D. Shtinov, Independent researcher, Mukhtar Äuezov Street, 13 Z10T3K7 Astana, Kazakhstan.

Email: olegshtinov08@gmail.com

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, cities in the Komi Republic experienced depopulation, particularly in the northern mining-dependent part of the region. This article examines the development strategies implemented by local governments in the shrinking cities of the Komi Republic to address population decline. Through quantitative analysis of population growth rates of all cities in the region, we identified nine continuously shrinking cities between 1989 and 2021 and one episodically shrinking city between 2010 and 2021. Empirically, the study is based on the analysis of sixteen official documents, including eight socio-economic development strategies and eight general plans. The results reveal diversity in cities' approaches to the population decline. Despite the centralized governance and limited municipal autonomy in Russia, cities in the Komi Republic employ various adaptation-to-shrinkage models. Additionally, there are noted conflicts between strategic planning and spatial planning documents, particularly regarding population forecasts and housing sector development. The analysis indicates that local governments often acknowledge depopulation in socio-economic development strategies more readily than in general plans. Therefore, the issue is not necessarily an overall neglect of shrinkage but rather a denial of this phenomenon, predominantly within territorial planning.

Key words: Komi Republic; spatial planning; strategic planning; urban shrinkage

Citation: Lettieva E.V., Shtinov O.D. (2023) Heterogeneity Under Population Loss: Spatial and Strategic Planning in Shrinking Cities in the Komi Republic, *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 2, pp. 57–68. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp82202357-68> (in Russian)

References

- Administratsiya MO GO «Vorkuta» (n. d.) Ofitsial'nyy sayt Administratsii gorodskogo okruga «Vorkuta». General'nyy plan [Official Website of the Administration of Vorkuta Urban District]. Available at: <http://xn--80adykng.xn--plai/city/master-plan/> (accessed 30 June 2023). (in Russian)
- Administratsiya MO GO "Vuktyl" (2021) Projekt General'nogo plana munitsipal'nogo obra-

- zovaniya gorodskogo okruga "Vuktyl" [The General Plan Project of Vuktyl Urban District]. (in Russian)
- Averkina K., Efremova V. (2022) Urban shrinkage in Russia: Concepts and causes of urban population loss in the post-Soviet period. *Postsocialist Shrinking Cities/ Wu C.-T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. (Eds.)*. Routledge.
- Baranova L., Shokhina A., Shubina D. (2020) Apatity i depolyatsiya: rassuzhdeniye o (ne)aktual'nosti dokumentov strategicheskogo i territorial'nogo planirovaniya i neobkhodimyykh merakh [Apatity and Depopulation: The (Ir)relevance of Urban Plans and Required Measures]. *Gorodskiyye issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 5, no 1, pp. 102-116. (in Russian)
- Batunova E., Gunko M. (2018) Urban Shrinkage: An Unspoken Challenge of Spatial Planning in Russian Small and Medium-Sized Cities. *European Planning Studies*, vol. 26, no 8, pp. 1580-1597.
- Berg L. van den, Drewett R., Klaasen L., Rossi A., Vijverberg H. (1982) *Urban Europe: A Study of Growth and Decline*. Pergamon Press.
- Bernt M., Haase A., Großmann K., Cocks M., Couch C., Cortese C., Krzysztofik R. (2014) How Does(n't) Urban Shrinkage Get onto the Agenda? Experiences From Leipzig, Liverpool, Genoa and Bytom. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 5, pp. 1749-1766.
- Bernt M. (2016) The Limits of Shrinkage: Conceptual Pitfalls and Alternatives in the Discussion of Urban Population Loss. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 40, no 2, pp. 441-450.
- Chernykh S.V., Kyrnysheva O.V., Beshkareva N.A. (2021) Knyazhpogostskiy zavod drevesnovoloknistykh plit: stranitsy istorii [Knyazhpogostskiy Fiberboard Plant: Pages of History]. *Plitnyy mir*. (in Russian)
- Chigareva D. (2022) Review of Spatial Planning Instruments in a Russian Shrinking City: The Case of Kirovsk in the Murmansk Region. *Postsocialist Shrinking Cities/ Wu C.-T., Gunko M., Strykiewicz T., Zhou K. (Eds.)*. Routledge.
- Delken E. (2008) Happiness in Shrinking Cities in Germany. *Journal of Happiness Studies*, vol. 9, no 2, pp. 213-218.
- Döringer S., Uchiyama Y., Penker M., Kohsaka R. (2020) A Meta-Analysis of Shrinking Cities in Europe and Japan. Towards an Integrative Research Agenda. *European Planning Studies*, vol. 28, no 9, pp. 1693-1712.
- Gilev A., Dimke D. (2021) 'No Time for Quality': Mechanisms of Local Governance in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 73, no 6, pp. 1060-1079.
- Gunko M., Eremanov Y., Batunova E. (2020) Strategii planirovaniya v usloviyakh gorodskogo szhatiya v Rossii: issledovanie malykh i srednih gorodov [Planning Strategies in the Context of Urban Shrinkage in Russia: Evidence from Small and Medium-sized Cities]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 29, no 3, pp. 121-141. (in Russian)
- Haase A., Rink D., Grossmann K., Bernt M., Mykhnenko, V. (2014) Conceptualizing Urban Shrinkage. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 46, no 7, pp. 1519-1534.
- Haase A., Rink D., Grossman K. (2016) Shrinking Cities in Post-Socialist Europe: What Can We Learn from Their Analysis for Theory Building Today? *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 98, no 4, pp. 305-319.
- Hartt M. (2018) The Diversity of North American Shrinking Cities. *Urban Studies*, vol. 55, no 13, pp. 2946-2959.
- Hartt M., Hackworth J. (2020) Shrinking Cities, Shrinking Households, or Both? *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 44, no 6, pp. 1083-1095.
- Heim LaFrombois M.E., Park Y., Yurcaba D. (2019) How U.S. Shrinking Cities Plan for Change: Comparing Population Projections and Planning Strategies in Depopulating U.S. Cities. *Journal of Planning Education and Research*, vol. 43, no 1, pp. 81-93.
- Hollander J.B., Pallagst K., Schwarz T., & Popper F.J. (2009) Planning Shrinking Cities. *Progress in Planning*, vol. 72, no 4, pp. 223-232.
- Liu R. (2022) Long-Term Development Perspectives in the Slow Crisis of Shrinkage: Strategies of Coping and Exiting. *Sustainability*, vol. 14, no 16, pp. 1-30.
- Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., Cunningham-Sabot E. (2012) Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalization. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 36, no 2, pp. 213-225.
- Molyarenko O. (2021) Mestnoye samoupravleniye v sovremennoy Rossii, ili Khroniki krayney vlasti [Local Self-Government in Contemporary Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 30, no 1, pp. 8-28. (in Russian)
- Pravitel'stvo Respubliki Komi (2019) Postanovleniye Pravitel'stva Respubliki Komi № 185 ot 11 aprelya 2019 g. "O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Komi na period do 2035 goda" [Decree of the Government of the Komi Republic No. 185 of 11 April 2019 "On the Socio-Economic Development Strategy of the Komi Republic Until 2035"]. (in Russian)
- Rink D., Haase A., Grossmann K., Couch C., Cocks M. (2012) From Long-Term Shrinkage to Re-Growth? The Urban Development Trajectories of Liverpool and Leipzig. *Built Environment*, vol. 38, no 2, pp. 162-178.
- Rosstat (2020) Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii [Population Projections of the Russian Federation]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (accessed 15 January 2023). (in Russian)
- Schilling J., Logan J. (2008) Greening the Rust Belt: A Green Infrastructure Model for Right-Sizing America's Shrinking Cities. *Journal of the American Planning Association*, vol. 74, no 4, pp. 451-466.
- Sovet GP «Emva» (2013) Resheniye Soveta GP «Emva» No. I-15/90 ot 30 dekabrya 2013 g. «Ob utverzhdenii General'nogo plana i Pravil zemlepol'zovaniya i zastroyki gorodskogo poseleniya "Emva"» [Emva Municipal By-law No. I-15/90 of 30 December 2013 "On Approval of the General Plan and the Zoning Ordinance of Emva Urban Settlement"]. (in Russian)
- Sovet GP "Pechora" (2011) Resheniye Soveta GP "Pechora" No. 2-13/102 ot 24 maya 2011 g. "Ob utverzhdenii General'nogo plana munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo poseleniya 'Pechora'" [Pechora Municipal By-law No. 2-13/102 of 24 May 2011 "On Approval of the General Plan of Pechora Urban Settlement"]. (in Russian)
- Sovet GP "Sosnogorsk" (2019) Resheniye Soveta GP «Sosnogorsk» No. 133 ot 12 aprelya 2019 g. "Ob utverzhdenii General'nogo plana

- munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo poseleniya 'Sosnogorsk'" [Sosnogorsk Municipal By-law No. 133 of 12 April 2019 "On Approval of the General Plan of Sosnogorsk Urban Settlement"]. (in Russian)
- Sovet MO GO "Inta" (2013) Resheniye Soveta MO GO "Inta" No. II-20/13 ot 19 fevralya 2013 g. "Ob utverzhdenii General'nogo plana munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga 'Inta'" [Inta Municipal By-law No. II-20/13 of 19 February 2013 "On Approval of the General Plan of Inta Urban District"]. (in Russian)
- Sovet MO GO "Inta" (2020) Resheniye Soveta MO GO «Inta» No. IV-4/1 ot 25 dekabrya 2020 g. "Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga 'Inta' na period do 2035 goda" [Inta Municipal By-law No. IV-4/1 of 25 December 2020 "On Approval of the Socio-Economic Development Strategy of Inta Urban District Until 2035"]. (in Russian)
- Sovet MO GO "Ukhta" (2013) Resheniye Soveta MO GO "Ukhta" No. 226 ot 4 sentyabrya 2013 g. "Ob utverzhdenii General'nogo plana munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga 'Ukhta'" [Ukhta Municipal By-law No. 226 of 4 September 2013 "On Approval of the General Plan of Ukhta Urban District"]. (in Russian)
- Sovet MO GO "Ukhta" (2020) Resheniye Soveta MO GO "Ukhta" No. 37 ot 23 dekabrya 2020 g. "Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga 'Ukhta' na period do 2035 goda" [Ukhta Municipal By-law No. 37 of 23 December 2020 "On Approval of the Socio-Economic Development Strategy of Ukhta Urban District Until 2035"]. (in Russian)
- Sovet MO GO "Usinsk" (2009) Resheniye Soveta MO GO "Usinsk" No. 320 ot 20 oktyabrya 2009 g. "Ob utverzhdenii General'nogo plana MO GO 'Usinsk'" [Usinsk Municipal By-law No. 320 of 20 October 2009 "On Approval of the General Plan of Usinsk Urban District"]. (in Russian)
- Sovet MO GO "Usinsk" (2020) Resheniye Soveta MO GO "Usinsk" № 79 ot 13 oktyabrya 2020 g. "O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga 'Usinsk' na period do 2035 goda" [Usinsk Municipal By-law No. 79 of 13 October 2020 "On the Socio-Economic Development Strategy of Usinsk Urban District Until 2035"]. (in Russian)
- Sovet MO GO "Vorkuta" (2010) Resheniye Soveta MO GO "Vorkuta" No. 500 ot 4 oktyabrya 2010 g. "Ob utverzhdenii General'nogo plana gorodskogo okruga 'Vorkuta'" [Vorkuta Municipal By-law No. 500 of 4 October 2010 "On Approval of the General Plan of Vorkuta Urban District"]. (in Russian)
- Sovet MO GO «Vorkuta» (2020) Resheniye Soveta MO GO «Vorkuta» No. 764 ot 22 iyunya 2020 g. «Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga "Vorkuta" na period do 2035 goda» [Vorkuta Municipal By-law No. 764 of 22 June 2020 "On Approval of the Socio-Economic Development Strategy of Vorkuta Urban District Until 2035"]. (in Russian)
- Sovet MO GO «Vuktyl» (2020) Resheniye Soveta MO GO «Vuktyl» № 14 ot 21 oktyabrya 2020 g. «Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskogo okruga "Vuktyl" na period do 2035 goda» [Vuktyl Municipal By-law No. 14 of 21 October 2020 "On Approval of the Socio-Economic Development Strategy of Vuktyl Urban District"]. (in Russian)
- Sovet MR "Knyazhpogostskiy" (2021) Resheniye Soveta MR "Knyazhpogostskiy" No. 204 ot 24 sentyabrya 2021 g. "Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo rayona 'Knyazhpogostskiy' na period do 2035 goda" [Knyazhpogostskiy Municipal By-law No. 204 of 24 September 2021 "On Approval of the Socio-Economic Development Strategy of Knyazhpogostskiy Municipal Borough Until 2035"]. (in Russian)
- Sovet MR "Pechora" (2019) Resheniye Soveta MR "Pechora" No. 6-39/436 ot 30 oktyabrya 2019 g. "O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo rayona "Pechora" na period do 2035 goda" [Pechora Municipal By-law No. 6-39/436 of 30 October 2019 "On the Socio-Economic Development Strategy of Pechora Municipal Borough Until 2035"]. (in Russian)
- Sovet MR "Sosnogorsk" (2021) Resheniye Soveta MR "Sosnogorsk" No. VI-28 ot 24 marta 2021 g. "O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya munitsipal'nogo rayona 'Sosnogorsk' na period do 2035 goda" [Sosnogorsk Municipal By-law No. VI-28 of 24 March 2021 "On Approval of the Socio-Economic Development Strategy of Sosnogorsk Municipal Borough Until 2035"]. (in Russian)
- Wang X., Li Z., Feng Z. (2022) Classification of Shrinking Cities in China Based on Self-Organizing Feature Map. *Land*, vol. 11, no 9.
- Wiechmann T., Pallagst K.M. (2012) Urban Shrinkage in Germany and the USA: A Comparison of Transformation Patterns and Local Strategies. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 36, no 2, pp. 261-280.
- Wolff M., Wiechmann T. (2018) Urban growth and decline: Europe's shrinking cities in a comparative perspective 1990-2010. *European Urban and Regional Studies*, vol. 25, no 2, pp. 122-139.
- Zulkarnay I. (2018) Why Russia Has Again Been Sliding from Federalism to Unitarianism. *Public Administration Issues*, vol. 2018, no 5, pp. 116-132.

Риски и потенциал городских пустот

Кирилл Пузанов
Дарья Шубина

Введение

Городские пространства неравномерны с точки зрения внимания к ним. Некоторые из них заполнены смыслами, привнесенными туда горожанами, властями, СМИ и пр. Это делает их более устойчивыми к изменениям: у подобных пространств легко могут найтись защитники, отстаивающие их право оставаться такими, как и раньше. Чаще всего это локальные центры городов. Голос «пустых», малопосещаемых пространств, расположенных в основном на периферии, еле слышен, но это не значит, что его стоит игнорировать как несущественный.

В 2017 году мэр Москвы С. С. Собянин объявил, что в ходе программы реновации будут благоустроены все пустыри [РИА Новости, 2017]. На фоне прочих сообщений о реновации это заявление прошло практически незамеченным: основное внимание было приковано к батальям вокруг жилых массивов.

Но вопрос московских пустырей также оказывается проблемным. В то время как городские власти пытаются их застроить, жители города отстаивают свои права пользования подобными территориями. Например, недавно была преобразована территория Нагатинской поймы: по мнению мэра и главного архитектора Москвы, территория представляла собой пустырь [РБК, 2013], в то время как местные жители отстаивали пойму как собственное зеленое и рекреационное пространство [Петиция против застройки Нагатинской поймы, 2016]. Подобные разночтения в толковании появляются, поскольку термин «пустырь» не закреплен юридически.

В попытке дать пустырю четкое определение возникают сложности. Зброшенное пространство – это то, что тяжело описать, но относительно легко распознать [Nabarro et. al., 1980]. Но, как мы видим из примера выше, их распознавание осложняется тем, что разные городские агенты могут подразумевать под «пустырями» совершенно разные по физическим параметрам территории.

Интуитивно понятно, что пустыри – это незастроенные городские пространства. Но обязательно ли это пространства заброшенные? Какой предельный размер пустыря? Есть ли у пустыря владелец? Что именно пустого в этих пространствах и что такое городская пустота? Все эти вопросы зачастую остаются не отвеченными в попытке осмыслить феномен.

Так или иначе термин «пустырь» происходит от прилагательного «пустой». В данной статье термины «городской пустырь» и «городская пустота» будут использоваться как частичные синонимы. На данном

Пузанов Кирилл Александрович, к.г.н., доцент, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: kpuzanov@hse.ru

Шубина Дарья Олеговна, магистр градостроительства, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); аспирантка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель проектов, ДОМ.РФ; Российская Федерация, 101100, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. E-mail: dshubina2403@gmail.com

Работа посвящена роли городских пустот в целом и пустырей в частности в процессе развития городского пространства. В российской литературе термин «городские пустоты» до настоящего момента в большей степени относится к смысловым разрывам, тогда как мы предлагаем рассматривать пустоту в городе как более широкий концепт. Городская пустота – «зонтичный» концепт, особый тип пространства, который характеризуется отсутствием контроля и предзаданного формата пользования. Под это определение попадают различные виды пространств: пустотами будут и заброшенные здания, и территории под мостами, и неопределенные клочки земли между магистралями и пр. Пустырь – это частный случай городских пустот, характеризующийся открытыми ландшафтами, выделяющимися на фоне общей морфологии застройки окружающего района, возможным наличием бывших построек, потерявших свой изначальный функционал, и дикой растительности. Важная особенность, выделяющая пустыри на фоне городских пустот, – принципиально не планировочный, естественный характер ландшафта. В работе предпринята попытка систематизировать зарубежные подходы к определению городских пустот. В общем виде мы рассматриваем городскую пустоту как пустоту контроля. Это пространство, которое противопоставлено застроенной и четко спланированной городской среде. С одной стороны, эти пространства негативно влияют на окружающую среду и город в целом. Зброшенность пространства способствует активизации несанкционированной деятельности, что может отрицательно влиять на образ района и города в целом. С другой

уровне концептуализации провести их исчерпывающее различение не представляется возможным. Как в российской, так и в зарубежной литературе нет единого терминологического аппарата, описывающего данный городской феномен. Это порождает множество родственных терминов, которые мы постарались структурировать в данной работе.

В зарубежной литературе мы наблюдаем обилие вариаций терминов, используемых относительно пустующих и заброшенных территорий: urban voids [Armstrong, 2006; Huyssen, 1997], drosscape [Berger, 2006], wasteland [Nabarro, 1980], dead zones, transgressive zones [Doron, 2000], derelict land [Kivell, 2002], spaces of uncertainty [Cupers, Miessen, 2002], brownfields [Adam, Watkins, 2008], in-between spaces, interstices [Brighenti, 2016], SLOAP (Spaces Left Over After Planning) [Maruani, Amit-Cohen, 2007], TOADs (temporarily abandoned derelict sites) [Greenberg, Popper, 1990], le Tiers-Paysage [Clement et. al., 2004], vacant land [Pagano, Bowman, 2000], superfluous landscapes [Nielsen, 2002], dross [Lerup, 1994], no-man's land [Guyer, 2011], blight [Breger, 1967], gapscape [Hormigo, Morita, 2004], leftover spaces [Akkerman, Cornfield, 2010], loose space [Franck, Stevens, 2006], lost space [Trancik, 1986], ambivalent landscapes [Jorgensen, Tylecote, 2007], terrain vague [de Sola Morales, 2013].

В русскоязычной академической литературе термин «городские пустоты» еще пока не получил должного уровня распространения. В исследовании «Археология периферии» описана «смысловая пустота» московской периферии: эта зона не проявилась на семантической карте города [Новиков, Серова, 2013]. Социолог А. Ф. Филлипов рассматривает городские пустоты как потенциальноеместилище всевозможных поведенческих актов, в отношении которых не даются смысловые ориентиры [Филлипов, 2009]. В качестве городской пустоты автор приводит пример Манежной площади в Москве. Это пространство, несомненно, предлагает разнообразие сценариев поведения, но нам важно отделить понятие «городской пустоты» от общественного пространства.

Городская пустота – это «зонтичный» концепт, особый тип пространства, который характеризуется отсутствием контроля и предзаданного формата пользования. Под это определение подпадают различные виды пространств: пустотами будут и заброшенные здания, и территории под мостами, и неопределенные клочки земли между магистралями и пр. Пустырь – это частный случай городских пустот, характеризующийся открытыми ландшафтами, выделяющимися на фоне общей морфологии застройки окружающего района, возможным наличием бывших построек, потерявших свой изначальный функционал, и дикой растительности. Важная особенность, выделяющая пустыри на фоне городских пустот, – принципиально не планировочный, естественный характер ландшафта.

Таким образом, разделение между городской пустотой и общественным пространством идет по основанию контроля и наличию хозяев, которые готовы его осуществлять. В случае с общественными пространствами такими «хозяевами» могут быть как сами посетители, так и официальные органы. Городская пустота, напротив, предполагает отсутствие очевидных «хозяев», зримого контроля и жестко предписанных нормативных сценариев использования.

Авторов, чьи подходы будут подробнее рассмотрены далее, можно условно подразделить на два лагеря: сторонников и противников городских пустот. Все они сходятся на том, что городская пустота – это пустота контроля, но разнятся их выводы из подобного определения. Городские пустоты – это контробраз города, пространства, где может надломиться привычный, спроектированный городской порядок. Таким образом, изучение пустот лежит в области научной дискуссии о фундаментальной неполноценности спланированной среды. Для одних «выпадение» из поля зрения городских управленцев представляется как

стороны, новая оптика городских исследований рассматривает их как ценные пространства. Пустыри становятся пространствами для жителей, пространствами, где они могут делать что хотят, где могут всецело проявлять свою креативность. Тем более что у пустырей есть индикативная функция, и по тому, какие практики реализуются там, можно сделать выводы о состоянии окружающих их территорий.

Ключевые слова: городские пустоты; пустоши; городское планирование; социальный контроль

Цитирование: Пузанов К.А., Шубина Д.О. (2023) Риски и потенциал городских пустот // Городские исследования и практики. Т. 8. № 2. С. 69–79. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp82202369-79>

негативный фактор, тормозящий развитие, для других – новая оптика теоретизации городских пустот основана на изучении их конструктивной роли и ценности для развития города.

Теоретические подходы к концептуализации городских пустот, которые будут рассмотрены в статье, подкрепляются зарубежными исследованиями конкретных городских пространств [Tonnelat, 2008; Shaw, Hudson, 2009; Colomb, 2012; Rupprecht, 2014]. В то же время в российских реалиях тема оказывается не менее острой. Пустыри и заброшенные пространства – распространенное явление российского городского пейзажа; более того, они зачастую оказываются в центре городских конфликтов. Эта работа – призыв к дискуссии о пустырях на русском языке.

Статья состоит из трех частей. В первых двух описаны различные зарубежные подходы к осмыслению городских пустот, в третьей представлены эмпирические исследования городских пустот и пустырей и предложен альтернативный исследовательский взгляд на эти пространства.

Риски городских пустот: dead zones, leftover space, dross и drosscape, lost space, spaces left after planning, no man's land

Представление о городской пустоте неразрывно связано с жанром апокалиптического пейзажа и в большей степени – с образом разрушающегося города, с городским упадком. Городские пустоты – это «мертвые пространства» (dead zones): непродуктивные территории, которые уже не работают в соответствии со своей первоначальной функцией. Термин «оставленное пространство» (leftover space) подчеркивает, что подобные территории уже не так хороши, как спланированный город: они были оставлены, потому что перестали соответствовать нуждам города.

Символично использование термина wasteland относительно подобных территорий. Дословно этот англоязычный термин означает «мусорная земля». Мусор – это нечто, что потеряло свою ценность, как правило, в силу утраты функциональности. Так и пустыри оказываются пространствами, которые потеряли свою ценность. Подобная интерпретация феномена созвучна определению wasteland в Англии. В Средних веках этот термин применялся к различным непродуктивным ландшафтам, например клифам или болотам, которые не могут быть использованы в сельскохо-

зяйственных целях [Di Palma, 2014]. То есть пустыри – это своеобразные отходы городского развития и прогресса [Berger, 2006]. С подобной интерпретацией городских пустот связаны термины dross и drosscape (русскоязычным эквивалентом этих терминов будет, вероятно, «отброс» или «отброшенная территория»). Данные термины используются применительно к территориям, которые вышли из индустриального использования и не способны к выгодной эксплуатации, это побочный продукт промышленного развития: большие участки земли на периферии городов и за их пределами, например, бывшие промышленные площадки, мусорные свалки, загрязненные речные берега и пр.

Архитектор Р. Транчик использует для определения городских пустот термин lost space – «потерянное пространство» [Trancik, 1986]. Автор связывает это понятие с недостаточной управляемостью: подобные пространства выпадают из поля зрения планировщиков и городской власти. Аналогичной логике вторит и такое определение городских пустот, как spaces left after planning [Maruani, Amit-Cohen, 2007] – пространства, оставшиеся после планирования. То есть это «слепые пятна», которые изначально не предполагали какого-либо использования и не были включены в процесс планирования территории. Эти пространства оказываются потерянными для существующих градостроительных документов, регламентирующих способы использования территории. В противопоставление логичности и завершенности застроенного города пустые пространства становятся символом энтропии и упадка, они подрывают упорядоченный характер города. В данной парадигме пустота демонизируется как инородное для города тело, нечто городу противное и не-свойственное. В подобной трактовке пустыри становятся своеобразными *terra nullius*, то есть ничейными пространствами. Использование латинского выражения *terra nullius* созвучно в случае с пустырями с термином no man's land [Guyer, 2011] – земля без человека.

Не будучи включенными, таким образом, в городскую среду, пустыри представляют собой упущенную выгоду от самого ценного городского ресурса – земли. Существование пустых пространств становится признаком расточительства и экономической неэффективности. Незаполненные пространства не только не вносят позитивного вклада, но и, напротив, становятся нежелательными город-

скими пространствами, которые отрицательно влияют на окружающую среду [Trancik, 1986].

Неконтролируемые пространства становятся местами для несанкционированной деятельности (распития алкогольных напитков, продажи наркотиков, лагерей бездомных) и маркируются как антиобщественные пространства. Существование заброшенных территорий и их негативный образ может снижать стоимость жилья поблизости, способствовать развитию преступной деятельности, влиять на приток инвестиций в район [Goldstein et. al., 2001]. Пустые территории зачастую становятся свалками, что также отрицательно влияет на привлекательность близлежащих территорий и экологию города. В итоге многие авторы пишут, что наличие пустырей и заброшенных территорий может снижать качество жизни, влиять на местное сообщество и сдерживать будущее развитие, что впоследствии может привести к расширению деградации территории [Kivell, 2002; Goldstein et. al., 2001; Schilling, Logan, 2008; Newman, 2018].

Будучи пространствами, которые забросили и где находят свое место маргинальные (исходя из устоявшихся стереотипов) группы, пустыри воспринимаются городскими планировщиками и управленцами как болезни на теле города. По мнению Р. Транчика, «потерянные пространства» – это дыры на фоне культурного и экономически эффективного городского пространства, которые нуждаются в перепроектировании [Trancik, 1986]. Как предположили Куперс и Миссен, «урбанисты склонны считать, что городская пустота нуждается в материализованном порядке, чтобы функционировать как место для общества» [Cupers, Miessen, 2002]. Эффективность, функциональность, порядок и продуктивность – это удобные и яркие эпитеты, но их проблема в сложной формализации и количественном измерении. Как именно реорганизация бывших промышленных площадок и пустырей позитивно влияет на окружающую территорию, может ли то же самое действие привести к отрицательному эффекту?

Говорить о полной «ничейности» пустырей нужно с определенными оговорками. Отсутствие видимого формата использования может быть обманчивым, и может возникнуть вопрос об этике в отношении к пустырям и к их реорганизации. Так, например, можно привести пример иссле-

дования М. Д. Алексеевского про пустырь в одном районном центре на северо-западе России [Алексеевский, 2015]. На пустыре построили новый Дом культуры, однако он не пользовался популярностью у местных жителей. Антропологи разобрались в причине такой неудачи: после Великой Отечественной войны на пустыре остались разрозненные захоронения советских солдат, которые так и не получили официальный статус военного кладбища. То есть строительство Дома культуры выглядело абсолютно варварским делом со стороны местных жителей и нарушением сакральности данной пустоты.

Таким образом, к правомерности негативного восприятия городских пустот возникает вопрос: насколько адекватно и точно может быть дано определение городских пустот как деструктивного элемента? Можем ли мы дать оценку пространству, исходя лишь из его внешнего облика? Разумно ли трактовать пустоты исключительно в терминах будущей возможной эффективности и продуктивности?

Ценности городских пустот: terrain vague, spaces of uncertainty, loose space, superfluous landscapes, indeterminate spaces

Второй выделенный нами подход заключается в рассмотрении пустот как естественных и ценных для города пространств. Один из основоположников концепции ценности городских пустот, испанский архитектор И. Сола-Моралес, будучи противником стигматизации подобных пространств, вводит свой термин – *terrain vague* [de Sola Morales, 2013].

В первую очередь интересно рассмотреть этимологию этого термина. Использование слова *terrain* (рельеф) в данном случае символично: мы говорим о том, что пустоты – это не столько отдельные точки и заброшенные здания, сколько часть единого пространства, элемент целостного городского ландшафта. Второе используемое слово – *vague* – имеет как минимум два разных объяснения. С латинского *vacuus* означает «пустое», а *vagus* – «неопределенный, блуждающий». В данном случае именно неопределенность кажется наиболее интересной интерпретацией, поэтому мы переводим оборот *terrain vague* как «неопределенные (или неопределившиеся) ландшафты».

Получается, что *terrain vague* – это не столько физически пустые простран-

ства, сколько пространства без четко определенной функции. Важнейшая характеристика подобных ландшафтов – неоднозначность использования и владения. Сола Моралес предполагает, что *terrain vague* – это скрытое пространство, в котором отсутствие формального использования может создать ощущение возможности и свободы. Автор подчеркивает, что с экономической точки зрения подобные пространства представляют собой места, где «города больше нет» [de Sola Morales, 2013]. Но это не просто физически пустая земля, у которой есть потенциал застройки, это пустое пространство для новой и креативной деятельности, пространство для фантазии, пространство для развития новых практик.

В данном случае мы можем провести параллели между определением ценности городских пустот и философией руин. Подобно тому как А. Шенлэ пишет, что руина – это не конечная форма, а проекция разнообразия форм и функций [Шенлэ, 2009], мы говорим, что пустыри – это не оставленное пространство, а сумма потенциалов его использования. Как руины могут быть чем угодно, так и пустыри могут мимикрировать под запросы со стороны общества и наполняться любыми функциями. Пустыри – пространства, которые не столько обладают отрицательной ценностью, сколько имеют свою собственную специфическую характеристику – отсутствие зарегулированной функции.

По мнению Франка и Стивенса, городская пустота – это пустота правил поведения, то есть у подобных пространств нет не только запланированной роли, но и фиксированного способа «потребления» [Franck, Stevens, 2007]. Это пространства, которые предлагают горожанину свободу деятельности и возможность скрыться от формализованности города. Временно пустые от «официального» планирования пространства становятся доступны другим пользователям, и подобная свобода создает позитивный образ городской пустоты как пространства возможностей. При этом в этих пространствах могут сочетаться как формальные, так и неформальные практики, за счет чего они и приобретают свою особую ценность. Пустоты могут предложить ценную альтернативу городским общественным пространствам и обслуживать различные менее представительные социальные группы [Doron, 2000]. Власти не контро-

лируют их и не уделяют им должного внимания, создавая тем самым «пространство передышки», где выбор стратегии потребления остается за пользователями.

Таким образом, присущие пустым, незанятым, пространствам качества ставят под сомнение кажущееся логичным производство жестко зарегулированных городских сред. Это территории, где обрывается граница градостроительных планов и горожанин в полной мере может занять их той деятельностью, которую считает нужной. Непорядок, который порождают городские пустоты и который воспринимается негативно городскими планировщиками и властью, в данном случае становится уникальной и ценной чертой подобных пространств.

Аналогичной точки зрения придерживаются авторы таких терминов, как *spaces of uncertainty*, *loose space*, *superfluous landscapes*, *indeterminate spaces*. Если предыдущие термины были связаны с такими словами, как «смерть», «потеря» и «мусор», то в данном случае авторы подчеркивают неопределенный статус подобных территорий. Выбирая совершенно другие по окрасу слова, авторы подчеркивают невозможность негативной стигматизации подобных пространств.

Мы предполагаем существование некоторой необходимости в пустотах, подобно тому как американский архитектор Дж. Б. Джексон писал о необходимости в руинах (*necessity for ruins*) [Jackson, 1980]. Так, например, австралийская архитектор Х. Армстронг пишет, что наиболее прискорбная потеря для растущих городов – это потеря пустот. Автор приводит пример преобразования одного из самых больших неформальных рынков Европы – Аризона-Маркет на Балканах [Armstrong, 2006].

У восприятия пустырей не как пространства потери, но как территории возможностей есть логичное практическое применение. Будучи пространствами, куда «уходят» практики, которые не могут быть реализованы в более формальных местах, пустыри, подобно лакмусовым бумажкам, могут проявлять городские проблемы. Получается достаточно парадоксальная идея: пустыри оказываются не столько негативными пространствами, сколько, напротив, пространствами, которые необходимы для понимания городских процессов, дальнейших траекторий развития города. То есть это уже пространства не без функций в городской среде, а пространства с индикативной функцией.

Индикативный потенциал пустоты

Анализ пустот в целях диагностики территории не нов. Ряд исследователей по всему миру уже пользуется этим методом, определяя через привнесенный пользователями функционал пустырей недостатки окружающих пространств. К примеру, городские пустоты рассматриваются как альтернатива общественным пространствам. Многочисленные исследования указывают на то, что подобные пространства вовлекаются в повседневную жизнь горожан. Авторы пишут об их использовании в качестве рекреационных зон, детских площадок, мест для прогулок с домашними животными, занятий спортом, встреч с соседями и т. д. [Brito-Henriques et. al., 2018; Nejman et. al., 2018; Rupprecht et. al., 2014, 2015].

Естественно, описанные практики могут быть реализованы не только на пустыре; более того, сам факт осуществления досуговых практик в подобном пространстве несколько алогичен и заслуживает отдельного внимания. Возникает вопрос: какие именно практики вытесняются и почему? Что «не принимает» город и какова мотивация использования пустырей как не самого очевидного пространства для реализации повседневных практик?

Во-первых, использование заброшенных пространств может свидетельствовать о нехватке общественных пространств, парков и пр. Американский исследователь Л. Платт связывает детские игры на пустующих земельных участках в бедных районах Милуоки, США, в том числе с отсутствием парков в этих районах [Platt, 2012]. Аналогичные выводы получили австралийские географы: пустыри в Брисбене, Австралия, использовались как рекреационные пространства из-за их близости к домам респондентов [Rupprecht, 2014]. Подобная логика прослеживается и в Москве. В самом начале мы привели пример защиты от застройки Нагатинской поймы: аргумент горожан был в том, что заброшенная территория стала рекреационной зоной для жителей близлежащих районов, потому что альтернатив у них не было.

Во-вторых, пустыри могут «бороться» с парками и за право быть природными, зелеными пространствами города. Городские пустоты, стихийно занимаемые растительностью, могут быть «островами» дикой природы в городе. Ряд авторов подчеркивают важность существования подобных городских зон дикой природы (urban wild-

scapes) для развития городских экосистем: повышается видовое разнообразие флоры и фауны, а древесный покров стабилизирует (снижает) температуру воздуха, влияет на удержание ливневых стоков и пр. [Robinson, Lundholm, 2012; Bounthou et al., 2014; Jorgensen, Tylecote, 2007]. Экологическая ценность городских пустот подчеркивается специальным термином, распространенным в американской академической литературе, – «городские прерии», urban prairie [Смирнягин, 2009].

Спонтанность и дикость подобных пространств выгодным образом отличает их от парков, которые на их фоне кажутся фэйковой, ненатуральной природой [Rupprecht, 2015]. Именно ощущение естественности и делает стихийные природные пространства интересными объектами для посещения: это новый, уникальный опыт столкновения с дикой природой, который редко можно получить в городской среде.

В-третьих, городские пустоты – это оппозиция формальным общественным пространствам. Современные британские исследователи очень четко обозначают неформальные пространства как места «социальной передышки» в городе и на примере Лондона раскрывают важность существования городских пустот для бездомных, скейтбордистов, подростков и других групп, зачастую изгоняемых и нежеланных в общественных пространствах остального города [Shaw, Hudson, 2009].

Подобная возможность укрытия от «авторитарного взгляда города» оказывается важной не только для «вытесняемых» сообществ, но и для обычных людей. Важной чертой пустот становится способность самого горожанина вмешиваться в физическое пространство, изменять его. То есть пустыри становятся пространством креативности не только для политиков и девелоперов (в виде потенциала пустой земли под застройку), но и для самих жителей. Так, например, польские авторы связывают присвоение пустырей с возможностью участия самих горожан в создании городского пейзажа [Nejman, 2018]. Организация самодельных рекреационных пространств, «партизанских огородов», превращает пустыри в народную форму общественного пространства.

Пустое на первый взгляд пространство представляет собой пространство фантазии, и нередко пустыри становятся местами реализации культурных практик. Во многом развитие альтернативной городской культуры неотделимо от наличия в городе пустых и заброшенных про-

странств. Эти территории активно присваиваются уличными художниками и музыкантами, становясь открытыми галереями и концертными залами. То есть пустыри становятся своеобразным символом креативного присвоения пространства [Shaw, Hudson, 2009; Kamvasinou, 2019].

Так, например, креативное освоение пустот Берлина стало ресурсом развития города в начале XXI века [Colomb, 2012]. Многие известные бары, ночные клубы и арт-галереи немецкой столицы сформировались из нелегальных предприятий на пустующих участках в 1990-е годы. Исследования, проведенные в 2004–2005 годах, обнаружили, что вакантные земельные участки в Берлине заняты в том числе под коммерческую и торговую деятельность [Overmeyer et al., 2007]. А уличные художники делают эти пространства более заметными, привлекая к ним внимание туристов и делая из пустырей своеобразный бренд города. Более того, в силу истории города пустыри в Берлине становятся не только пространством, куда «уходят» отдельные практики, но и пространством городской памяти [Huysen, 1997]. Будучи обыденным элементом городского ландшафта, пустоты становятся по-своему красивыми, потому что напоминают жителям об истории города.

О превращении пустырей в культурные пространства также интересно рассуждать и на примере Москвы. В 1974 году на одном из пустырей в Беляево, на пересечении улиц Островитянова и Профсоюзной, была проведена нелегальная выставка московских художников-нонконформистов «Бульдозерная выставка». Этот пример максимально ярко иллюстрирует одну из наших базовых концептуальных установок: пустырь – это пространство свободы. Более того, этот же пример можно трактовать как индикативный потенциал пустоты: неконтролируемое пространство «впустило» альтернативную, запрещенную культуру. Акт проведения выставки на пустыре указывает на противопоставление культуры не столько городу, сколько самому политическому режиму.

Фестивали в Москве на пустырях проходят и в современной России. Так, например, в центре Москвы на бывшем пустыре рядом с Пушкинской площадью прошел фестиваль видеоарта. По словам организаторов, это был своеобразный акт окультуривания пространства. Примечательно, что фестиваль видеоарта через некоторое время начал проводиться уже в крытых

галереях, то есть в данном случае пустырь выступил местом для инноваций.

Найденные эмпирические исследования и конкретные примеры использования пустырей коррелируют с теоретическими подходами о ценности городских пустот. Пустыри – и в более общем виде городские пустоты – оказываются не только пространством для будущих трансформаций, но и пространством для реализации фантазий и желаний горожан.

Таким образом, посмотрев на «изнанку» города, на его покинутые пространства, можно многое узнать о нем самом. Изучение пустот становится своеобразным методом «чтения» города. Только в этот раз пустыри – это не маргиналии, поля, обрамляющие городской сюжет, а самостоятельный текст, для которого весь остальной город выступает фоном.

Заключение

Интерес планировщиков и городских жителей к пустырям порождает необходимость академического осмысления феномена. В российской литературе термин «городские пустоты» до настоящего момента в большей степени относился к смысловым разрывам, тогда как мы предлагаем рассматривать пустоту в городе как более широкий концепт.

В настоящей работе мы предприняли попытку систематизировать зарубежные подходы к определению городских пустот. В общем виде мы рассматриваем городскую пустоту как пустоту контроля. Это пространство, которое противопоставлено застроенной и четко спланированной городской среде.

С одной стороны, это пространства, негативно влияющие на окружающую среду и город в целом. Зброшенность пространства способствует активизации не санкционированной деятельности, что может отрицательно влиять на образ района и города в целом. Пустыри с этой точки зрения понимаются как городская проблема, с которой нужно бороться. С другой стороны, новая оптика городских исследований рассматривает их как ценные пространства. Будучи свободными от всевидящего глаза городских властей, пустыри становятся пространствами для жителей, пространствами, где они могут делать что хотят, где могут всецело проявлять свою креативность. Базовая установка «пустырь – это плохо» кажется слишком стигматизирующей. Наличие эмпирических исследований, раскрывающих многообра-

зие практик использования пустырей, только подчеркивает необходимость изучения подобных пространств.

Вопрос в том, насколько благоустройство действительно улучшает территорию, остается открытым. Так, мы можем привести очень резонансный пример парка Горка в Басманном районе Москвы. Территорию в Большом Спасоглинищевском переулке превратили в сквер по инициативе местных жителей. При этом сейчас жители недовольны тем, что в парк приходит проводить время молодежь, которая шумит и мусорит, – в итоге власти решили обнести парк забором. Получается парадоксальная ситуация: пустырь ассоциируется с маргинальными группами, но после благоустройства посетители парка продолжают вести аналогичную деятельность, и это еще больше начинает раздражать местных жителей.

Подобные примеры только подчеркивают сложность такого городского явления, как пустырь. Это пространство, которое требует дальнейшего анализа и освещения в академических кругах. Городские пустоты – это *terra incognita*, и их нельзя воспринимать как ошибку; подобные неопределенные пространства надо изучать и развивать их потенциал. Тем более что у пустырей есть индикативная функция, и по тому, какие практики там реализуются, можно сделать выводы о состоянии окружающих их территорий.

Источники

- Алексеевский М.Д. (2015) Прикладная городская антропология // Управление развитием территории. Режим доступа: <https://urtmag.ru/public/493/> (дата обращения: 24.03.2020).
- Главный архитектор столицы: Диснейленда в Москве не будет (2013) РБК интернет-газета. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/29/04/2013/570407c69a7947fcbd448736> (дата обращения: 24.03.2020).
- Народные парки появятся на месте пустырей и промзон в рамках программы реновации (2017) Недвижимость РИА Новости. Режим доступа: <https://realty.ria.ru/20170617/408680302.html> (дата обращения: 24.03.2020).
- Новиков А., Серова Е. Самопознание города // Археология периферии, 2013. 534 с.
- Остановите застройку Нагатинской поймы Москвы-реки (2016) Петиция. Режим доступа: <https://www.change.org/p/> (дата обращения: 24.03.2020).
- Смирнягин Л.В. (2009) Город в страноведческой характеристике. Сент-Луис // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Т. 18. С. 24–45.
- Филлипов А. (2009) Пустое и наполненное: трансформация публичного пространства // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 16–30.

- Шёнле А. (2009). Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад // Новое литературное обозрение. № 1. С. 24–38.
- Adams D., Watkins C. (2008) Greenfields, Brownfields and Housing Development. New York, NY: John Wiley & Sons.
- Akkerman A., Cornfeld A.F. (2010) Greening as an Urban Design Metaphor: Looking for the City's Soul in Leftover Spaces // The Structurist. Vol. 49. No. 50. P. 30–35.
- Armstrong H. (2008) Time, Dereliction and Beauty: An Argument for «Landscapes of Contempt» // The Landscape Architect, IFLA Conference Papers. P. 116–127.
- Berger A. (2006) Drosscape: Wasting Land Urban America. New York, NY: Princeton Architectural Press.
- Bonthoux S. et al. (2014) How Can Wastelands Promote Biodiversity in Cities? A Review // Landscape and Urban Planning. Vol. 132. P. 79–88.
- Breger G.E. (1967) The Concept and Causes of Urban Blight // Land Economics. Vol. 43. No. 4. P. 369–376.
- Brito-Henriques E., Morgado P., Cruz D. (2018) Morfologia da cidade perfurada: padrões espaciais de ruínas e terrenos vacantes em cidades portuguesas // Finisterra-Revista Portuguesa de Geografia. Vol. 108. P. 111–133.
- Brighenti A.M. (2016) Urban Interstices: The Aesthetics and the Politics of the In-Between. London: Routledge.
- Clément G. et al. (2004) Manifeste du Tiers paysage. Paris: Sujet/Objet.
- Colomb C. (2012) Pushing the Urban Frontier: Temporary Uses of Space, City Marketing, and the Creative City Discourse in 2000s Berlin // Journal of Urban Affairs. Vol. 34. No. 2. P. 131–152.
- Cupers K., Miessen M. (2013) Spaces of Uncertainty. Wuppertal: Müller und Busmann, 2002.
- de Solà-Morales I. Terrain vague // Terrain Vague. London: Routledge. P. 38–44.
- Di Palma V. (2014) Wasteland, A History. New Haven and London: Yale University Press.
- Doron G.M. (2000) The Dead Zone and the Architecture of Transgression // City. Vol. 4. No. 2. P. 247–263.
- Franck K., Stevens Q. (2006) Loose Space: Possibility and Diversity in Urban Life. London: Routledge.
- Goldstein J., Jensen M., Reiskin E. (2001) Urban Vacant Land Redevelopment: Challenges and Progress. Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy.
- Greenberg M.R., Popper F.J., West B.M. (1990) The TOADS: A New American Urban Epidemic // Urban affairs quarterly. Vol. 25. No. 3. P. 435–454.
- Guyer J.I. (2011) Describing Urban “No Man’s Land” in Africa // Africa. Vol. 81. No. 3. P. 474–492.
- Hoimigo P., Morita T. Urban Gaps: Problems and Opportunities in Urban Design Analysis of Gaps Originated by Elevated Railways // Journal of Asian Architecture and Building Engineering. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 181–188.

- Huysen A. (1997) *The Voids of Berlin*//Critical inquiry. Vol. 24. No. 1). P. 57-81.
- Jackson J.B. (1980) *The Necessity for Ruins, and Other Topics*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press.
- Jorgensen A., Tylecote M. (2007) *Ambivalent Landscapes—Wilderness in the Urban Interstices*//Landscape Research. Vol. 32. No. 4. P. 443-462.
- Kamvasinou K. (2019) *Documenting Interim Spaces as 21st Century Heritage*//AMPS Proceedings Series. Vol. 15. No. 1. P. 92-100.
- Kivell P. (2002) *Derelict and Vacant Land*//Applied Geography: Principles and Practice. London: Routledge.
- Lefebvre H. (1996) *The Right to the City*//Writings on Cities. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers.
- Lerup L. (1994) *Stim & Dross: Rethinking the Metropolis*//Assemblage. No. 2. P. 82-101.
- Maruani T., Amit-Cohen I. (2007) *Open Space Planning Models: A Review of Approaches and Methods*//Landscape and urban planning. Vol. 81. No. 2. P. 1-13.
- Nabarro R., Richards D.A., Chapman H. (1980) *Wasteland: A Thames Television Report*. Thames Television Limited.
- Nejman R. et al. (2018) *The Right to Wild. Green Urban Wasteland in the Context of Urban Planning*//Urban Development Issues. Vol. 59. No. 1. P. 43-53.
- Newman G. et al. (2018) *Vacant Urban Areas: Causes and Interconnected Factors*//Cities. Vol. 72. P. 421-429.
- Nielsen T. (2002) *The Return of the Excessive: Superfluous Landscapes*//Space and culture. Vol. 5. No. 1. P. 53-62.
- Overmeyer K. et al. (eds) (2007) *Urban Pioneers: Temporary Use and Urban Development in Berlin*. Berlin: Jovis.
- Pagano M.A., Bowman A.O.M. (2000) *Vacant Land in Cities: An Urban Resource*. Washington DC: Brookings Institution, Center on Urban and Metropolitan Policy.
- Platt L. (2012) *Parks Are Dangerous and the Sidewalk Is Closer: Children's Use of Neighborhood Space in Milwaukee, Wisconsin*//Children Youth and Environments. Vol. 22. No. 2. P. 194-213.
- Robinson S.L., Lundholm J.T. (2012) *Ecosystem Services Provided by Urban Spontaneous Vegetation*//Urban Ecosystems. Vol. 15. No. 3. P. 545-557.
- Rupprecht C.D.D., Byrne J.A. (2014) *Informal urban greenspace: A typology and trilingual systematic review of its role for urban residents and trends in the literature*//Urban Forestry & Urban Greening. Vol. 13. No. 4. P. 597-611.
- Rupprecht c.d.d. et al. (2015) *"It's Real, Not Fake Like a Park": Residents' Perception and Use of Informal Urban Green-Space in Brisbane, Australia and Sapporo, Japan*//Landscape and Urban Planning. Vol. 143. P. 205-218.
- Schilling J., Logan J. (2008) *Greening the Rust Belt: A Green Infrastructure Model for Right Sizing America's Shrinking Cities*//Journal of the American Planning Association. 2008. Vol. 74. No. 4. P. 451-466.
- Shaw P., Hudson J. (2009) *The Qualities of Informal Space: (Re) Appropriation Within the Informal, Interstitial Spaces of the City*//Proceedings of the Conference Occupation Negotiations of the Constructed Space. P. 1-13.
- Trancik R. (1986) *Finding Lost Space: Theories of Urban Design*. New York, NY: John Wiley & Sons.
- Tonnellat S. (2008) *Out of Frame' the (in) Visible Life of Urban Interstices—A Case Study in Charenton-Le-Pont, Paris, France*//Ethnography. Vol. 9. No. 3. P. 291-324.

Kirill A. Puzanov, Candidate of Geological Sciences, Associate Professor, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University, 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: kpuzanov@hse.ru

Daria O. Shubina, Master in Urban Planning, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University; Project Leader, DOM.RF, 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: dshubina2403@gmail.com

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, cities in the Komi Republic experienced depopulation, particularly in the northern mining-dependent part of the region. This article examines the development strategies implemented by local governments in the shrinking cities of the Komi Republic to address population decline. Through quantitative analysis of population growth rates of all cities in the region, we identified nine continuously shrinking cities between 1989 and 2021 and one episodically shrinking city between 2010 and 2021. Empirically, the study is based on the analysis of sixteen official documents, including eight socio-economic development strategies and eight general plans. The results reveal diversity in cities' approaches to the population decline. Despite the centralized governance and limited municipal autonomy in Russia, cities in the Komi Republic employ various adaptation-to-shrinkage models. Additionally, there are noted conflicts between strategic planning and spatial planning documents, particularly regarding population forecasts and housing sector development. The analysis indicates that local governments often acknowledge depopulation in socio-economic development strategies more readily than in general plans. Therefore, the issue is not necessarily an overall neglect of shrinkage but rather a denial of this phenomenon, predominantly within territorial planning.

Key words: urban voids; wastelands; urban planning; social control

Citation: Puzanov K.A., Shubina D.O. (2023) Risks and Potentials of Urban Voids? *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 2, pp. 69-79. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp82202369-79> (in Russian)

References

- Adams D., Watkins C. (2008) Greenfields, Brownfields and Housing Development. New York: John Wiley & Sons.
- Akkerman A., Cornfeld A.F. (2010) Greening as an Urban Design Metaphor: Looking for the City's Soul in Leftover Spaces. *The Structurist*, vol. 49, no 50, pp. 30-35.
- Alexeevsky M.D. (2015) Prikladnaya gorodskaya antropologiya [Applied Urban Anthropology]. *Upravlenie razvitiem territorii* [Spatial Development Management], July 6. Available at: <https://urtmag.ru/public/493/>. (accessed March 24, 2020). (in Russian)
- Armstrong H. (2006) Time, Dereliction and Beauty: An Argument for "Landscapes of Contempt." The Landscape Architect, IFLA Conference Papers, pp. 116-127.
- Berger A. (2006) Drosscape: Wasting Land Urban America. New York, NY: Princeton Architectural Press.
- Bonthoux S. et al. (2014) How Can Wastelands Promote Biodiversity in Cities? A Review. *Landscape and Urban Planning*, vol. 132, pp. 79-88.
- Breger G.E. (1967) The Concept and Causes of Urban Blight. *Land Economics*, vol. 43, no 4, pp. 369-376.
- Brito-Henriques E., Morgado P., Cruz D. (2018) Morfologia da Cidade Perfurada: Padrões Espaciais de Ruínas e Terrenos Vacantes em Cidades Portuguesas. *Finisterra-Revista Portuguesa de Geografia*, vol. 108, pp. 111-133.
- Brighenti A.M. (2016) Urban Interstices: The Aesthetics and the Politics of the In-Between. London: Routledge.
- Clément G. et al. (2004) Manifeste du Tiers Paysage [Third Landscape Manifesto]. Paris: Sujet/Objet.
- Colomb C. (2012) Pushing the Urban Frontier: Temporary Uses of Space, City Marketing, and the Creative City Discourse in 2000s Berlin. *Journal of Urban Affairs*, vol. 34, no 2, pp. 131-152.
- Cupers K., Miessen M. (2002) Spaces of Uncertainty. Wuppertal: Müller und Busmann.
- de Solà-Morales I. (2013) Terrain Vague. London: Routledge, pp. 38-44.
- Di Palma V. (2014) Wasteland, A History. New Haven and London: Yale University Press.
- Doron G.M. (2000) The Dead Zone and the Architecture of Transgression. *City*, vol. 4, no 2, pp. 247-263.
- Fillipov A. (2009) Pustoye i nepolnennoye: transformatsiya publichnogo prostranstva [Empty and Filled: Transformation of Public Space]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], vol. 8, no 3, pp. 16-30. (in Russian)
- Franck K., Stevens Q. (2006) Loose Space: Possibility and Diversity in Urban Life. London: Routledge.
- Glavnyy arkhitekter stolitsy: Disneylend v Moskve ne budet [Chief Architect of the Capital: There Will Be No Disneyland in Moscow] (2013) *RBC internet-gazeta* [RBC Internet Newspaper]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/29/04/2013/570407c69a7947fcb448736>. (accessed 24 March 2020). (in Russian)
- Goldstein J., Jensen M., Reiskin E. (2001) Urban Vacant Land Redevelopment: Challenges and Progress. Cambridge, MA: Lincoln Institute of Land Policy.
- Greenberg M.R., Popper F.J., West B.M. (1990) The TOADS: A New American Urban Epidemic. *Urban Affairs Quarterly*, vol. 25, no 3, pp. 435-454.
- Guyer J.I. (2011) Describing Urban 'No Man's Land' in Africa. *Africa*, vol. 81, no 3, pp. 474-492.
- Horrego P., Morita T. (2004) Urban Gapspace: Problems and Opportunities in Urban Design Analysis of Gapspace Originated by Elevated Railways. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*, vol. 3, no 1, pp. 181-188.
- Huyssen A. (1997) The Voids of Berlin. *Critical Inquiry*, vol. 24, no 1, pp. 57-81.
- Jackson J.B. (1980). The Necessity for Ruins, and Other Topics. Amherst, MA: University of Massachusetts Press.
- Jorgensen A., Tylecote M. (2007). Ambivalent Landscapes - Wilderness in the Urban Interstices. *Landscape Research*, vol. 32, no. 4, pp. 443-462.
- Kamvasinou K. (2019). Documenting Interim Spaces as 21st Century Heritage. *AMPS Proceedings Series*, vol. 15 no. 1, pp. 92-100.
- Kivell P. (2002). *Derelict and vacant land*. Applied Geography: Principles and Practice. London: Routledge.
- Lefebvre H. (1996). The right to the city. *Writings on Cities*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers.
- Lerup L. (1994). Stim & Dross: Rethinking the Metropolis. *Assemblage*, no 2, pp. 82-101.

- Maruani T., Amit-Cohen I. (2007). Open Space Planning Models: A Review of Approaches and Methods. *Landscape and Urban Planning*, vol. 81, no 2, pp. 1-13.
- Nabarro R., Richards D.A., Chapman H. (1980). *Wasteland: A Thames Television Report*. Thames Television Limited.
- Nejman R., et al. (2018). The Right to Wild. Green Urban Wasteland in the Context of Urban Planning. *Urban Development Issues*, vol. 59, no 1, pp. 43-53.
- Newman G., et al. (2018). Vacant Urban Areas: Causes and Interconnected Factors. *Cities*, vol. 72, pp. 421-429.
- Nielsen T. (2002). The Return of the Excessive: Superfluous Landscapes. *Space and Culture*, vol. 5, no 1, pp. 53-62.
- Overmeyer K., et al. (eds) (2007). *Urban Pioneers: Temporary Use and Urban Development in Berlin*. Berlin: Jovis.
- Pagano M.A., Bowman A.O. M. (2000). *Vacant Land in Cities: An Urban Resource*. Washington DC: Brookings Institution, Center on Urban and Metropolitan Policy.
- Platt, L. (2012). Parks Are Dangerous and the Sidewalk Is Closer: Children's Use of Neighborhood Space in Milwaukee, Wisconsin. *Children Youth and Environments*, vol. 22, no 2, pp. 194-213.
- Robinson S.L., Lundholm J.T. (2012). Ecosystem Services Provided by Urban Spontaneous Vegetation. *Urban Ecosystems*, vol. 15, no 3, pp. 545-557.
- Rupprecht C.D. D., Byrne J.A. (2014). Informal urban greenspace: A typology and trilingual systematic review of its role for urban residents and trends in the literature. *Urban Forestry & Urban Greening*, vol. 13, no. 4, pp. 597-611.
- Rupprecht C.D. D., et al. (2015). "It's Real, Not Fake Like a Park": Residents' Perception and Use of Informal Urban Green-Space in Brisbane, Australia and Sapporo, Japan. *Landscape and Urban Planning*, no. 143, pp. 205-218.
- Narodnye parki poiavyatsya na meste pustyre i promzon v ramkakh programmy renovatsii [Public Parks Will Appear on Vacant Lots and Industrial Zones as Part of Renovation Program] (2017) *RIA Novosti Nedvizhimost' internet-gazety* [RIA Novosti Real Estate Internet Newspaper]. Available at: <https://realty.ria.ru/20170617/408680302.html>. (accessed 24 March 2020). (in Russian)
- Novikov A., Serova E. (2013) *Samopoznanie goroda* [Self-Awareness of the City]. *Arkhologiiya periferii* [Archaeology of the Periphery]. Moscow: Moscow Urban Forum. (in Russian)
- Ostanovite zastroiku Nagatinskoy pomy Moskv-reki [Stop the Development of the Nagatinskaya Floodplain of the Moscow River] (2016) *Petitsiya* [Petition]. Available at: <https://www.change.org/p/> (accessed 24 March 2020). (in Russian)
- Schilling J., Logan J. (2008) Greening the Rust Belt: A Green Infrastructure Model for Right Sizing America's Shrinking Cities. *Journal of the American Planning Association*, vol. 74, no 4, pp. 451-466.
- Shaw P., Hudson J. (2009) The Qualities of Informal Space: (Re)appropriation within the Informal, Interstitial Spaces of the City. *Proceedings of the Conference Occupation Negotiations of the Constructed Space*, pp. 1-13.
- Shonle A. (2009) Apology of Ruin in the Philosophy of History: Providentialism and Its Decay//Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], no 1, pp. 24-38.
- Smirnyagin L.V. (2009) Gorod v stranovedcheskoy kharakteristike. Sent-Luis [The City in the Country Study Description. St. Louis]. *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnykh stran* [Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries], vol. 18, pp. 24-45. (in Russian)
- Trancik R. (1986) *Finding Lost Space: Theories of Urban Design*. New York, NY: John Wiley & Sons.
- Tonnelat S. (2008) 'Out of Frame' The (In)visible Life of Urban Interstices—A Case Study in Charenton-le-Pont, Paris, France. *Ethnography*, vol. 9, no 3, pp. 291-324.

Музыкальная география и понятие «музыкальный ландшафт»: подходы к исследованию музыки в пространстве города¹

Александра Колесник

Введение

Для гуманитарных и социальных наук вторая половина XX века стала периодом методологических нововведений, или «поворотов». Начиная с 1980-х годов наряду с «визуальным» («иконическим» или «пикториальным») поворотом, интересом к визуальной культуре, а вместе с этим к концептам и понятиям, связанным с изучением визуального («образ», «репрезентация», «изображение»), ученые стали говорить о «пространственном» повороте и присутствии в современных исследованиях осо-

1. Исследование проведено в рамках гранта РНФ № 22-28-02064 «Особенности дискурса национальной/гражданской идентичности в in-between пространствах «иммигрантских» сообществ (на материалах «британских мусульман» в современной Великобритании)», под руководством Д. Н. Караваева.

Колесник Александра Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1.
E-mail: aleksa-kolesnik@yandex.ru

Музыкальная география как часть культурной географии начала формироваться в 1970-е годы и существенно трансформировалась в 1990-е годы. Одним из ключевых в поле музыкальной географии является понятие «музыкальный ландшафт», которое описывает репрезентации городского пространства в творчестве конкретного исполнителя или музыкальной группы и создаваемую ими «эмоциональную географию», отсылающую к локальной специфике конкретных мест и регионов. В то же время музыкальный ландшафт охватывает действия горожан, пользователей и музыкальных фанатов, направленные на рецепцию музыки в городе. В данной статье будет рассмотрена специфика современного поля музыкальной географии главным образом в США и Великобритании. Отдельное внимание будет уделено новой культурной географии и понятию «культурный ландшафт», которое существенно повлияло на понимание природы и особенностей звука и музыкальных ландшафтов в современном мире.

Ключевые слова: новая культурная география; музыкальная география; культурный ландшафт; музыкальный ландшафт

Цитирование: Колесник А. С. (2023) Музыкальная география и понятие «музыкальный ландшафт»: подходы к исследованию музыки в пространстве города // Городские исследования и практики. Т. 8. № 2. С. 80–91. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp822023080-91>

бого внимания к географии и природе. Влияние «географического» мышления и выстраивание связей между природой и человеком, природой и культурой, природой и социальными группами можно найти в разных социальных и гуманитарных науках: от истории и философии до литературоведения и современных культурных исследований. Как отмечают исследователи [Duncan, Johnson, Schein, 2004, p. 1–2], такой пространственно-географический сдвиг в методологии в небольшой степени связан с бурным развитием новой дисциплины – новой культурной географии (*new cultural geography*), которая, с одной стороны, провела ревизию существующих направлений в географии и способствовала ее повороту к культуре, с другой – существенно обогатила язык и концептуальный аппарат современных социальных и гуманитарных наук.

Не стали исключением и исследования музыки и музыкальных культур. Начавшееся еще в 1970-е годы формирование музыкальной географии как академической дисциплины было связано как с бурным развитием индустрии популярной музыки, так и попыткой проблематизировать развитие музыки в пространственных контекстах. Существенная трансформация поля в 1980-е годы происходила под влиянием идей и концепций, предложенных в рамках новой культурной географии, и касалась изменения подходов к изучению локализации музыки и связи между музыкальными культурами и городскими пространствами.

В данной статье будет рассмотрена специфика исследовательского поля музыкальной географии, получившей наибольшее развитие в США и Великобритании. Переосмысляя природу звука и пространственные особенности музыки, музыкальная география поставила новые вопросы относительно того, как устроены и как следует развивать городские музыкальные ландшафты. Особое внимание будет уделено исследованиям музыкальной географии североанглийских городов, столкнувшихся в 1980-е годы с кризисом деиндустриализации.

Новая культурная география и понятие «культурный ландшафт»

Несмотря на то что новая культурная география получила развитие только во второй половине XX века, ее становление тесно связано с французской школой географии человека и немецкой школой ан-

тропогеографии, сформировавшимися в XIX веке, а также гуманистической географией, возникшей в начале XX века. Появление гуманистической географии (*humanistic geography*) было обусловлено работой двух американских географов – Карла Ортвина Зауэра и Джона Кертлэнда Райта, которые радикально пересмотрели не только само предметное поле географии, но и методы исследования географов. В течение первой половины XX века Карл Зауэр и его ученики в так называемой «школе Беркли», изучая культурные и социальные ландшафты, взаимоотношения человека и окружающей среды, материальную культуру и природу, поставили ряд важных вопросов о новой интерпретации устоявшегося в географии понимания природы и человека, предложив понятие «культурный ландшафт» [Новиков, 1993, с. 84–85].

Впервые это понятие было введено в научный оборот немецким философом Отто Шлютером еще в 1911 году, но получило осмысление, прежде всего, в исследованиях Карла Зауэра. В работе «Морфологии ландшафта» (*The Morphology of Landscape*) (1925) Зауэр развивал идею о том, что помимо физических характеристик местности следует обращать внимание на то, как эта местность постоянно «про(пере)живается» (*experience*) разными социальными группами, что способствует формированию множества разнообразных представлений о ней в культуре [Denevan, Mathewson, 2009, p. 106]. На протяжении истории, как утверждал Зауэр, одно и то же земное пространство представлялось и интерпретировалось по-разному, примером чего служат записки путешественников и исследователей в разное время [Ibid., p. 99–100]. Социальные изменения также влияют на трансформацию представлений о пространстве, что может найти свое выражение в различных аспектах общественной жизни – языке, религии, искусстве. Таким образом, *культурный ландшафт* местности – понятие очень подвижное, подверженное постоянному переопределению.

Дж. Райт, напротив, интересовался, прежде всего, самим человеком, его деятельностью и инструментами трансляции знания о человеке. Большую известность принесли Райту выдвинутый им проект *геософии* как нового направления географии человека, а также его подходы к изучению истории географии и культурных ландшафтов. Райт развивал программу исследования поведения человека и его вос-

приятия мира, которая включала изучение соотношений реального и воспринимаемого человеком пространства. То, как человек представляет и воображает (реальное) пространство, представлялось Райту основным предметом геософии и гуманитарной географии [Wright, 1966].

Новая культурная география как отдельное направление социальных и гуманитарных наук возникла в 1980-е годы и быстро заняла прочные позиции в большинстве научных центров Европы и США. Ученые поставили под сомнение преобладающее в «школе Беркли» К. Зауэра понятие культуры как вещественной составляющей культурного ландшафта. Заимствуя наработки современных культурных, расовых, гендерных и постколониальных исследований, исследователи пересмотрели содержание понятия культуры, которая стала пониматься как совокупность *репрезентаций*, опосредующих конструирование социальных значений [Уваров, 2011, с. 6–7]. В новом поле продолжилось изучение таких классических для гуманитарной географии тем, как морфология ландшафта [Shortridge, 1980], география народной культуры [Carney, 1980], культурные «очаги» [Jackson, 1980] и диффузия культуры [Bastian, 1980]. Однако в рамках изучения взаимоотношений человека и окружающей среды новые культурные географы обратились к вопросу о том, как создается и понимается природа в различных обществах. Рассматривая природу в тесной связи с культурой, новая культурная география стала той дисциплиной, которая поставила цель переосмыслить природу и политики, связанные с социальным конструированием и интерпретацией окружающей среды [Jacobs, 1996; Wolch, Emel, 1998; Castree, Braun, 2001; Whatmore, 2002].

Новая культурная география проблематизирует пространство как социальный конструкт, результат экономического и культурного производства [Duncan, 1980, p. 189]. Ее задачи, прежде всего, включают внимание к субъективным голосам подавляемых групп (*subalterns*) и их культурной специфике в контексте детерриториализации разных пространств, связанной с изменениями государственных границ, деколонизацией и постколониальным переустройством, отчуждением и маргинализацией определенных территорий, др. [Ley, Samuels, 1978; Duncan, Duncan, 1988; Doel, 1995]. Так, при изучении расовых и этнических принадлежностей в исторических и современных контекстах внима-

ние исследователей переключилось с пространственной организации на конструирование, репрезентацию и интерпретацию понятия «раса», которое опосредуется через физическое и символическое пространство [Jackson, 1987; Anderson, 1988]. Феминистские географы также оказали заметное влияние на современную культурную географию, подчеркнув преобладание исключительно «мужской перспективы» в изучении ландшафтов и других культурных явлений [Rose, 1993; Nash, 1996].

Следует отметить, что не только реальное физическое пространство оказывается объектом исследования. Новые культурные географы, вслед за Дж. Райтом, работают с воображаемыми пространствами – визуальными образами в кинематографе и живописи, маршрутами и топографией литературных и музыкальных произведений, локациями компьютерных игр. Так, Дж. Баррелл изучает ландшафты трех художников XVIII века в качестве индикаторов изменения современных представлений о социальном классе [Barrell, 1980], а К. Вулф рассматривает роль романтических и вызывающих воспоминаний аллюзий на конкретные места у поэтов ирландского литературного возрождения в укреплении растущего культурного и политического национализма в Ирландии в начале XX века [Wolfe, 1981].

Ключевым в новой культурной географии стало понятие *культурного ландшафта*, заимствованное у Зауэра, но значительно расширенное новыми теоретическими подходами (прежде всего, антропологическим и методами культурных исследований). Следует выделить несколько ключевых проблемных подходов к определению культурного ландшафта. Прежде всего, это рассмотрение культурного ландшафта как части современной экономической системы. Географ Д. Харви определяет «искусственную среду» как «географически упорядоченный, сложный, составной товар» [Harvey, 1982, p. 233], который «фиксируется» в пространстве в отличие от многих других товаров, циркулирующих более свободно. Такая среда, продолжает Харви, «функционирует как обширная, созданная человеком система ресурсов, которые могут быть использованы для производства, обмена и потребления» [Ibid.].

Во-вторых, культурный ландшафт рассматривается как физическое воплощение социального порядка. Он работает нормативно как материализация социальных отношений [Lefebvre, 1991]. Таким образом,

постройки в конкретном физическом пространстве и формирующиеся вокруг них социальные отношения определяют культурный ландшафт как нормативную систему.

В-третьих, культурный ландшафт рассматривается как важный элемент конструирования идентичностей (и прежде всего национальных идентичностей [Daniels, 1993; Morley, Robins, 1995; Matless, 1998]) и чувства принадлежности к месту. Люди формируют аффективную идентификацию с той территорией, на которой они живут, и часто стремятся – иногда насильственно – защищать свои «ландшафты» от воспринимаемых угроз и нападений со стороны, выдворяя с территории физически или символически неугодных «обитателей» (как следствие, можно говорить о феноменах аутсайдерства и инсайдерства). Более того, часто именно через оспаривание места или территории происходит формирование разных сообществ, демонстрирующих свою привязанность к конкретному месту и, соответственно, свою локальную, региональную или же национальную идентичность. Так, Дж. Нэвинс рассматривает пограничный ландшафт вдоль границы США и Мексики, который включает сложную историю и систему пограничной политики, но и особые способы репрезентации американского национализма (посредством национальных американских образов, противопоставленных мексиканской стороне) [Nevens, 2001].

Уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов на основе новой культурной географии начали появляться новые направления, сфокусированные на изучении разных культурных форм и специфики формирования в них культурных ландшафтов. Музыкальная география – одно из относительно новых направлений новой культурной географии, которая получила широкое развитие в 1990-е годы.

Музыкальная география и пространственное определение музыки

Музыкальная география как часть культурной географии начала формироваться еще в 1970-е годы, сначала в США и позже – в Великобритании. Если ранее исследование пространственных представлений в западной музыке носило преимущественно дескриптивный характер и было сфокусировано на сборе и классификации музыкального фольклора, то 1970-е годы,

по замечанию географа Джорджа Карни, стали «золотым периодом» в развитии музыкальной географии [Carney, 1990, p. 35]. Ключевым фактором формирования культурной географии стало появление и бурное развитие популярной музыки в 1960-е годы.

Дж. Карни выделяет несколько ключевых моментов в определении поля музыкальной географии [Carney, 1998]. Прежде всего, исследователь отмечает доклад «Музыкальные регионы и региональная музыка» географа Питера Нэша из Университета Ватерлоо, который он представил на 21-м Международном географическом конгрессе в Нью-Дели (Индия) в 1968 году [Nash, 1968]. В докладе впервые были поставлены вопросы, во-первых, регионального развития музыкальных рынков; во-вторых, региональной и локальной специфики звучания разных музыкальных жанров. В 1970 году в Университете Пенсильвании Джеффри Гордоном была защищена первая магистерская диссертация в области музыкальной географии на тему «Рок-н-ролл: исследование распространения» («Rock-and-Roll Music: A Diffusion Study»), в которой было представлено исследование музыкальных чартов начиная с 1960-х годов, с целью выявления музыкальных центров в США. В следующем году географ из Университета Орегона Ларри Форд опубликовал первую статью по музыкальной географии, посвященную региональным и локальным контекстам в истории формирования и развития рок-н-ролла [Ford, 1971]. Важным фактором институционализации поля музыкальной географии стало то, что статья Дж. Карни «Блюграсс растет повсюду: пространственные измерения стиля музыки кантри» [Carney, 1974] была удостоена премии Съезда Национального совета по географическому образованию. Наконец, в конце 1980-х и в 1990-е годы были опубликованы две знаковые работы, посвященные музыкальной географии, – «Звуки людей и мест: география американского фолка и популярной музыки» под редакцией Джорджа Карни [Carney, 1987] и «Место музыки» под редакцией Эндрю Лейшона, Дэвида Матлесса и Джорджа Ревилля [Leyshon, Matless, Revill, 1998].

На первом этапе большинство исследований было сфокусировано на американской фолк-музыке и популярной музыке, хотя уже с конца 1960-х годов начали выходить работы о глобальной регионализации музыкальной индустрии [Nash, 1968], о локальных особенностях латиноамери-

канской [Tavenor, 1970], новозеландской [McLeay, 1994], сингапурской [Kong, 1995; Kong, 1996] музыки, музыкальных фестивалей в Израиле [Waterman, 1998] и др. Исследователи обращались, прежде всего, к следующим категориям «музыкального»: музыкальные стили, структура музыкальной индустрии, тексты песен, музыкальные концерты, музыкальные центры и инвентаризация музыкальной индустрии, медиа и музыка, музыкальные инструменты. Карни отмечает, что в конце 1990-х годов более половины исследований были сфокусированы на американской кантри-музыке в более широком культурном, географическом и историческом контекстах, в то время как исследования рок-музыки составляют только около 20% (остальные 30% занимали исследования, посвященные джазу, блюзу, госпелам и поп-музыке) [Carney, 1998, p. 4].

Опираясь на наблюдения Карни, можно выделить несколько основных направлений музыкальной географии во второй половине XX века:

1. Выявление музыкальных центров и музыкальных регионов, а также объяснение такой локальной и региональной специфики музыкальной индустрии и музыкальных сцен. Например, «локальные» поджанры кантри-музыки в Латинской Америке, особое ямайское регги, турецкий хеви-метал или французский хип-хоп.
2. Влияние места/региона на специфическое звучание отдельных музыкальных жанров. Например, бибоп как особое культурное явление 52-й улицы в Нью-Йорке в 1940-е годы; понятие «ливерпульский звук», которое используется для характеристики бит-рока 1960-х годов; «манчестерский звук» как общее понятие для описания альтернативных музыкальных сцен в Манчестере 1980-х годов; «североамериканский гранж» как особое направление рок-музыки, локализованное преимущественно в Сиэтле в 1990-е годы; и многое другое.
3. Происхождение и распространение музыкальных явлений (например, появление кантри и блюза в дельте Миссисипи и распространение этой музыки странствующими музыкантами в Чикаго).
4. Транснационализация музыки, то есть распространение музыки по всему миру посредством культурного обмена, продажи/обмена музыкальными дисками и кассетами, а также культурное зна-

чение этого явления. Например, в 1950-е годы с популярностью рок-н-ролла во многих европейских странах появляются свои аналоги Элвиса Пресли (как Билли Фьюри в Англии или Джонни Холлидей во Франции).

5. Символическое влияние музыки на формирование «места» и «культурного ландшафта» – образа и атмосферы места. Например, нередко в текстах песен упоминаются те или иные города и места, которые в дальнейшем начинают описываться музыкантами, слушателями, журналистами через музыку. Так, несколько песен, ставшие популярными в 1960-е годы, например песня «California Dreamin'» американской фолк-группы The Mamas & The Papas (1966) и песня «San Francisco (Be Sure to Wear Flowers in Your Hair)» американского фолк-исполнителя Скотта Маккензи (1967) оказались одними из ключевых характеристик движения хиппи и так называемого «лета любви» – масштабной серии хиппи-фестивалей, прошедших в Сан-Франциско в 1967 году.
6. Пространственная организация музыкальной индустрии – например, определение политики радиовещания для разных регионов; появление региональных и локальных рекорд-лейблов, которые специально создаются мейджор-лейблами (крупными звукозаписывающими компаниями, контролирующими большинство музыкальных лейблов в мире).
7. «Взаимоотношения» музыки и окружающей среды в широком смысле. С одной стороны, рассматриваются случаи использования природных материалов для улучшения акустики помещения или эксперимента со звучанием (как, например, при строительстве некоторых концертных залов или музыкальных клубов). С другой стороны, внимание обращается в целом на проблематизацию звука как природного явления, а также на то, как звукоусиление и использование звуковых эффектов искажает это звучание. В то же время в музыке нередко случаи имитации природного звучания посредством электронных музыкальных инструментов.
8. Репрезентация национальных и антинациональных образов в музыке. Например, использование национальной символики (флаги, элементы британской военной формы, а также визуальные отсылки к английскому мюзик-холлу)

музыкантами «британской волны» The Beatles, The Rolling Stones, The Kinks и др. способствовало созданию образа особого, английского, направления в рок-н-ролле и демонстрации «английскости» в популярной музыке 1960-х годов.

9. Кросс-культурные пересечения между музыкой и другими культурными формами в их региональной специфике (например, очень тесное культурное взаимодействие рок-музыки и футбольной культуры в странах Латинской Америки или музыки, мультфильмов анимэ и литературы манги в Японии).

Перечисленные выше направления сегодня принято относить к американской школе музыкальной географии, которая в большей степени сосредоточена на изучении вопросов возникновения и распространения тех или иных музыкальных стилей и жанров, формирования музыкальных регионов и функционирования различных музыкальных центров.

В противопоставлении американской школе с начала 1990-х годов стала складываться британская школа музыкальной географии. Толчком послужила конференция «Место музыки» (The Place of Music), которая прошла в 1993 году в Университетском колледже Лондона и по итогам которой в 1995 и 1998 годах были выпущены несколько сборников под редакцией Эндрю Лейшона, Дэвида Мэтлесса и Джорджа Ревилла [Leyshon, Matless, Revill, 1995; Leyshon, Matless, Revill, 1998]. Представители британской школы отошли от изучения преимущественно особенностей формирования музыкальных стилей и жанров в разных регионах (главным образом США) и в большей степени сосредоточились на изучении *музыкальных ландшафтов*.

Понятие «музыкальный ландшафт», возникшее как производное от понятия «культурный ландшафт», определяет разные способы формирования и существования музыкальных культур в конкретных местах и пространствах, а также репрезентации места непосредственно в популярной музыке (в текстах, музыкальных обложках, сценических образах). Через понятие «музыкальный ландшафт» тем самым исследователи стремились увидеть и изучить то, как пространство влияет на развитие музыки, и наоборот [Crafts, Cavicchi, Keil, 1993; Johansson, Bell, 2009; Cohen, Kronenburg, 2018]. С одной стороны, понятие «музыкальный ландшафт» включает репрезентации городского пространства

в творчестве конкретного исполнителя или музыкальной группы и создаваемую ими «эмоциональную географию» [Smith, 2001], отсылающую к локальной специфике конкретных мест и регионов (например, в кантри-музыке). С другой стороны, «музыкальный ландшафт» охватывает действия горожан, пользователей и музыкальных фанатов, направленные на рецепцию музыки в городе: прослушивание музыки в городском транспорте, за повседневными занятиями, в магазинах; «прокладывание» пользовательских маршрутов или «путей» (*pathways*), которые связывают разные музыкальные места; создание и поддержание фанатами и горожанами мест, связанных с музыкальными героями и музыкальным прошлым.

Главным образом, исследователей интересует то, как через популярную музыку опосредовано взаимодействие жителей города и непосредственно городского пространства; какую актуальную информацию о городах содержит музыка; наконец, как объединить историю популярной музыки и городскую историю. Особое внимание исследователи уделяют медийным репрезентациям музыки и пространства — как в прессе происходит брендинг отдельных музыкальных жанров через «привязку» к городу, как и какие нарративы выстраиваются вокруг локальных музыкальных сцен, насколько музыкальные сцены способствуют трансформации городского пространства [Berland, 1998]. Так, исследования мобильных устройств показывают [Bull, 2000; Graves-Brown, 2009], как изменения технологий оказали влияние на городскую культуру и городские звуки, создавая возможности для альтернативной навигации по городу. Дополнительные возможности картографирования и брендинга городского пространства исследователи прослеживают на примере городских фестивалей и музыкальных площадок [Anderton, Pisfil, 2022]. Исследователи культуры уличных музыкантов отмечают влияние специфики определенных районов города на развитие конкретных музыкальных жанров и форматов презентации музыки, прослеживая взаимовлияние этих двух форм [Laing, 2009]. В то же время, как показывает Сара Коэн, уличные музыканты играют значимую роль в коммеморации и поддержании музыкальной истории города [Cohen, 2012].

В 2000-е годы представители британской школы музыкальной географии обратились к проблеме соотношения локального и глобального в музыкальной

индустрии. Первой значимой работой, посвященной этой проблеме, стала коллективная монография «Саундтреки: популярная музыка, идентичность и место» под редакцией географов Джона Коннелла и Криса Гибсона [Gibson, Connell, 2003]. На примере разных городов и регионов Великобритании и США авторы рассматривали то, насколько музыкальная история и современные музыкальные сцены влияют как на формирование и репрезентации локальных идентичностей, так и на развитие культурного/музыкального туризма. Несмотря на глобализацию музыкальной индустрии, локальные музыкальные сцены существенно влияют на создание и закрепление городских образов. Сара Коэн отмечает, что музыка оказывает влияние на взаимодействие человека и города, «играя центральную роль в создании индивидуальной, коллективной и местной идентичности в городе» [Cohen, 2007, p. 38]. Как указывает Мартин Клунап, постпанковские портреты упадка городов конца 1970-х годов с акцентом на социальной проблематике; дистопические образы Бирмингема или Детройта в песнях хеви-металлических групп 1980-х годов, являвшихся выходцами из промышленных регионов Англии и США; социальные зарисовки городских окраин в текстах рэп- и хип-хоп-исполнителей 1980-х годов; ностальгические городские пейзажи брит-попа 1990-х годов иллюстрируют массовое отношение к городам в разное время, репрезентированное в популярной музыке [Cloonan, 1997, p. 64]. Исследуя социальную роль популярной музыки в городской повседневности, исследователи обратились к рассмотрению символического значения мест, представленных опосредованно через музыку [Haslam, 2000; Bennett, 2004; Taylor, 2013; etc.]. Если городские места, связанные с музыкальными фестивалями, концертами или рок-барами, например сети The Hard Rock Café, очевидным образом репрезентируются через музыку, то подобная тенденция отмечается и в определении отдельных городов. Подобно иконическим изображениям Лос-Анджелеса через образы Голливуда и мировой киноиндустрии, такие города, как Нэшвилл, Сиэтл и Мемфис в США или Ливерпуль, Шеффилд и Манчестер в Англии, стали известны как ключевые места появления и развития популярной музыки, что нашло свое выражение в том числе и в городской повседневности, и в репрезентации этих городов.

«Музыкальные ландшафты» в Великобритании и США

В последние 25–30 лет во многих городах Великобритании и США музыка, музыкальное прошлое и музыкальная география стали значимым ресурсом городской регенерации и создания новых городских образов. Репрезентация места через музыку становится одной из важных составляющих современной политики многих городов, которые стремятся к разным формам институционализации «музыкальных мест», включению их в новые городские пространства и созданию новых городских образов. Прежде всего, это касается городов в бывших индустриальных зонах Северной Англии и регионов, связанных с социальной историей блюза в США. Как отмечает Джастин О'Коннор, масштабная кампания регенерации и реконструкции городов в США и Великобритании, начавшаяся в конце 1980-х – 1990-е годы, значительно изменила туристический облик городов, сделав их более привлекательными для посетителей из других городов и стран, а одним из центральных аспектов нового культурного туризма стала именно популярная музыкальная культура [O'Connor, 1999].

Некоторые английские и американские города – Ливерпуль, Манчестер, Чикаго, Новый Орлеан и другие – в 1990–2000-е годы стали репрезентироваться как «музыкальные города» (*music cities*). Концепция «музыкального города», во-первых, включает города с богатым музыкальным наследием и прошлым, неотделимым от городского прошлого; во-вторых, города с активно развивающимися музыкальными сценами и музыкальной индустрией [Lashua, Cohen, Schofield, 2010; Cohen, 2012]. Так, после признания Ливерпуля культурной столицей Европы 2008 года в качестве одной из ключевых особенностей города была представлена его популярная музыкальная культура. Итогом проведенного исследователями Ливерпульского университета картографирования популярного музыкального прошлого города стала туристическая карта Sound City, представляющая музыкальную историю Ливерпуля [Cohen, Roberts, 2014]. Основанная на музыкальных местах и маршрутах, которые обозначили ливерпульские музыканты, карта стала попыткой, во-первых, репрезентации музыкального прошлого города не только через историю The Beatles и ливерпульского варианта бит-рока (мёрси-бита), но и через другие

музыкальные жанры и места, значимые для музыкальных фанатов и слушателей [Leonard, Strachan, 2010].

Похожим проектом институционализации музыкальной географии стало создание культурного квартала («Северный квартал», Northern Quarter) в Манчестере в конце 1990-х – начале 2000-х годов [Montgomery, 2005]. Квартал был создан на месте бывшего культурного центра Манчестера, получившего развитие в конце XIX века, и сосредоточил новые музыкальные места в городе (клубы, репетиционные базы, студии звукозаписи и пабы). Более того, в Манчестере стали проводиться тематические туры по музыкальным местам, самым популярным среди которых является Manchester Music Tours, организованный барабанщиком рок-группы Inspiral Carpets Крейгом Джиллом [Колесник, 2022]. Тур включает посещение мест, связанных с биографиями конкретных музыкантов и групп периода бума манчестерских музыкальных сцен 1980-х годов, так называемого мэджестера (Madchester): Oasis, The Smiths, Joy Division, The Stone Roses, клуб The Hacienda и рекорд-студия известного инди-лейбла Factory Records. Начать как частная, фанатская, инициатива, данные туры органично вписались в современную концепцию развития Манчестера и ту культурную политику, которая проводится в городе и которая направлена на развитие музыкального туризма в регионе.

В США же настоящее развитие получила музыкальная география, связанная с конкретными музыкальными жанрами, прежде всего кантри-музыкой и блюзом. Так, апелляция к богатому культурному прошлому данных жанров, которое связано с социальной историей США, представляется важным идентификационным ресурсом отдельных городов (Бренсон, Миссури; Чикаго, Новый Орлеан) [Carney, 1994; King, 2004]. В то же время широкую популярность получили туры, связанные с культовыми местами (вроде особняка Грейсленд в Мемфисе, где жил Элвис Пресли) [Alderman, 2009] или мест проведения концертов популярными рок-музыкантами (например, группой Grateful Dead [Gunderman, Harty, 2017]).

Музыкальная география тем самым значительно расширяет понимание музыки и музыкального, фокусируясь не только на специфике социальных институтов и практик, формирующих и поддерживающих музыкальную индустрию, но и на вопросах определения места через музыку,

выстраивания музыкальной топографии, а также конструирования локальных, региональных и национальных идентичностей. Через понятие музыкального ландшафта музыкальная география ставит вопрос о культурной региональной дифференциации, определяя культурную специфику разных мест и регионов через специфические репрезентации уникальных природных мест в культуре, через формирование национальных и локальных дефиниций в культуре. Например, можно говорить о специфическом звучании музыкальных сцен в разных городах (например, ливерпульский звук или чикагский джаз), об образах конкретных городов в компьютерных играх или фильмах (например, Венеции в популярной компьютерной игре Assassin's Creed); организации специальных фестивалей, которые не меняют своей локации (например, музыкальный фестиваль «Гластонбери» в Великобритании, который проводится в одном и том же месте с конца 1960-х годов). Наконец, музыкальная география расширяет понятие «музыкальный ландшафт», делая видимыми новых агентов, которые оказывают существенное влияние на конструирование и репрезентации конкретных мест и пространств, формирование своей инфраструктуры и окружающей среды.

Источники

- Колесник А. С. (2022) Музыкальное наследие в Северной Англии: примеры Шеффилда, Манчестера и Ливерпуля // *Labyrinth: теории и практики культуры*. № 3. С. 35–47.
- Новиков А. (1993) Культурная география как интерпретация территории // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. Москва: МГУ ИЛА РАН. Вып. 13. С. 84–93.
- Уваров М. (2011) Культурная география в культурологической перспективе: аналитический обзор // *Культурная география*. № 4(5). С. 6–18.
- Alderman D. H. (2009) Writing on the Graceland Wall: On the Importance of Authorship in Pilgrimage Landscapes // *Sound, Society and the Geography of Popular Music* / ed. by O. Johansson, T. L. Bell. Farnham: Ashgate. P. 53–66.
- Anderson K. J. (1988) Cultural Hegemony and the Race-Definition Process in Chinatown, Vancouver: 1880–1980 // *Environment and Planning D: Society and Space*. No. 6. P. 127–149.
- Anderton C., Pisfil S. (eds.) (2022) *Researching Live Music: Gigs, Tours, Concerts and Festivals*. London; New York: Routledge.
- Barrell J. (1980) *The Dark Side of the Landscape*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Bastian R. (1980) *The Prairie Style House: Spatial Diffusion of a Minor Design*// *Journal of Cultural Geography*. No. 1. P. 50-65.
- Bennett A. (2004) *Music, Space and Place Popular Music and Cultural Identity* London: Routledge.
- Berland J. (1998) *Locating Listening: Technological Space, Popular Music, and Canadian Mediations*//*The Place of Music*/ed. by A. Leyshon, D. Matless, G. Revill. New York; London: Guilford Press. P. 129-150.
- Bull M. (2000) *Sounding Out the City: Personal Stereos and the Management of Everyday Life*. Oxford: Berg.
- Carney G. (1980) *Country Music and the South: A Cultural Geography Perspective*//*Journal of Cultural Geography*. No. 1. P. 16-33.
- Carney G.O. (1974) *Bluegrass Grows All Around: The Spatial Dimensions of a Country Music Style*//*Journal of Geography*. Vol. 73. No. 4. P. 35-48.
- Carney G.O. (1990) *Geography of Music: Inventory and Prospect*//*Journal of Cultural Geography*. Vol. 10. No. 2. P. 35-48.
- Carney G.O. (1994) *Branson: The New Mecca of Country Music*//*Journal of Cultural Geography*. Vol. 14. No. 2. P. 17-32.
- Carney G.O. (1998) *Music Geography*//*Journal of Cultural Geography*. Vol. 18. No. 1. P. 1-10.
- Carney G.O. (ed.) (1987) *The Sounds of People and Places: A Geography of American Folk and Popular Music*. Lanham, Md.: University Press of America.
- Castree N., Braun B. (eds.) (2001) *Social Nature*. Oxford: Blackwell.
- Cloonan M. (1997) *State of the Nation: "Englishness," Pop, and Politics in the mid-1990s*//*Popular Music and Society*. Vol. 21. No 2. P. 47-70.
- Cohen S. (2007) *Decline, Renewal and the City in Popular Music Culture: Beyond the Beatles*. London; New York: Routledge.
- Cohen S. (2012) *Live Music and Urban Landscape: Mapping the Beat in Liverpool*//*Social Semiotics*. Vol. 22. No. 5. P. 587-603.
- Cohen S., Kronenburg R. (2018) *Musical Landscapes: Liverpool*. London: English Heritage.
- Cohen S., Roberts L. (2014) *Heritage Rocks! Mapping Spaces of Popular Music Tourism*//*The Globalization of Musics in Transit: Music Migration and Tourism*/ed. by S. Krüger, R. Trandafoiu. London; New York: Routledge. P. 35-58.
- Crafts S.D., Cavicchi D., Keil C. (1993) *My Music*. Hanover, NH: University Press of New England.
- Daniels S. (1993) *Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and the United States*. Princeton: Princeton University Press.
- Denevan W.M., Mathewson K. (eds.) (2009) *Carl Sauer on Culture and Landscape: Readings and Commentaries*. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press.
- Doel M. (1995) *Bodies without Organs: Schizoanalysis and Deconstruction*//*Mapping the Subject*/ed. by S. Pile, N. Thrift. London; New York: Routledge. P. 226-240.
- Duncan J.S., Duncan N.G. (1988) *(Re)Reading the Landscape*//*Environment and Planning D: Society and Space*. No. 6. P. 117-126.
- Duncan J.S. (1980) *The Superorganic in American Cultural Geography*//*Annals of the Association of American Geographers*. No. 70. P. 181-198.
- Duncan J.S., Johnson N.C., Schein R.H. (eds.) (2004) *A Companion to Cultural Geography*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Ford L. (1971) *Geographic Factors in the Origin, Evolution, and Diffusion of Rock and Roll Music*//*Journal of Geography*. Vol. 70. Iss. 8. P. 455-464.
- Gibson C., Connell J. (eds.) (2003) *Soundtracks: Popular Music, Identity, and Place*. London; New York: Routledge.
- Graves-Brown P. (2009) *Nowhere Man: Urban Life and the Virtualization of Popular Music*//*Popular Music History*. No. 4. Vol. 2. P. 220-241.
- Gunderman H.C., Harty J.P. (2017) "The Music Never Stopped": Naming Businesses as a Method for Remembering the Grateful Dead//*Journal of Cultural Geography*. Vol. 34. Iss. 3. P. 373-395.
- Harvey D. (1982) *The Limits to Capital*. Chicago: University of Chicago Press.
- Haslam D. (2000) *Manchester, England: The Story of the Pop Cult City*. London: Fourth Estate.
- Jackson P. (1980) *A Plea for Cultural Geography*//*Area*. No. 12. P. 110-113.
- Jackson P. (ed.) (1987) *Race and Racism*. London: Allen and Unwin.
- Jacobs J. (1996) *Edge of Empire: Postcolonialism and the City*. London; New York: Routledge.
- Johansson O., Bell T.L. (eds.) (2009) *Sound, Society and the Geography of Popular Music*. Farnham: Ashgate.
- King S. (2004) *A Blues Tourism in the Mississippi Delta: The Functions of Blues Festivals*//*Popular Music and Society*. No. 27. Vol. 4. P. 455-475.
- Kong L. (1995) *Music and Cultural Politics: Ideology and Resistance in Singapore*//*Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 20. No. 4. P. 447-459.
- Kong L. (1996) *Making Music at the Margins? A Social and Cultural Analysis of xinyao in Singapore*//*Asian Studies Review*. No. 19. P. 99-124.
- Laing D. (2009) *Gigographies: Where Popular Musicians Play*//*Popular Music History*. No. 4. Vol. 2. P. 196-219.
- Lashua B., Cohen S., Schofield J. (2010) *Popular Music, Mapping, and the Characterization of Liverpool*//*Popular Music History*. Vol. 4. No. 2. P. 126-144.
- Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
- Leonard M., Strachan R. (eds.) (2010) *The Beat Goes on: Liverpool, Popular Music and the Changing City*. Liverpool: Liverpool University Press.
- Ley D., Samuels M. (eds.) (1978) *Humanistic Geography: Prospects and Problems*. Chicago: Maaroufa Press.

- Leyshon A., Matless D., Revill G. (1995) The Place of Music//Transactions, Institute of British Geographers. No. 20. P. 423-433.
- Leyshon A., Matless D., Revill G. (eds.) (1998) The Place of Music. New York; London: Guilford Press.
- Matless D. (1998) Landscape and Englishness. London: Reaktion Books.
- McLeay C. (1994) The "Dunedin Sound". New Zealand Rock and Cultural Geography//Perfect Beat. Vol. 2. No. 1. P. 38-50.
- Montgomery J. (2005) Cultural Quarters in Dublin, Sheffield, Manchester and Adelaide//City Edge: Case Studies in Contemporary Urbanism/ed. by E. Charlesworth. London: The Architectural Press. P. 84-101.
- Morley D., Robins K. (1995) Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries. London: Routledge.
- Nash C. (1996) Reclaiming Vision: Looking at Landscape and the Body//Gender, Place and Culture. Vol. 3. No. 2. P. 149-169.
- Nash P.H. (1968) Music Regions and Regional Music//The Deccan Geographer. No. 6. P. 1-24.
- Nevins J. (2001) Operation Gatekeeper: The Rise of the 'Illegal Alien' and the Remaking of the U.S.-Mexico Boundary. New York: Routledge.
- O'Connor J. (1999) Popular Culture, Reflexivity and Urban Change//Creative Cities: Cultural Industries, Urban Development and the Information Society/ed. by J. Verwijnen, P. Lehtovuori. Helsinki: University of Art and Design. P. 76-101.
- Rose G. (1993) Feminism and Geography: The Limits of Geographical Knowledge. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Sauer C. (1952) Agricultural Origins and Dispersals. New York: American Geographical Society.
- Shortridge J. (1980) Traditional Rural Houses along the Missouri-Kansas Border//Journal of Cultural Geography. No. 1. P. 105-137.
- Smith S. (2001) Editorial: Emotional Geographies//Transactions of the Institute of British Geographers. No. 26. P. 7-10.
- Tavenor J. (1970) Musical Themes in Latin American Culture: A Geographical Appraisal//The Bloomsbury Geographer. No. 3. P. 60-66.
- Taylor H. (2013) Liverpool 8 and "Liverpool 8": The Creation of Social Space in the Merseybeat Movement//Exegesis. No. 2. P. 34-44.
- Waterman S. (1998) Place, Culture and Identity: Summer Music in Upper Galilee//Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 23. No. 2. P. 253-267.
- Whatmore S. (2002) Hybrid Geographies: Natures, Cultures, Spaces. London: Sage.
- Wolch J., Emel J. (eds.) (1998) Animal Geographies. London: Verso.
- Wolfe C. (1981) The Swan in the Desolate Heaven: The Literary Image of Place and the Ideology of Irish Nationalism [MA Thesis]. Kelowna, BC: University of British Columbia.
- Wright J.K. (1966) Human Nature in Geography. Cambridge: Harvard University Press.

MUSICAL GEOGRAPHY AND THE CONCEPT OF "MUSICAL LANDSCAPE": FEATURES OF THE DISCIPLINARY FIELD

Alexandra S. Kolesnik, Candidate of History, Associate Professor, School of History, Faculty of Humanities, HSE University; 21/4 bldg. 1 Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.
E-mail: aleksa-kolesnik@yandex.ru

Abstract. Musical geography as a part of cultural geography was developed in the 1970s, but the discipline has changed significantly in the 1990s. One of the key concepts in the field of musical geography is "musical landscape," which describes the representation of urban space in the work of a particular musicians or musical bands and the "emotional geography" created by them, referring to the local specifics of places and regions. At the same time, "musical landscape" covers the actions of citizens, users and music fans aimed at the reception of music in the city. In the paper, attention will be paid to the specifics of the contemporary field of musical geography, primarily in the US and UK. Separately, the field of new cultural geography and the concept of "cultural landscape", which significantly influenced the understanding of the nature and characteristics of sound and musical landscapes in the modern world, will be considered.

Key words: new cultural geography; musical geography; cultural landscape; musical landscape

Citation: Kolesnik A.S. (2023) Musical Geography and the Concept of "Musical Landscape": Features of the Disciplinary Field, *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 2, pp. 80-91. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp82202380-91> (in Russian)

References

- Alderman D.H. (2009) Writing on the Graceland Wall: On the Importance of Authorship in Pilgrimage Landscapes. *Sound, Society and the Geography of Popular Music*/O. Johansson, T.L. Bell (eds.). Farnham: Ashgate, pp. 53-66.
- Anderson K.J. (1988) Cultural Hegemony and the Race-Definition Process in Chinatown, Vancouver: 1880-1980. *Environment and Planning D: Society and Space*, no 6, pp. 127-149.
- Anderton C., Pisfil S. (eds.) (2022) *Researching Live Music: Gigs, Tours, Concerts and Festivals*. London; New York: Routledge.
- Barrell J. (1980) *The Dark Side of the Landscape*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bastian R. (1980) The Prairie Style House: Spatial Diffusion of a Minor Design. *Journal of Cultural Geography*, no 1, pp. 50-65.
- Bennett A. (2004) *Music, Space and Place: Popular Music and Cultural Identity* London: Routledge.
- Berland J. (1998) *Locating Listening: Technological Space, Popular Music, and*

- Canadian Mediations. *The Place of Music*/
A. Leyshon, D. Matless, G. Revill (eds.). New York; London: Guilford Press, pp. 129-150.
- Bull M. (2000) Sounding Out the City: Personal Stereos and the Management of Everyday Life. Oxford: Berg.
- Carney G.O. (1974) Bluegrass Grows All Around: The Spatial Dimensions of a Country Music Style. *Journal of Geography*, vol. 73, no 4, pp. 35-48.
- Carney G.O. (1980) Country Music and the South: A Cultural Geography Perspective. *Journal of Cultural Geography*, no 1, pp. 16-33.
- Carney G.O. (1990) Geography of Music: Inventory and Prospect. *Journal of Cultural Geography*, vol. 10, no 2, pp. 35-48.
- Carney G.O. (1994) Branson: The New Mecca of Country Music. *Journal of Cultural Geography*, vol. 14, no 2, pp. 17-32.
- Carney G.O. (1998) Music Geography. *Journal of Cultural Geography*, vol. 18, no 1, pp. 1-10.
- Carney G.O. (ed.) (1987) The Sounds of People and Places: A Geography of American Folk and Popular Music. Lanham, Md.: University Press of America.
- Castree N., Braun B. (eds.) (2001) Social Nature. Oxford: Blackwell.
- Cloonan M. (1997) State of the Nation: "Englishness," Pop, and Politics in the mid-1990s. *Popular Music and Society*, vol. 21, no 2, pp. 47-70.
- Cohen S. (2007) Decline, Renewal and the City in Popular Music Culture: Beyond the Beatles. London; New York: Routledge.
- Cohen S. (2012) Live Music and Urban Landscape: Mapping the Beat in Liverpool. *Social Semiotics*, vol. 22, no 5, pp. 587-603.
- Cohen S., Kronenburg R. (2018) Musical Landscapes: Liverpool. London: English Heritage.
- Cohen S., Roberts L. (2014) Heritage Rocks! Mapping Spaces of Popular Music Tourism. *The Globalization of Musics in Transit: Music Migration and Tourism*/S. Krüger, R. Trandafoiu (eds.). London; New York: Routledge, pp. 35-58.
- Crafts S.D, Cavicchi D., Keil C. (1993) My Music. Hanover, NH: University Press of New England.
- Daniels S. (1993) Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and the United States. Princeton: Princeton University Press.
- Denevan W.M., Mathewson K. (eds.) (2009) Carl Sauer on Culture and Landscape: Readings and Commentaries. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press.
- Doel M. (1995) Bodies without Organs: Schizoanalysis and Deconstruction. *Mapping the Subject*/S. Pile, N. Thrift (eds.). London; New York: Routledge, pp. 226-240.
- Duncan J.S., Duncan N.G. (1988) (Re) Reading the Landscape. *Environment and Planning D: Society and Space*, no 6, pp. 117-126.
- Duncan J.S. (1980) The Superorganic in American Cultural Geography. *Annals of the Association of American Geographers*, no 70, pp. 181-198.
- Duncan J.S., Johnson N.C., Schein R.H. (eds.) (2004) A Companion to Cultural Geography. Oxford: Blackwell Publishing.
- Ford L. (1971) Geographic Factors in the Origin, Evolution, and Diffusion of Rock and Roll Music. *Journal of Geography*, vol. 70, iss. 8, pp. 455-464.
- Gibson C., Connell J. (eds.) (2003) Soundtracks: Popular Music, Identity, and Place. London; New York: Routledge.
- Graves-Brown P. (2009) Nowhere Man: Urban Life and the Virtualization of Popular Music. *Popular Music History*, no 4, vol. 2, pp. 220-241.
- Gunderman H.C., Harty J.P. (2017) "The Music Never Stopped": Naming Businesses as a Method for Remembering the Grateful Dead. *Journal of Cultural Geography*, vol. 34, iss. 3, pp. 373-395.
- Harvey D. (1982) The Limits to Capital. Chicago: University of Chicago Press.
- Haslam D. (2000) Manchester, England: The Story of the Pop Cult City. London: Fourth Estate.
- Jackson P. (1980) A Plea for Cultural Geography. *Area*, no 12, pp. 110-113.
- Jackson P. (ed.) (1987) Race and Racism. London: Allen and Unwin.
- Jacobs J. (1996) Edge of Empire: Postcolonialism and the City. London; New York: Routledge.
- Johansson O., Bell T.L. (eds.) (2009) Sound, Society and the Geography of Popular Music. Farnham: Ashgate.
- King S. (2004) A Blues Tourism in the Mississippi Delta: The Functions of Blues Festivals. *Popular Music and Society*, no 27, vol. 4, pp. 455-475.
- Kolesnik A.S. (2022) Muzykal'noe nasledie v Severnoy Anglii: primery Sheffielda, Manchester i Liverpoolya [Musical Heritage in Northern England: The Examples of Sheffield, Manchester and Liverpool]. *Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and Practices of Culture], no 3, pp. 35-47. (in Russian)
- Kong L. (1995) Music and Cultural Politics: Ideology and Resistance in Singapore. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 20, no 4, pp. 447-459.
- Kong L. (1996) Making Music at the Margins? A Social and Cultural Analysis of xinyao in Singapore. *Asian Studies Review*, no 19, pp. 99-124.
- Laing D. (2009) Gigographies: Where Popular Musicians Play. *Popular Music History*, no 4, vol. 2, pp. 196-219.
- Lashua B., Cohen S., Schofield J. (2010) Popular Music, Mapping, and the Characterization of Liverpool. *Popular Music History*, vol. 4, no 2, pp. 126-144.
- Lefebvre H. (1991) The Production of Space. Oxford: Blackwell.
- Leonard M., Strachan R. (eds.) (2010) The Beat Goes on: Liverpool, Popular Music and the Changing City. Liverpool: Liverpool University Press.
- Ley D., Samuels M. (eds.) (1978) Humanistic Geography: Prospects and Problems. Chicago: Maaroufa Press.
- Leyshon A., Matless D., Revill G. (1995) The Place of Music. *Transactions, Institute of British Geographers*, no 20, pp. 423-433.
- Leyshon A., Matless D., Revill G. (eds.) (1998) The Place of Music. New York; London: Guilford Press.
- Matless D. (1998) Landscape and Englishness. London: Reaktion Books.
- McLeay C. (1994) The "Dunedin Sound". New Zealand Rock and Cultural Geography. *Perfect Beat*, vol. 2, no 1, pp. 38-50.
- Montgomery J. (2005) Cultural Quarters in Dublin, Sheffield, Manchester and Adelaide. *City Edge: Case Studies in Contemporary Urbanism*/E. Charlesworth (ed.). London: The Architectural Press, pp. 84-101.
- Morley D., Robins K. (1995) Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes and Cultural Boundaries. London: Routledge.
- Nash C. (1996) Reclaiming Vision: Looking at Landscape and the Body. *Gender, Place and Culture*, vol. 3, no 2, pp. 149-169.
- Nash P.H. (1968) Music Regions and Regional Music. *The Deccan Geographer*, no 6, pp. 1-24.

- Nevins J. (2001) Operation Gatekeeper: The Rise of the 'Illegal Alien' and the Remaking of the U.S.-Mexico Boundary. New York: Routledge.
- Novikov A. (1993) Kul'turnaya geografiya kak interpretaciya territorii [Cultural Geography as an Interpretation of the Territory]. *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geografii zarubezhnyh stran* [Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries]. Moscow, MGU ILA RAN, vol. 13, pp. 84-93. (in Russian)
- O'Connor J. (1999) Popular Culture, Reflexivity and Urban Change. *Creative Cities: Cultural Industries, Urban Development and the Information Society*/J. Verwijnen, P. Lehtovuori (eds.). Helsinki: University of Art and Design, pp. 76-101.
- Rose G. (1993) Feminism and Geography: The Limits of Geographical Knowledge. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Sauer C. (1952) Agricultural Origins and Dispersals. New York: American Geographical Society.
- Shortridge J. (1980) Traditional Rural Houses along the Missouri-Kansas Border. *Journal of Cultural Geography*, no 1, pp. 105-137.
- Smith S. (2001) Editorial: Emotional Geographies. *Transactions of the Institute of British Geographers*, no 26, pp. 7-10.
- Tavenor J. (1970) Musical Themes in Latin American Culture: A Geographical Appraisal. *The Bloomsbury Geographer*, no 3, pp. 60-66.
- Taylor H. (2013) Liverpool 8 and "Liverpool 8": The Creation of Social Space in the Merseybeat Movement. *Exegesis*, no 2, pp. 34-44.
- Uvarov M. (2011) Kul'turnaya geografiya v kul'turologicheskoy perspektive: analiticheskij obzor [Cultural Geography in a Cultural Perspective: An Analytical Review]. *Kul'turnaya geografiya* [Cultural Geography], no 4 (5), pp. 6-18. (in Russian)
- Waterman S. (1998) Place, Culture and Identity: Summer Music in Upper Galilee. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 23, no 2, pp. 253-267.
- Whatmore S. (2002) Hybrid Geographies: Natures, Cultures, Spaces. London: Sage.
- Wolch J., Emel J. (eds.) (1998) Animal Geographies. London: Verso.
- Wolfe C. (1981) The Swan in the Desolate Heaven: The Literary Image of Place and the Ideology of Irish Nationalism [MA Thesis]. Kelowna, BC: University of British Columbia.
- Wright J.K. (1966) Human Nature in Geography. Cambridge: Harvard University Press.

Родительское лицензирование детских независимых перемещений в современных российских семьях¹

Александра Бочавер
Виктория Ерофеева
Екатерина Цыганова

Введение

Вопрос развития самостоятельности у современных детей приобретает все большую актуальность в условиях удлинения детства в сочетании со снижением уличного досуга и распространением контроля с использованием технологий [Бочавер, Поливанова, Павленко, 2020; Радина, 2017; Сергеева, Лактюхина, 2019; Flynn, Shaman, Redleaf, 2023; Shaw et al., 2015]. Один из универсальных сюжетов, связанных с приобретением самостоятельности, – освоение детьми независимых перемещений [Королева, 2020; Осорина, 2019; Alparone, Pacilli, 2012]: подавляющее большинство детей рано или поздно начинают передвигаться без сопровождения родителей, постепенно расширяя ареал перемещений [Bennets et al., 2022; Berasategi et al., 2022; Legorburu et al., 2022]. Несмотря на то что факторы, которые влияют на принятие родителями решения о лицензировании ребенка, активно изучаются в рамках географии, социологии, урбанистики, психологических

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00416.

Александра Алексеевна Бочавер, кандидат психологических наук, директор Центра исследований современного детства Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Российская Федерация, 101000, г. Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>. E-mail: abochaver@hse.ru

Виктория Георгиевна Ерофеева, стажер-исследователь Центра исследований современного детства Института образования, аспирантка Департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Российская Федерация, 101000, г. Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1077-6737>. E-mail: verofeeva@hse.ru

Екатерина Михайловна Цыганова, стажер-исследователь Центра исследований современного детства Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Российская Федерация, 101000, г. Москва, Потаповский пер., 16, стр. 10. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>. E-mail: etsyganova@hse.ru

В статье рассматривается детско-родительское взаимодействие в ситуациях начала независимых перемещений с точки зрения ребенка. На материале 30 полуструктурированных биографических интервью с информантами в возрасте от 11 до 24 лет, включая 15 мальчиков/юношей и 15 девочек/девушек из 15 городов России, исследуются нарративы о независимых перемещениях и о детско-родительских отношениях в контексте дальнейшего становления самостоятельности. С опорой на теорию самодетерминации и представления о родительском контроле и поддержке автономии обсуждаются два ключевых взгляда на самостоятельность – как на независимые действия, совершаемые без помощи других людей, и как на волевые поступки, обусловленные ценностями. Независимые перемещения ребенка могут рассматриваться как важная тема в детско-родительских отношениях, однако родительское лицензирование перемещений часто отличается от поведения родителей в других ситуациях, связанных с развитием самостоятельности детей. Показано, что история начала независимых перемещений ребенка во многом уникальна и может служить источником опыта подростковой самостоятельности, в котором родители выстраивают

исследований того, как дети начинают осваивать городское пространство, не так много. В этой работе, опираясь на теорию самодетерминации и представления о родительском контроле и поддержке автономии [Ryan, Deci, 2000; Soenens et al., 2017], а также на концепцию родительского лицензирования [Hillman, Adams, Whitelegg, 1990], мы реконструируем, как дети получают разрешение от родителей на независимые перемещения, а также сопоставляем этот опыт с другими событиями повышения самостоятельности, используя для этого тематический анализ интервью. Исследовательские вопросы, на которые мы хотим найти ответы, таковы:

- 1) Как происходит получение детьми лицензий на независимые перемещения в современных российских семьях?
- 2) Можно ли выделить определенные родительские стили наделения детей большей степенью свободы, действительно ли в истории о начале независимых перемещений, «как в капле воды», отражается дальнейшее приобретение детьми самостоятельности?

Можно предположить, что особенности взаимодействия ребенка с городом в период начала независимых перемещений ложатся в основу развития его самостоятельности наряду с другими этапами развития детской эмансипации. Степень свободы, дозволяемая ребенку родителями, поддержка ими его поисковой активности, любознательности по отношению к городскому пространству, совместное рефлексивное проживание впечатлений от перемещений, от маршрутов, широта кругозора и «насмотренность» ребенка и родителей, возможность сравнения города проживания с другими, особенности контроля, ограничений и запретов на перемещения могут накладывать отпечаток на то, насколько активно и охотно ребенок осваивает городскую среду, как он перенимает или преодолевает родительские установки относительно города, в какой мере его формирующаяся позиция горожанина характеризуется активностью, осознанностью, интересом к городу. Однако возможно, что универсальность и разделенность городского пространства делает его настолько общим фоном детско-родительских отношений, что практики лицензирования независимых перемещений реализуются в большей мере интуитивно и без связи с целевыми воспитательными действиями, которые осуществляют родители; в таком случае опыт независимой мобильности может быть уникален и изолирован на уровне переживаний в других ситуациях, связанных с развитием самостоятельности у ребенка.

Новизна исследования обусловлена использованием для анализа историй о независимых перемещениях психологической теоретической рамки и выявлением особенностей родительского лицензирования детских независимых перемещений в современных российских семьях. Теоретическими основаниями исследования являются представления о родительском контроле, структуре и поддержке автономии, развиваемые исследователями в русле теории самодетерминации, в соответствии с которой потребность в автономии (самостоятельности) рассматривается как одна из базовых психологических потребностей человека, в той или иной степени актуальная для любого возраста [Ryan, Deci, 2000].

Ключевые понятия

Охарактеризуем ключевые понятия, которые ниже будем использовать для анализа интервью и которые позволяют связать опыт освоения независимой мобильности ребенком и родительское лицензирование этих перемещений с исследованиями детско-родительских отношений и становлением самостоятельности в более широком контексте.

Родительская лицензия на независимые перемещения – это концепт, предложенный Дж. Хиллманом и коллегами для описания получения детьми разрешения на независимые перемещения [Hillman, Adams, Whitelegg, 1990]: родители оценивают готовность ребенка к тому, чтобы

систему правил (структуру), регулирующих перемещения, и делегируют принятие решений внутри этих правил ребенку, который дополняет или даже контрастирует с другими контекстами отношений. Обсуждаются ограничения и перспективы исследования.

Ключевые слова: детские независимые перемещения; автономия; родительский контроль; поддержка автономии; развитие самостоятельности

Цитирование: Бочавер А. А., Ерофеева В. Г., Цыганова Е. М. (2023) Родительское лицензирование детских независимых перемещений в современных российских семьях // Городские исследования и практики. Т. 8. № 2. С. 92–104. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp82202392-104>

начать перемещаться без сопровождения взрослых; могут провести аналог экзамена, задавая вопросы с обсуждением гипотетических ситуаций; могут также проверить навыки ребенка, тайно сопроводив его по маршруту; наконец, ребенку дается «лицензия» и он приобретает возможность перемещаться без взрослых при условии соблюдения определенных правил. В случае нарушения ребенком правил и договоренностей или возникновения опасных ситуаций лицензию могут отозвать, и потребуются повторное лицензирование в дальнейшем.

Автономия. Аналогом понятия «самостоятельность» в англоязычных работах является конструкт автономии (autonomy), и в данной статье они будут использоваться как синонимы. Мы будем опираться на различие, которое предлагают Б. Соненс и коллеги, выделяя два доминирующих подхода к рассмотрению самостоятельности в психологических исследованиях [Soenens et al., 2017]. Во-первых, автономия понимается как независимость и противопоставляется зависимости: ребенок действует самостоятельно, когда он может выполнить действие без помощи и участия взрослого (самостоятельно одеться, пройти по определенному маршруту, принять решение, не опираясь на родительские советы). Взросление связано с постепенным нарастанием независимости ребенка от родителей и трансформации иерархических, вертикальных отношений ребенка и родителей в более горизонтальные. Во-вторых, автономия рассматривается как волевое действие с опорой на собственные ценности и противопоставляется действию, совершаемому под давлением социальной среды. Если понимание автономии как независимости тесно связано с межличностными отношениями (зависимостью/независимостью от мнения и поведения родителей, сверстников и других значимых людей), то автономия как волевое действие в большей степени определяется внутриличностной конкордантностью, мерой, в которой поступки человека обусловлены его ценностями, предпочтениями и интересами. Мы предполагаем, что опыт начала независимых перемещений ребенка может быть значим как с точки зрения независимости, так и с точки зрения реализации своих интересов и ценностей.

Контроль. Родительский контроль является одной из ключевых, но наиболее сложных характеристик, описывающих родительское поведение. В 1996 году Б. Барбер предложил различать две его формы [Barber, 1996]. *Поведенческий контроль* направлен на регуляцию поведения ребенка через обсуждение правил того, как надлежит себя вести, и отслеживание соблюдения этих правил.

В идеале он обеспечивает ребенка и подростка набором правил, как следует себя вести, и предохраняет от антисоциального и девиантного поведения. *Психологический (манипулятивный) контроль* направлен на регуляцию событий внутреннего мира ребенка – чувств, ожиданий, идентичности. Он создает внутреннее давление на ребенка, и можно выделить холодное и отвергающее родительство (безразличие к ребенку, игнорирование его, отстраненный стиль коммуникации, отвержение), внушение чувств вины и стыда, тревоги, формулирование условий, при которых ребенок получает родительскую любовь или лишается ее; также к психологическому контролю относят давление – вербальную жестокость, угрозы и собственно физическое наказание [Soenens, Beyers, 2012]. Психологический контроль разрушает безопасное, стабильное позитивное восприятие ребенком себя и повышает риск внутренних психологических проблем, депрессивной симптоматики и заниженной самооценки [Soenens, Vansteenkiste, 2010]. Применительно к независимым перемещениям психологический контроль может выражаться, например, в угрозах физического наказания или индукции стыда и тревоги за опоздания или посещение ребенком запрещенных мест.

Структура. Поведенческий контроль как набор ясных правил поведения, о которых осведомлены и родители, и дети, часто отождествляется с понятием структуры. Она включает в себя поддерживаемые в семье правила коммуникации, надзор за поведением ребенка и его местонахождением, а также обеспечение предсказуемых последствий и ясной обратной связи в связи с поведением. Структуру можно противопоставить хаотическому, несогласованному родительскому поведению или вседозволенности [Soenens, Beyers, 2012]. В контексте независимых перемещений структура может складываться из обсуждения правил коммуникации ребенка с родителями и ограничений перемещений по времени и месту.

Поддержка автономии включает в себя два направления. Поддержка независимости может выражаться в побуждении ребенка к самодостаточности в рассуждениях, решении задач и принятии решений без поддержки и помощи со стороны других, в том числе самих родителей. Поддержка волевого функционирования выражается в учете родителями детской перспективы, побуждении ребенка к инициативе, обучении поступать, опираясь на собственные предпочтения, по возможности обеспечении выбора либо приведении аргументов, почему выбор невозможен [Schaefer, 1956; Soenens, Beyers, 2012].

Цели данного исследования – изучение особенностей родительского лицензирования детских независимых перемещений в современных российских семьях с точки зрения контроля и поддержки автономии и поиск возможных последовательных родительских стилей [Озорнина, Любичкая, Бочавер, 2022] в том, что касается сопровождения развития детской самостоятельности.

Методы и выборка

Предполагалось, что опыт получения родительской лицензии на независимые перемещения может сильно различаться в зависимости от используемых родителями практик и в целом отражать специфику детско-родительских отношений. Нас интересовало, во-первых, своеобразие того, как родители дают детям разрешение самостоятельно перемещаться в городском пространстве; во-вторых, сходство и возможности переноса описаний этого опыта на другие ситуации, связанные с динамикой родительского поведения и повышением самостоятельности ребенка.

Выборка была теоретически спланирована так, чтобы в исследование вошло одинаковое количество юношей и девушек, проживающих в мегаполисах, крупных городах и небольших населенных пунктах, и одинаково были представлены возраста от 11 до 24 лет. Подростки и молодежь были выбраны в силу того, что для этих возрастных периодов процесс повышения собственной независимости и задача сепарации являются наиболее актуальными по сравнению с предшествующими и последующими возрастами. Тема самостоятельности становится особенно сензитивной в подростковом возрасте, а нерешенные возрастные задачи перемещаются на следующий период появляющейся взрослости. Информанты набирались путем распространения через социальные сети и личные контакты исследователей ссылки на описание тематики исследования с анкетой для записи, в которой заинтересованная молодежь и родители несовершеннолетних подростков могли оставлять ответы на несколько вопросов социально-демографического характера и контакты для связи. Из полученной базы потенциальных информантов были отобраны те, кто соответствовал теоретической выборке; далее в переписке подтверждалось их намерение участвовать в интервью и согласие на их участие родителей, если возраст потенциальных информантов не достигал 16 лет. Разработанный гайд интервью был посвящен общей теме самостоятельности, в рамках которой обсуждались представления о само-

стоятельности, опыт независимых перемещений и родительские практики лицензирования, другие сферы жизни, в которых возможна самостоятельность (например, быт, обучение), и роль детско-родительских отношений в развитии самостоятельности. Летом–осенью 2022 года мы провели 30 полуструктурированных интервью с 15 мальчиками/юношами и 15 девочками/девушками из 15 городов России (малых, крупных и мегаполисов). Все интервью проводились онлайн в формате видеоконференций, средняя длительность интервью составила около 1 часа, велась аудиозапись, которая потом подвергалась расшифровке в уже анонимизированном виде.

Категории для кодирования были разработаны на основе теоретической рамки и включали в себя психологический контроль, обеспечение структуры и поддержку автономии со стороны родителей, включая поддержку независимости и поддержку волевого действия. Всего было расшифровано около 30 часов аудиозаписей. Транскрипты кодировались в программе MaxQDA, более детальная дифференциация на субкатегории осуществлялась в процессе анализа данных; в итоге проставлено 411 кодов, часть из которых пересекаются. Статистическая обработка результатов осуществлялась в программе Jamovi 2.3.21.

Результаты

Получение родительской лицензии на независимые перемещения

В расшифровках интервью были выделены все фрагменты, касающиеся начала независимых перемещений информантов (тема «Перемещения»), внутри которого выделялись коды, соответствующие обеспечению родителями структуры, практикам психологического контроля, поддержки независимости и волевого действия в контексте перемещений (см. рис. 1). Применение рамки психологического контроля, структуры и поддержки автономии со стороны родителей для анализа этих историй показывает, что большая часть информантов вспоминает организационные аспекты начала независимых перемещений (откуда, куда и когда им разрешили перемещаться), однако иногда за этими описаниями не прослеживается тема детско-родительских отношений:

«Первое, куда меня отпустили ходить самостоятельно, – это в школу. После 1 сентября я всегда ходил один в школу. А до школы было минут 20 или 30 пешком идти. (...) И вот я всегда ходил

в школу один, меня никто не провожал. Либо там с друзьями мог пойти, но они тоже были без родителей, либо один. Вот и так ходил, собственно» (М, 18 лет, Екатеринбург).

Тем не менее большая часть информантов описывает элементы структуры – правил, которые было важно соблюдать:

«В целом обычно это были звонки, ну то есть вот, например, когда я первый раз поехал уже один по городу, меня просили звонить, когда я доеду, ну и в принципе, писать там, через сколько я буду, вот» (М, 18 лет, Москва).

«Ну, в целом я раньше гуляла только вот в нашем районе, недалеко. Потом как-то это правило снялось, теперь я могу куда угодно» (Ж, 14 лет, Тверь).

В некоторых ответах к описанию структуры добавляется элемент поддержки детской инициативы:

«...ну сначала мы вместе ходили домой, ну то есть она меня забирала, провожала, вот, но это было примерно недели две, а потом, то есть я либо сама захотела, ну вроде сама захотела сначала, а потом, ну то есть у мамы началась еще больше работа, и она не смогла меня провожать и забирать, поэтому она меня провожала до половины пути, чтобы я сама там переходила дорогу, дошла до самой школы» (Ж, 12 лет, Дубна).

Также в ответах встречались описания психологического контроля:

«Я не хотела уходить, я переживала, что мама будет очень сильно расстраиваться, что мама меня потеряет, что, если я даже решусь уйти, у меня было такое сердцебиение, вот до сих пор помню, что я иду на другую улицу и переживаю – вдруг меня мама потеряет. То есть никто не спрашивает из ребят, где были младше ребята, но я шла у мамы и спрашивала, можно ли уйти» (Ж, 18 лет, Ижевск).

Иногда встречались описания поддержки независимости и «подталкивания» к независимому поведению, например:

«В. (...) почему тебе стали доверять ключи? О. Ну, наверное, потому, что увидели во мне небольшую самостоятельность, потому что тогда хорошо выполняла до-

машнее задание, вот, я помогала родителям, убираться маме, там могу покупочки порезать и так далее. Я прямо целый салат могу одна приготовить. Ну, вот они увидели это и решили, что я немножко самостоятельная, что мне надо уже самой ходить в школу» (Ж, 12 лет, Москва).

«...Меня воспитывали самостоятельным. То есть, грубо говоря, уже со второго класса, что ли, я ездил в школу сам. Для этого, чтобы осуществить это, со мной родители проводили очень большую работу, во время первого класса, показывали, как это нужно делать, как добираться, и я в итоге ездил сам (...) это как бы было через (...) личный пример, что ли, через то, что типа “да, ты хочешь до школы сам доехать?” Я такой – “да, давай”, там типа еще что-то, или просто объясняли, что “слушай, мне сегодня на работу надо, поэтому доедь до школы сам”. Я такой – “хорошо, да”. И потом я привыкал и уже сам делал» (М, 19 лет, Рязань).

Также нечасто встречаются описания того, что можно интерпретировать как поддержку волевого действия ребенка:

«(...) И в 12 же лет, помню, меня первый раз отпустили самого в дальнюю поездку; я поехал в магазин за моделькой самолетика, я прямо хорошо запомнил этот день, меня отпустили прямо-таки на другой конец города. То есть это было там минут 40 на метро. И с того времени, как-то плюс-минус, потихонечку к 14 годам я именно внутри города мог перемещаться абсолютно спокойно в любые места. Но, конечно, с условием, что я не буду дома в 3 ночи. Вот, потом и это тоже как бы уже ушло, сейчас я там пару дней назад вернулся домой в 3 часа, потому что провожал девушку. То есть, в принципе, для меня это и для родителей это сейчас абсолютно нормально. И опять же с 17 лет я могу уже один ездить в другие города» (М, 18 лет, Москва).

Часто рассказ об обстоятельствах и правилах начала независимых перемещений достаточно формальный и освещает скорее организационные рамки, но не события внутреннего мира. Судя по ответам информантов, получение ими лицензии на независимые перемещения преимущественно инициировалось родителями, отчасти под действием обстоятельств (родителям некогда сопровождать ребенка) и иногда в связи с детской инициативой; в части историй имеет место проверка внутренней готовности

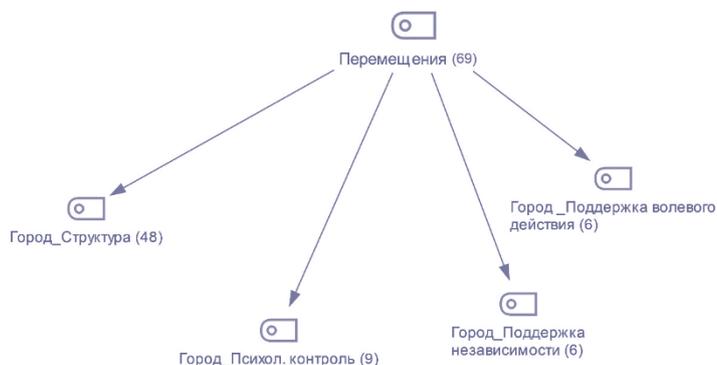

Рис. 1. Иерархическая модель кода «Перемещения»

ребенка к тому, чтобы ходить или ездить по городу самому. Лицензирование чаще всего приходится на возраст ребенка между 6 и 12 годами и сопровождается созданием структуры — системы правил, касающихся перемещений (маршрут, звонки или сообщения, время возвращения и т.п.). Никто из информантов не рассказывал о технологических способах контроля за их перемещениями (программы трекинга на смартфоне и др.). Анализ показывает, что теоретическая рамка структуры, контроля и поддержки автономии применима для анализа нарративов о получении родительской лицензии, однако преимущественно в этих нарративах речь идет о структуре.

Лицензирование независимых перемещений как возможное отражение родительского стиля

Для поиска ответа на вопрос о возможном сходстве родительского поведения в контексте начала независимых перемещений и других событий, связанных с детской автономией, было проведено кодирование всех остальных разделов интервью по той же схеме (рис. 2, частоты представлены в скобках). Поскольку массив закодированных данных очень большой, внутри части кодов были выделены субкоды (наиболее часто представленные отражены на рис. 2). При анализе темы детско-родительских отношений распределение кодов психологического контроля (более 100 кодов), структуры (13) и поддержки автономии (11 — поддержка независимости, около 90 — поддержка волевого действия) оказалось заметно отличающимся от того, которое обнаружено в описаниях получения лицензии на перемещения, где доминировало обеспечение структуры (48 кодов), а остальные коды почти не были представлены (меньше 10 кодов для каждой формы родительского поведения).

Для проверки сходства родительского поведения (со слов информантов) в разных ситуациях развития детской самостоятельности и на примере получения лицензии на перемещения проводился анализ пересечений

кодов в транскриптах (табл. 1). Код структуры оказался наиболее универсальным в описании перемещений, и он показывает наиболее заметное количество пересечений с другими кодами, однако таблица не позволяет выявить единого паттерна доминанты психологического контроля, поддержки автономии или выстраивания структуры при сопоставлении описаний перемещений и других ситуаций при анализе нарративов.

В табл. 2 приводятся частоты каждого кода в отдельных интервью. По-прежнему не обнаруживается доминирующих комбинаций единого родительского поведения в контексте перемещений и других обсуждаемых ситуаций, судя по анализу интервью, лицензирование независимых перемещений не отражает типичного родительского поведения, которое можно было бы назвать стилем. Для сравнения распределений кодов в высказываниях о городе и в остальном контексте и проверки предположения об отсутствии единых стилей были проведены попарные сравнения с помощью критерия Вилкоксона (табл. 3). Результаты показывают значимые различия в распределениях кодов в общем контексте и в контексте города, что указывает на отсутствие единых паттернов родительского поведения. В теме города структура является доминирующей категорией по сравнению с другими кодами.

Рассмотрим примеры с широким диапазоном кодов, иллюстрирующие психологический контроль, обеспечение структуры и поддержку автономии.

Психологический контроль

Комбинации психологического контроля с поддержкой самостоятельности могут быть разнообразными. Информантка рассказывает о контролирующем поведении со стороны матери:

«Я была в шестом классе, а он был в... на 2 года старше, то есть в восьмом. И он в меня влюбился каким-то образом, я в него тоже. (...) И до этого у нас никогда не было вот такой возможности, чтобы вот человек взял, вот вообще любой из членов семьи, взял чужой телефон, прочитал переписки или еще что-то. Вообще это личное пространство было. Но на тот момент, когда вот начались уже серьезные проблемы, мама начала брать мой телефон, это было нарушение максимальное моего личного пространства» (Ж, 18 лет, Ижевск).

И она же описывает свои переживания в начале независимых перемещений:

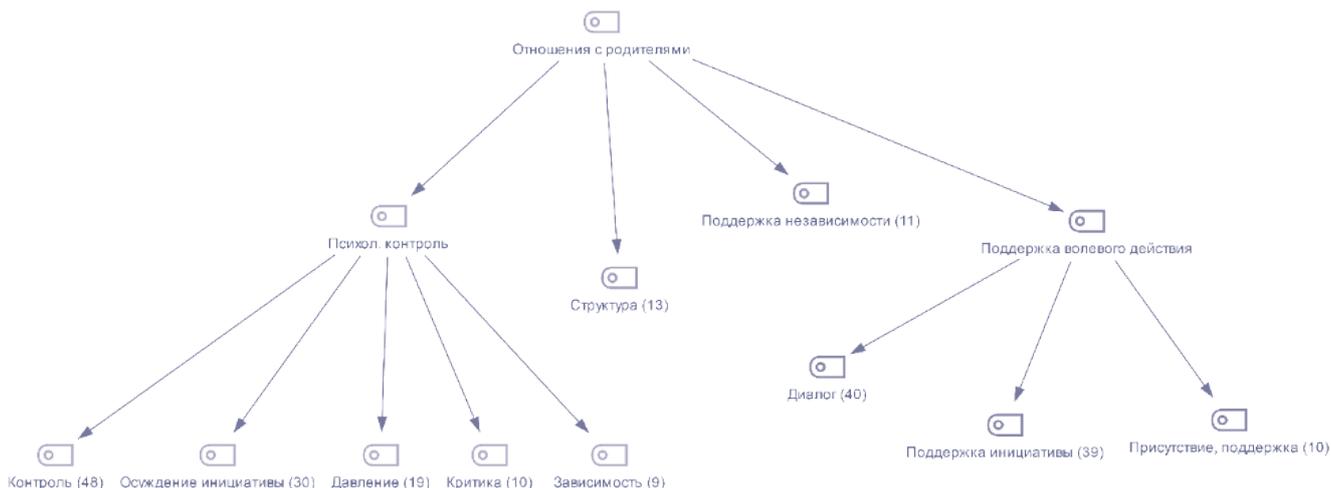

Рис. 2. Иерархическая модель кода «Отношения с родителями»

«Я приходила к маме, говорила: “Мама, можно я схожу с ними в магазин?” Она говорила, что “нет, потому что это опасно, вдруг ты потеряешься, где мне тебя искать”» (Ж, 18 лет, Ижевск).

Мы видим снова психологический контроль и индукцию тревоги у ребенка. В том же интервью поддержка инициативы тоже присутствует, но в свернутом виде:

В. А вот вы сказали: “Я ушла там в другой театральную школу”, то есть изначально это вы сами хотели заниматься в театралке?
 О. Да, конечно. Да.
 В. И сказали маме. Она вас повела?
 О. Да, конечно.
 В. А это во сколько лет было? Получается...
 О. В третьем классе. В третьем классе это примерно... (...) Блин, во сколько идут?
 Ну, примерно в 10» (Ж, 18 лет, Ижевск).

Рассказ другой информантки о подготовке к олимпиадам кодируется как отсутствие поддержки и психологический контроль (давление и обесценивание намерений дочери):

«А потом, в девятом классе, когда у меня началась подготовка к олимпиаде, я впервые серьезно занималась ими, почти из комнаты не выходила, потому что я хотела серьезно подготовиться. А родители говорили: “Что ты так много сидишь и как бы от нас отдаляешься”, ну ругались из-за этого. (...) Но они не воспринимают мои проблемы всерьез. (...) То есть если я говорю: “Я устала, я работала”, они такие: “Да что ты устала, какие у тебя могут быть проблемы в 18 лет?”» (Ж, 18 лет, Сарапул).

Однако она же описывает активную поддержку своего волевого действия (инициативы в связи с учебной)

связи с учебной) со стороны родителей в чуть более раннем возрасте:

«В детстве, ну как в детстве, раньше это было прикольно – самой что-то делать, самой решать, что я хочу, что не хочу. А вот, кстати, плюс моих родителей – мне разрешали в разные секции ходить; если я не хотела, я уходила; то есть все, что я хотела, я пересмотрела. И я даже в волейбольную секцию 2 недели ходила» (Ж, 18 лет, Сарапул).

Поддержка независимости

Поддержка независимости способствует выполнению детьми задач без взрослых:

«Вообще, ну просто как бы я тогда что-то рассыпала, и я подмела все и решила вымыть пол, но у меня просто не убиралось, по-моему, это была манка (...) И я не могла ее никак убрать. Вот. И пришел папа такой: “А что здесь происходит?” Я говорю: “Папа, я пытаюсь, я вот манку рассыпала, я не могу ее убрать, вот я пытаюсь вымыть пол, у меня не получается. Вот у тебя почему-то получается постоянно мыть полы хорошо, вот как ты это делаешь?” Он просто объяснил» (Ж, 18 лет, Москва).

Подобных примеров с обучением и повышением независимости ребенка довольно много, это почти универсальный опыт, когда ребенка учат решать бытовые задачи. Однако бывает иначе, когда в аналогичной ситуации родитель может интенсивно использовать контроль, который не переходит ни в структуру (правила бытовой жизни дома), ни в поддержку независимости:

«...в какой-то период я просто осознала, что за меня всегда все делала мама, даже

Таблица 1. Связи кодов, описывающих структуру, психологический контроль и поддержку независимости и волевого действия в целом и в контексте перемещений

	Система кодов	Город Структура	Город_Психол. контроль	Город_Поддержка независимости	Город_Поддержка волевого действия
Психол. контроль	Зависимость	3	1	1	
	Отвержение, игнорирование				
	Разочарование	2	1		1
	Давление	5	1	1	
	Контроль	16	6	3	4
	Осуждение инициативы	9	1	1	1
Поддержка волевого действия	Критика	3	1	1	
	Диалог	15	5	4	2
	Присутствие, поддержка	7	3	2	1
Поддержка независимости	Поддержка инициативы	12	3	3	2
	Структура	6	2	2	2
	Структура	10			1

принимала любое решение. Я спрашивала у нее, и я слушала ее мнение, не только свое, точнее, вообще я свое не слушала; мне было легче, чтобы она приняла за меня какое-то решение, чтобы она сделала что-то за меня. И вообще все. И то есть так же, грубо говоря, на уборке дома. Она всегда все убирала сама, потом вдруг в какой-то момент – “убирайся”. А почему, как? Если я к этому не привыкла?» (Ж, 18 лет, Ижевск).

Поддержка волевого действия

Информантка после рассказа о множестве самостоятельных поступков отвечает на вопрос:

«В: Как вы думаете, какие действия и слова взрослых в вашем окружении помогали вам стать самостоятельной такой?»

О. (...) Точно это слова мамы, папы, потому что всегда, насколько я помню там свое детство, и сейчас, но мне всегда родители говорили: “Все получится. Ничего страшного, если не получилось, значит, так должно было быть, в другом получится. Но тут правильно сделала, тебе нравится, ну хорошо, давай”. Ну то есть меня всегда как-то со стороны родителей встречают с одобрением (...) Вот сейчас папа там: “Две магистратуры? Давай. Хочешь – все получится, я в тебя верю”. И с маминой стороны всегда то же самое. Отчим то же самое. (...) Они никогда не встречают как-то с порицанием – наверное, поэтому не страшно» (Ж, 22 года, Ростов-на-Дону).

Однако в том же интервью можно найти такой фрагмент:

«У мамы иногда бывают рейды, она приезжает, ну не то что рейды, но приезжает там в холодильник посмотреть, все ли есть, типа а что, а как? Такая: “Ты сама? Ну ладно. Ничего не надо, точно?”» (Ж, 22 года, Ростов-на-Дону).

А здесь та же информантка рассказывает о независимых перемещениях:

«Ну, доверяли. Ну, наверное, лет в 10 – да, уже можно было. Но куда мы там тоже могли уйти, лет в 10, непонятно. Города не знали. Но мы ходили спокойно, где хотели. Хотели – в парк пошли, там хотели, туда пошли. (...) Да, у меня был телефон (...) и все, я звонила там: “Я вышла, я пошла”. Все, родители знали» (Ж, 22 года, Ростов-на-Дону).

Таким образом, в описании перемещений видна структура – обеспечение средства связи (телефон) и необходимость информирования родителей, а в описании родительских практик в целом доминирует поддержка волевого действия ребенка (его инициативы и ценностей), что, однако, сочетается с проявлениями контроля со стороны матери.

Поддержка волевого действия встречается в интервью достаточно часто, например:

«Ну, в выборе будущей профессии как бы это было вот мое личное решение. И мне мама всегда говорила то, что “мы тебя поддержим в любом твоём начинании”. Вот. И даже когда я пошла работать, я маме сказала: “Мама я хочу пойти работать”. Она говорит: “Мы тебя не заставляем идти работать, но, если ты хочешь, можешь, пожалуйста”. Вот,

№ интервью	Психол. контроль						Поддержка волевого действия										
	Зависимость	Отвержение, игнорирование	Разочарование	Давление	Контроль	Осуждение инициативы	Критика	Диалог	Присутствие, поддержка	Поддержка инициативы	Поддержка независимости	Структура	Город_Поддержка независимости	Город_Поддержка волевого действия	Город_Психол. контроль	Город_Структура	
1_М_Москва	0	3	1	0	5	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
2_Ж_Дубна	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	4	
3_Ж_Иркутск	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2	
4_Ж_Тверь	1	0	0	3	4	0	1	1	0	0	0	0	1	0	0	2	
5_М_Москва	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	2	1	4	
6_Ж_Ижевск	4	0	0	3	5	0	0	1	1	1	1	0	0	0	1	1	
7_М_Москва	1	0	0	1	5	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
8_Ж_Курск	0	0	0	0	1	0	0	2	0	0	0	0	0	0	1	1	
9_М_Москва	0	0	0	0	6	0	0	2	0	0	0	0	0	0	1	3	
10_М_Москва	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	
11_Ж_Шадринск	0	0	0	0	0	0	0	2	1	1	0	0	1	0	1	1	
12_М_Москва	0	0	0	0	4	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	
13_Ж_Ростов-на-Дону	0	0	0	0	1	0	0	1	3	1	0	0	0	0	0	1	
14_Ж_Москва	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	
15_М_Челябинск	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	
16_Ж_Москва	0	0	0	0	1	0	0	1	1	1	3	1	0	0	0	3	
17_М_Истра	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
18_М_Новорос-сийск	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	
19_Ж_Москва	0	0	0	0	2	0	0	8	1	8	3	0	1	2	3	5	
20_М_Ростов-на-Дону	0	0	0	0	1	3	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2	
21_Ж_Ростов-на-Дону	0	0	0	0	1	4	0	2	0	8	0	1	0	0	0	2	
22_М_Ростов-на-Дону	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	
23_М_Таганрог	0	0	0	0	1	2	0	3	0	1	0	1	0	0	0	2	
24_Ж_Москва	0	0	0	0	1	1	0	2	1	3	0	2	0	0	0	2	
25_М_Екатеринбург	0	0	0	0	1	1	0	4	0	6	2	1	0	0	0	1	
26_Ж_Москва	2	0	0	0	0	3	1	0	2	0	0	3	0	0	0	2	
27_Ж_Москва	1	0	0	8	2	2	0	2	0	6	0	0	0	0	0	0	
28_Ж_Москва	0	0	0	1	1	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
29_Ж_Сарапул	0	0	0	0	1	2	3	0	0	1	0	0	0	0	0	2	
30_М_Рязань	0	0	0	0	2	3	0	7	0	1	1	0	2	1	0	1	

Таблица 2. Матрица кодов родительского поведения в отдельных интервью

Таблица 3. Попарное сравнение рас-пределений кодов в общем контексте и в контексте города

Коды	Критерий Вилкоксона	Уровень значимости p	Размер эффекта
Психол. контроль	378.0	< .001	1.00
Город_Психол. контроль	28.0	0.015	1.00
Поддержка волевого действия	190.0	< .001	1.00
Город_Поддержка волевого действия	10.0	0.095	1.00
Поддержка независимости	21.0	0.034	1.00
Город_Поддержка независимости	15.0	0.048	1.00
Структура	55.0	0.004	1.00
Город_Структура	325.0	< .001	1.00
Город_Психол. контроль	28.0	0.015	1.00
Город_Структура	325.0	< .001	1.00
Город_Поддержка волевого действия	10.0	0.095	1.00
Город_Структура	325.0	< .001	1.00
Город_Поддержка независимости	15.0	0.048	1.00
Город_Структура	325.0	< .001	1.00

и когда я увольнялась, я понимаю, что... (...) Я понимаю, что мне тяжело оттуда уходить, но это необходимо, потому что иначе я буду себя не очень хорошо чувствовать просто. (...) И я просто... я ревела очень много, я с мамой разговаривала, она говорит: “Увольняйся. Я, типа, тебя все равно поддержу, как бы я тебя не заставляла идти работать, папа тоже не заставлял, ты сама это решила”» (Ж, 18 лет, Москва).

Однако в том же интервью можно встретить фрагмент описания родительского контроля:

«...ну я учусь там до 7 часов вечера, время 8 часов, мне звонит мама такая: “Ты дома?” Я говорю: “Нет. Я еще только из вуза выхожу”. Она такая: “А почему ты не дома в 8 часов вечера, дочь, ты что?”» (Ж, 18 лет, Москва).

Таким образом, анализ фрагментов интервью, посвященных восприятию информантами практик их родителей в контексте становления самостоятельности, показывает неоднородную картину. В некоторых семьях, по рассказам информантов, более ярко представлена поддержка волевого действия, в некоторых – психологический контроль, однако почти в каждом интервью можно найти примеры и того и другого. Структура оказалась тем компонентом родительского поведения, который присущ моменту получения детьми лицензий на независимые перемещения, однако он очень мало представлен в описании других ситуаций. Развитие самостоятельности происходит как в условиях поддержки, позволяющей детям чувствовать опору со стороны родителей, так и в условиях контроля, вынуждающего адаптироваться к давлению и манипуляциям.

Обсуждение

Итак, ответ на первый исследовательский вопрос состоит в том, что дети в российских семьях получают лицензию на независимые перемещения в разном возрасте, когда родители принимают решение об этом, ориентируясь на жизненные обстоятельства и характеристики ребенка. Этот опыт почти всегда обеспечен структурой со стороны родителей (правилами, режимом, маршрутом), но редко в ретроспективных детских историях можно обнаружить практики контроля и поддержки автономии. Такие результаты в целом соответствуют международным исследованиям в этой области [Alparone, Pacilli, 2012; Shaw et al., 2015]. Нечасто удается увидеть в процессе лицензирования детскую инициативу, желание ускорить момент начала самостоятельного освоения городского пространства. В целом создается впечатление, что выдача родителями детям лицензий на независимую мобильность ретроспективно воспринимается как формальный акт, который ситуативно может вызывать тревогу и беспокойство с обеих сторон, но в дальнейшем не вызывает сильных эмоций и не вполне интегрируется в опыт развития самостоятельности и личности в целом. Несмотря на объективное существенное изменение во взаимодействии ребенка и родителей, увеличение физической дистанции между ними в связи с отдельными маршрутами ребенка, снижение возможностей контроля, эти изменения, судя по материалам интервью, не влекут за собой ни значительной перестройки детско-родительских отношений, ни рефлексии этого опыта. Переход ребенка к независимой мобильности сопряжен со стороны родителей с переживаниями за его безопасность, обеспечению которой служит система правил. Однако он не сопровождается другими практиками, которые могли бы делать освоение города менее стихийным и более целенаправленным, осознанным, культурно-опосредованным. В ка-

кой-то мере эту задачу решают педагоги, организуя экскурсии по определенным локациям, связанным с историческими событиями или литературными произведениями. Однако в большинстве случаев ребенок – или, скорее, подросток, группа подростков – погружается в городское пространство стихийно и непосредственно. Собственные тактики и стратегии освоения города, способы совладания со сложными и опасными ситуациями, эпизоды обращения за помощью, доступные в городе формы досуга и времяпрепровождения в целом, навыки навигации, освоения новых маршрутов и нового транспорта, обнаружение точек притяжения и отторжения – все эти детали, несмотря на их неизбежность при регулярных перемещениях, судя по всему, остаются недостаточно исследованными самими подростками, они слабо встроены в автобиографический нарратив и уже на этапе подросткового и пост-подросткового возраста оказываются «забыты», трудновоспроизводимы и, как следствие, почти недоступны для использования при развитии других навыков, связанных с самостоятельностью.

Ответ на второй исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом. Лицензирование родителями детских перемещений напрямую не соотносится с другими родительскими практиками, связанными с поддержкой детской автономии. Репертуар родительского поведения раскрывается тем шире, чем больше ситуаций обсуждается. В описаниях учебы в школе, выбора вуза, переезда, трудоустройства структура представлена значительно меньше, чем в рассказах о перемещениях, а практики контроля и поддержки автономии, наоборот, гораздо ярче. Наше исследование показывает, что рамка «контроль – структура – поддержка автономии» [Soenens et al., 2017; Soenens, Beyers, 2012; Soenens, Vansteenkiste, 2010] позволяет анализировать поведение российских родителей и дает возможность упорядочить очень разнообразные, часто интуитивно узнаваемые практики через эти конструкты. В то же время возрастные и индивидуально-личностные характеристики детей влияют на то, как воспринимаются и какую реакцию вызывают высказывания и поступки родителей, также имеющих разные характеристики. Детское поведение и родительский образ действий реципрочно связаны между собой, и те или иные доминанты в них обусловлены комплексом факторов [Van Petegem et al., 2019]. Практики обсуждения детских перемещений между детьми и родителями оказываются локализованы в очень узком временном интервале подготовки ребенка к получению лицензии, собственно ее вручения и последующего

недолгого периода отслеживания. Получается, что опыт освоения ребенком городского пространства оторван от других ситуаций, связанных с развитием самостоятельности, и те навыки, которые осваиваются (касающиеся решения когнитивных задач, творческой адаптации к ситуациям неопределенности, совладания с тревогой, социально-коммуникативной компетентности и другие), с трудом могут быть перенесены в другие среды и ситуации.

Заключение

Родительское поведение представляет собой сложный, комплексный репертуар практик, включающих в себя элементы обеспечения структуры, поддержки независимости и волевого действия ребенка, а также психологического (манипулятивного) контролирования. Своеобразие лицензирования независимых перемещений в российских семьях, опираясь на данные интервью, состоит, во-первых, в том, что в основном независимые перемещения связаны с выстраиванием структуры вокруг этого опыта, с небольшим добавлением практик поддержки и контроля; во-вторых, в том, что эти практики используются, судя по всему, интуитивно, в большой мере традиционно и единообразно в разных семьях. Опыт освоения ребенком города остается слабо артикулированным и недостаточно использованным в других контекстах развития самостоятельности, несмотря на свою многогранность и большой ресурсный потенциал. Ограничения исследования связаны с тем, что родительские практики изучаются через призму нарративов информантов, соответственно, речь идет о воспринимаемом родительском поведении, а не об объективно применяемых родителями практиках. Ретроспективный характер интервью также может снижать достоверность. Кроме того, нет данных об индивидуально-личностных характеристиках детей и родителей. Среди перспектив исследования данной темы хотелось бы назвать изучение отдельных эпизодов освоения городского пространства детьми и подростками (в том числе ситуаций необходимости творческих решений, совладания с небезопасными ситуациями, обнаружения любимых и нелюбимых мест), а также изучение индивидуальных стилей взаимодействия подростков с городом, поисковой активности, реагирования на аффордансы города в их многообразии. Представляется, что внимание к процессу освоения города подростком не как к формальной смене статуса, а как к личному опыту, наполненному смыслами, переживаниями и развитием компетенций, может быть очень перспективным, особенно в условиях ограниченного чис-

ла ситуаций, где подросткам доступна самостоятельность.

Источники

- Бочавер А.А., Поливанова К.Н., Павленко К.В. (2020) Гулять или не гулять? Как современные родители организуют независимую мобильность детей//Городские исследования и практики. Т. 5. № 3. С. 38–53. DOI:10.17323/usp53202038-53.
- Королёва Я.П. (2020) Перемещение подростков по городу: мотивы, возможности и ограничения//Городские исследования и практики. Т. 5. № 3. С. 54–65. DOI:10.17323/usp53202054-65.
- Озорнина Н.Ю., Любицкая К.А., Бочавер А.А. (2022) К проблемам понятийного аппарата в исследованиях родительства в образовании//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 42–65. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.1997.
- Осорина М.В. (2019) Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер.
- Радина Н.К. (2017) Город как фабрика страха и риска: детский взгляд на городское пространство//Социальная психология и общество. Т. 8. № 2. С. 131–145. DOI:10.17759/sps.2017080209.
- Сергеева О.В., Лактюхина Е.Г. (2019) Социальные аспекты цифровизации детской городской мобильности//Журнал исследований социальной политики. Т. 17. № 4. С. 507–524. DOI:10.17323/727-0634-2019-17-4-507-524.
- Alparone F.R., Pacilli M.G. (2012) On Children's Independent Mobility: The Interplay of Demographic, Environmental, and Psychosocial Factors//Children's Geographies. Vol. 10. № 1. P. 109–122.
- Barber B.K. (1996) Parental Psychological Control: Revisiting a Neglected Construct//Child Development. Vol. 67. № 6. P. 3296–3319.
- Bennetts S.K. et al. (2022) 'Stranger Danger', 'Abduction Risks' and 'Fear': Media Coverage of Children's Independent Mobility and Parental Attitudes//Children & Society. 00, e12659. DOI:10.1111/chso.12659.
- Berasategi N., Legorburu I., Aliri J., Alonso I. (2022) The 'Walking with Friends to School' Project and Its Contribution to Independent Mobility, Self-Esteem and Happiness//Children and Society. Vol. 36. P. 768–778. DOI:10.1111/chso.12532.
- Flynn R.M., Shaman N.J., Redleaf D.L. (2023) The Unintended Consequences of "Lack of Supervision" Child Neglect Laws: How Developmental Science Can Inform Policies About Childhood Independence and Child Protection//Social Policy Report. Vol. 36. P. 1–38. DOI:10.1002/sop2.27.
- Hillman M., Adams J., Whitelegg J. (1990) One False Move... A Study of Children's Independent Mobility. London: Policy Studies Institute.
- Legorburu I., Idoiaga N., Alonso I., Berasategi N. (2022) Why are You Allowed to Go to School on Your Own? Exploring Children's Voices on Independent Mobility//Children and Society. Vol. 36. P. 1111–1125. DOI:10.1111/chso.12559.
- Ryan R.M., Deci E.L. (2000) Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being//American Psychologist. Vol. 55. № 1. P. 68–78.
- Schaefer E.S. (1965) Children's Reports of Parental Behavior: An Inventory//Child Development. Vol. 36. № 2. P. 413–424.
- Shaw B., Bicket M., Elliott B., Fagan-Watson B., Mocca E., Hillman M. (2015) Children's Independent Mobility: An International Comparison and Recommendations for Action. London: Policy Studies Institute.
- Soenens B., Beyers W. (2012) The Cross-Cultural Significance of Control and Autonomy in Parent-Adolescent Relationships//Journal of Adolescence. Vol. 35. № 2. P. 243–248.
- Soenens B., Vansteenkiste M. (2010) A Theoretical Upgrade of the Concept of Parental Psychological Control: Proposing New Insights on the Basis of Self-Determination Theory//Developmental Review. Vol. 30. № 1. P. 74–99.
- Soenens B., Vansteenkiste M., Van Petegem S., Beyers W., Ryan R. (2017) How to Solve the Conundrum of Adolescent Autonomy?//Autonomy in Adolescent Development: Towards Conceptual Clarity. Abingdon, New York: Routledge, Psychology Press. P. 1–32.
- Van Petegem S., Zimmer-Gembeck M., Baudat S., Soenens B., Vansteenkiste M., Zimmermann G. (2019) Adolescents' Responses to Parental Regulation: The Role of Communication Style and Self-Determination//Journal of Applied Developmental Psychology. Vol. 65. P. 1–45. DOI:10.1016/j.appdev.2019.101073.

PARENTAL LICENSING OF THE CHILDREN'S INDEPENDENT MOBILITY IN THE MODERN RUSSIAN FAMILIES²

Alexandra A. Bochaver, PhD in Psychology, Head of the Centre for Modern Childhood research, Institute of Education, HSE University; 16 bldg. 10 Potapovsky Lane, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>.

E-mail: abochaver@hse.ru

Victoria G. Yerofeeva, postgraduate student in Psychology department, intern researcher in the Centre for Modern Childhood research, Institute of Education, HSE University; 16 bldg. 10 Potapovsky Lane, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1077-6737>.

E-mail: verofeeva@hse.ru

Ekaterina M. Tsyganova, intern researcher in the Centre for Modern Childhood research, Institute of Education, HSE University; 16 bldg. 10 Potapovsky Lane, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>.

E-mail: etsyganova@hse.ru

Abstract. The paper examines the development of children's autonomy through the example of independent mobility from the child's perspective. Drawing on 30 semi-structured biographical interviews with informants aged 11 to 24 years, comprising 15 males and 15 females from 15 cities in Russia, the study investigates narratives about independent mobility and parent-child relationships in the context of autonomy formation. Grounded in self-determination theory and notions of parental control and autonomy support, two key perspectives on autonomy are explored: independent behavior performed without assistance from others, and volitional functioning conditioned by personal values. The child's independent mobility emerges as a significant theme in parent-child relationships; however, parental approval of this mobility often differs from parental behavior in other aspects of children's autonomy development. The paper demonstrates that the history of a child's independent mobility is largely unique and serves as a source of adolescent autonomy experiences, wherein parents establish a system of rules (structure) governing mobility and delegate deci-

2. The research was supported by the Russian Scientific Foundation (RNF), project No. 22-18-00416.

sion-making within these rules to the child. This complements or even contrasts with other relational contexts. The study concludes by discussing the limitations and prospects of the research.

Key words: children's independent mobility; autonomy; parental control; autonomy support; autonomy development

Citation: Bocharov A.A., Yerofoeva V.G., Tsyganova E.M. (2023) Parental Licensing of the Children's Independent Mobility in the Modern Russian Families, *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 2, pp. 92-104. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp82202392-104> (in Russian)

References

- Alparone F.R., Pacilli M.G. (2012) On Children's Independent Mobility: The Interplay of Demographic, Environmental, and Psychosocial Factors. *Children's Geographies*, vol. 10, no 1, pp. 109-122.
- Barber B.K. (1996) Parental Psychological Control: Revisiting a Neglected Construct. *Child Development*, vol. 67, no 6, pp. 3296-3319.
- Bennetts S.K. et al. (2022) 'Stranger Danger', 'Abduction Risks' and 'Fear': Media Coverage of Children's Independent Mobility and Parental Attitudes. *Children and Society*, 00, e12659. DOI:10.1111/chso.12659.
- Berasategi N., Legorburu I., Aliri J., Alonso I. (2022) The 'Walking with Friends to School' Project and Its Contribution to Independent Mobility, Self-Esteem and Happiness. *Children and Society*, vol. 36, pp. 768-778. DOI:10.1111/chso.12532.
- Bocharov A.A., Polivanova K.N., Pavlenko K.V. (2020) Gulyat' ili ne gulyat'? Kak sovremennye roditeli organizuyut nezavisimuyu mobil'nost' detei [To Walk or Not to Walk? How Modern Parents Organize Independent Mobility of Children]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 5, no 3, pp. 38-53. DOI:10.17323/usp53202038-53 (in Russian)
- Flynn R.M., Shaman N.J., Redleaf D.L. (2023) The Unintended Consequences of "Lack of Supervision" Child Neglect Laws: How Developmental Science Can Inform Policies about Childhood Independence and Child Protection. *Social Policy Report*, vol. 36, pp. 1-38. DOI:10.1002/sop2.27.
- Hillman M., Adams J., Whitelegg J. (1990) One False Move... A Study of Children's Independent Mobility. London: Policy Studies Institute.
- Koroleva Ya.P. (2020) Peremeshchenie podrostkov po gorodu: motivy, vozmozhnosti i ogranicheniya [Adolescents' Movements Around the City: Motives, Opportunities, and Limitations]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 5, no 3, pp. 54-65. DOI:10.17323/usp53202054-65 (in Russian)
- Legorburu I., Idoiaga N., Alonso I., Berasategi N. (2022) Why are You Allowed to Go to School on Your Own? Exploring Children's Voices on Independent Mobility. *Children and Society*, vol. 36, pp. 1111-1125. DOI:10.1111/chso.12559.
- Osorina M.V. (2019) Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh [The Secret World of Children in the Space of the Adult World]. Saint-Petersburg: Piter. (in Russian)
- Ozornina N.Yu., Lyubitskaya K.A., Bocharov A.A. (2022) K problemam ponyatiinogo apparata v issledovaniyakh roditel'stva v obrazovani [On the Problems of the Conceptual Apparatus in the Research of Parenthood in Education]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], vol. 2, pp. 42-65. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.1997 (in Russian)
- Radina N.K. (2017) Gorod kak fabrika strakha i riska: detskii vzglyad na gorodskoe prostranstvo [The City as a Factory of Fear and Risks: A Child's View of the Urban Space]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], vol. 8, no 2, pp. 131-145. DOI:10.17759/sps.2017080209 (in Russian)
- Ryan R.M., Deci E.L. (2000) Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*, vol. 55, no 1, pp. 68-78.
- Schaefer E.S. (1965) Children's Reports of Parental Behavior: An Inventory. *Child Development*, vol. 36, no 2, pp. 413-424.
- Sergeeva O.V., Laktyukhina E.G. (2019) Sotsial'nye aspekty tsifrovizatsii detskoi gorodskoi mobil'nosti [Social Aspects of Digitalization of Children's Urban Mobility]. *Zhurnal issledovaniya sotsial'noi politiki* [Journal of Social Policy Studies], vol. 17, no 4, pp. 507-524. DOI:10.17323/727-0634-2019-17-4-507-524 (in Russian)
- Shaw B., Bicket M., Elliott B., Fagan-Watson B., Mocca E., Hillman M. (2015) Children's Independent Mobility: An International Comparison and Recommendations for Action. London: Policy Studies Institute.
- Soenens B., Beyers W. (2012) The Cross-Cultural Significance of Control and Autonomy in Parent-Adolescent Relationships. *Journal of Adolescence*, vol. 35, no 2, pp. 243-248.
- Soenens B., Vansteenkiste M. (2010) A Theoretical Upgrade of the Concept of Parental Psychological Control: Proposing New Insights on the Basis of Self-Determination Theory. *Developmental Review*, vol. 30, no 1, pp. 74-99.
- Soenens B., Vansteenkiste M., Van Petegem S., Beyers W., Ryan R. (2017) How to Solve the Conundrum of Adolescent Autonomy? *Autonomy in Adolescent Development: Towards Conceptual Clarity*. Abingdon, NY: Routledge, Psychology Press, pp. 1-32.
- Van Petegem S., Zimmer-Gembeck M., Baudat S., Soenens B., Vansteenkiste M., Zimmermann G. (2019) Adolescents' Responses to Parental Regulation: The Role of Communication Style and Self-Determination. *Journal of Applied Developmental Psychology*, vol. 65, pp. 1-45. DOI:10.1016/j.appdev.2019.101073.

ДАРЬЯ МАЛЬЦЕВА, ЮЛИЯ ДАНЕЛЮК-КОБЫЛЯНСКАЯ, ЕЛИЗАВЕТА СИНЯЕВА,
СЕМЁН СКОТНИКОВ, ПОЛИНА ШИРОКОВА

Сравнение стратегий политического вмешательства в неформальные
поселения городов Глобального Юга

АННА СКРИГАН, АНТОН ШКАРУБО

Субурбанизация в эпоху COVID-19: выживут ли традиционные дачи в России?

ЕКАТЕРИНА ЛЕТТИЕВА, ОЛЕГ ШТИНОВ

Разнообразие в условиях депопуляции: территориальное и стратегическое
планирование в сжимающихся городах Республики Коми

ДАРЬЯ ШУБИНА, КИРИЛЛ ПУЗАНОВ

Риски и потенциал городских пустот

АЛЕКСАНДРА КОЛЕСНИК

Музыкальная география и понятие «музыкальный ландшафт»:

подходы к исследованию музыки в пространстве города

АЛЕКСАНДРА БОЧАВЕР, ВИКТОРИЯ ЕРОФЕЕВА, ЕКАТЕРИНА ЦЫГАНОВА

Родительское лицензирование детских независимых перемещений
в современных российских семьях